

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВЕСТНИК

Уфимского юридического института МВД России

№ 2 (84)

BULLETIN

of Ufa Law Institute

Издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации

The journal is included into the list of the reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in which the main results of theses for the degrees of Doctors and Candidates of Sciences must be published

Уфа – 2019

12+

Главный редактор:

Ханахмедов Алексей Сефединович – кандидат юридических наук, начальник Уфимского юридического института МВД России.

Заместитель главного редактора:

Терехов Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе).

Члены редакционной коллегии:

Азнагулова Гузель Мухаметовна – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель директора, заведующая кафедрой теории государства и права Института права БашГУ.

Аминев Фарит Гизарович – доктор юридических наук, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры криминалистики Института права БашГУ.

Асянова Светлана Рифовна – кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Баншева Зия Вагизовна – доктор филологических наук, доцент, заслуженный учитель Республики Башкортостан, профессор кафедры теории государства и права Института права БашГУ.

Баймиева Вера Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Бакирова Лена Рифатовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Барков Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Ульяновского государственного университета.

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России.

Варданян Акоп Вараздатович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

Вилкова Алевтина Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры противодействия незаконному обороту наркотиков Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерал-лейтенанта милиции А. Н. Сергеева ВИПК МВД России.

Гришко Александр Яковлевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России.

Даянов Ирек Сайфуранович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Емелин Сергей Михайлович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Еникеев Зуфар Иргалиевич – доктор юридических наук, профессор, Председатель Конституционного Суда Республики Башкортостан.

Заурова Эльвира Викторовна – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России.

Имбаева Гузель Римовна – кандидат юридических наук, доцент, врио заместителя начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Ильин Дмитрий Юрьевич – доктор филологических наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заведующий кафедрой русской филологии Волгоградского государственного университета.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета.

Имаева Юлия Борисовна – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Исаева Регина Минияровна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Каац Марина Эвальдовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Каримов Рим Римович – кандидат юридических наук, врио начальника кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Костеников Михаил Валерьевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, профессор кафедры подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка и сотрудников для подразделений по вопросам миграции ВИПК МВД России.

Куракин Алексей Валентинович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка и сотрудников для подразделений по вопросам миграции ВИПК МВД России.

Латыпов Вадим Сагитьянович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Линевич Владимир Леонтьевич – кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Литвишков Владимир Михайлович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России.

Лысенко Евгений Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Башкортостан, председатель Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мамлесова Дилара Радиковна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Миронов Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и муниципального права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Морозов Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета.

Мулукаев Роланд Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Российской Академии естественных наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Небрятенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России.

Низаева Светлана Рамилевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Нуркаева Татьяна Николаевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Нухов Салават Жавдатович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии БашГУ.

Петрова Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент, Отличник образования Республики Башкортостан, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Рахимов Эльдар Харисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Сердюк Леонид Васильевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права БашГУ, профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Тужилова-Орданская Елена Марковна – доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный юрист Республики Башкортостан, заведующая кафедрой гражданского права, профессор Института права БашГУ.

Усманова Резида Минниаровна – доктор юридических наук, доцент, Отличник образования Российской Федерации, декан юридического факультета Стерлитамакского филиала БашГУ.

Хакимова Эльмира Робертовна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Халиков Аслям Наилевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Института права БашГУ, профессор кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Яхина Юлия Харисовна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Башкортостан.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-75866 от 24 мая 2019 г.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLI-BRARY»

Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агенство «Книга-Сервис», 39481.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.

Литературный редактор Д. И. Шабазова. Дизайн И. М. Кутявин. Верстка Д. М. Толкачева.

Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru.

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России. Подписано в печать: 26.06.2019.

Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 14,7. Гарнитура Times. Тираж 60 экз. Заказ № 30. Цена свободная.

BULLETIN

№ 2 (84) 2019

of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

Scientific and practical journal
Published since June 1998 quarterly
Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Khanakhmedov Alexey Sefedinovich – Candidate of Law, chief of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Deputy editor-in-chief:

Terekhov Alexey Yurievich – Candidate of Law, Associate Professor; deputy chief of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (in research work).

Members of the editorial board

Aznagulova Guzel Mukhametovna – Doctor of Law, Associate Professor; first deputy chief, head of theory of state and law chair of the Institute of Law of Bashkir State University.

Aminev Farit Gizarovich – Doctor of Law, Honoured employee of the Ministry of Internal Affairs, professor of the chair of criminalistics of the Institute of Law of Bashkir State University.

Asyanova Svetlana Rifovna – Candidate of Pedagogy, lecturer of the chair of pedagogy and psychology in internal affairs officers' activity of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Baisheva Zilya Vagizovna – Doctor of Philology, Associate Professor; Honoured teacher of the Republic of Bashkortostan, professor of theory of state and law chair of the Institute of Law of Bashkir State University.

Baimieva Vera Yurievna – Candidate of Philology, Associate Professor; associate professor of the chair of foreign and Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bakirova Lena Rifkhatovna – Candidate of Philology, associate professor of the chair of foreign and Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Barkov Alexey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor; professor of the chair of civil law and procedure of Ulyanovsk State University.

Beglova Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Associate Professor; Honoured worker of higher vocational education of the Russian Federation, professor of the chair of foreign language and culture of speech of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vardanyan Akop Varazdatovich – Doctor of Law, Professor; chief of the chair of criminalistics and operative-detective activity of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vilkova Alevtina Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor; chief researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Grachev Nikolai Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor; professor of the chair of constitutional and administrative law of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor; professor of the chair of counteraction against illegal drug trafficking of International interdepartmental training center for operational units named after lieutenant-general of militia A. N. Sergeev.

Grishko Alexander Yakovlevich – Doctor of Law, Professor; professor of the chair of criminal and penal executive law of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Dayanov Irek Saifuranovich – Candidate of Law, Associate Professor; associate professor of the chair of operative-detective activity of internal affairs of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Emelin Sergei Mikhailovich – Doctor of Law, Associate Professor; professor of the chair of history and theory of state and law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Enikeev Zufar Irgalievich – Doctor of Law, Professor; corresponding member of the Academy of Sciences, chairman of the Constitutional Court of the Republic of Bashkortostan.

Zautorova Elvira Viktorovna – Doctor of Pedagogy, Professor; corresponding member of the International academy of pedagogical education, professor of the chair of legal psychology and pedagogy of Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Igbaeva Guzel Rimovna – Candidate of Law, Associate Professor; Acting deputy head of the chair of civil and law disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ilyin Dmitriy Yurievich – Doctor of Philology, Associate Professor; Honoured worker of higher vocational education of the Russian Federation, chairman of the Russian philology chair of Volgograd State University.

Ilyashenko Alexey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor; Honoured lawyer of Kuban, professor of the chair of criminal law and criminology of Kuban State University.

Imaeva Yulia Borisovna – Candidate of Law, deputy chief of the criminalistics chair of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Isaeva Regina Miniyarovna – Candidate of Law, Associate Professor; chief of the criminal procedure chair of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Iskandarova Gulnara Rifovna – Doctor of Philology, Associate Professor; professor of the chair of foreign and Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kaats Marina Evaldovna – Candidate of Law, Associate Professor; associate professor of the criminal procedure chair of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimov Rim Rimovich – Candidate of Law, Acting head of theory of state and law chair of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kostennikov Mikhail Valerievich – Doctor of Law, Professor; Honoured employee of the Ministry of Internal Affairs, professor of the preparation center for police officers in maintaining public order and migration service of All-Russian advanced training institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kurakin Alexey Valentinovich – Doctor of Law, Professor; professor of the preparation center for police officers in maintaining public order and migration service of All-Russian advanced training institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Latypov Vadim Sagitianovich – Candidate of Law, Associate Professor; deputy chief of the criminal procedure chair of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Linevich Vladimir Leontievich – Candidate of Psychology, Associate Professor; chief of the chair of pedagogy and psychology in internal affairs officers' activity of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Litvishkov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Pedagogy, Professor; professor of the chair of legal psychology and pedagogy of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Lysenko Yevgeniy Sergeevich – Candidate of Law, Associate Professor; chief of the chair of management in the internal affairs of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makarenko Iona Anatolyevna – Doctor of Law, Professor; Honoured lawyer of the Republic of Bashkortostan, Chairman of the Central Election Commission of the Republic of Bashkortostan.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor; professor of the chair of criminal law and criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mamleeva Dilara Radikovna – Candidate of Law, associate professor of the chair of civil law subjects of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mironov Anatoliy Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor; professor of the chair of constitutional and municipal law of Vladimir branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Morozov Sergei Yurievich – Doctor of Law, Professor; dean of the Department of Law of Ulyanovsk State University.

Mulukaev Roland Sergeevich – Doctor of Law, Professor; corresponding member of the Russian Academy of Natural Sciences, chief scientific worker of scientific research center of Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, president of the Russian Society of History and Law.

Nebratenko Gennadiy Gennadievich – Doctor of Law, Associate Professor; professor of the chair of theory of state and law of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nizaeva Svetlana Ramilevna – Candidate of Law, senior lecturer of the criminalistics chair of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nurkaeva Tatyana Nikolaevna – Doctor of Law, Professor; professor of the chair of criminal law and criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nukhov Salavat Zhavdatovich – Doctor of Philology, Professor; professor of the chair of the English language and cross-cultural communication of the Romance-Germanic Philology Department of Bashkir State University.

Petrova Elena Alexandrovna – Doctor of Philology, Associate Professor; Excellent Worker of education of the Republic of Bashkortostan, head of the chair of foreign and Russian languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Pobedkin Alexander Viktorovich – Doctor of Law, Professor; professor of the chair of the management of criminal detection bodies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezzhalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor; chief of the chair of administrative law subjects of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Rakhimov Eldar Kharisovich – Candidate of Law, Associate Professor; Head of the chair of civil and law disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Serdyuk Leonid Vasilyevich – Doctor of Law, Professor; professor of the chair of criminal law and criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tarasov Alexander Alexeyevich – Doctor of Law, Professor; head of the department of criminal law and processes of the Institute of Law of Bashkir State University, professor of the department of criminal procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tolkachev Konstantin Borisovich – Doctor of Law, Professor; full member of the Academy of Military Sciences, honored lawyer of the Russian Federation, chairman of the State Assembly – Kurultay of the Republic of Bashkortostan.

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna – Doctor of Law, Professor; Honoured worker of higher vocational education of the Russian Federation, Honoured lawyer of the Republic of Bashkortostan, head of the chair of civil law and procedure, professor of the Institute of Law of Bashkir State University.

Usmanova Rezida Miniyarovna – Doctor of Law, Associate Professor; excellent worker of education in Russia, dean of the law department of Sterlitamak branch of Bashkir State University.

Khakimova Elmira Robertovna – Candidate of Law, Associate Professor; deputy chief of the chair of administrative law subjects of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Khalikov Aslyam Nailevich – Doctor of Law, Associate Professor; professor of the department of criminalistics of the Institute of Law of Bashkir State University; professor of the department of criminalistics of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Yakhina Yuliya Kharisovna – Candidate of Law, Associate Professor; chief of the chair of constitutional law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media in the Republic of Bashkortostan. The mass media registration certificate PM № FS77-758669 24.05.2019.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 39481.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

The copy editor D. I. Shabazova. Design by I. M. Kutyaev. Layout D. M. Tolkacheva.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru.

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 26.06.2019. Format 60x84 1/8. Conv. print sheets 14.7. Typeface Times.

Circulation: 60 copies. Order № 30. Free price.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово главного редактора	8
Научные статьи и доклады	9
Теория и история государства и права. История учений о праве и государстве	
<i>Синиченко В. В.</i> Шпион и революционер Ли Чжон Хо (Ли Чжонхо)	9
Уголовное право. Криминология	
<i>Кадырова У. О.</i> Взаимосвязь трансформации наркоситуации на пути трафика афганских опиатов по «Северному маршруту» и способов совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров	16
<i>Курсаев А. В.</i> Проблемы определени признаков потерпевшего в составе воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов (статья 144 УК РФ)	21
Административное право. Административный процесс	
<i>Золотова Е. В.</i> Специфика полномочий Центральной аттестационной комиссии МВД России	26
Уголовный процесс. Криминалистика	
<i>Григорьев В. Н., Максимов О. А.</i> Понятие электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве	33
<i>Победкин А. В.</i> Народ как источник власти в уголовном судопроизводстве	44
<i>Проконова А. А.</i> Протокольная форма досудебной подготовки материалов как возможная модель ускоренного производства (с учетом опыта Республики Казахстан)	55
<i>Савенков А. В.</i> О неточности нормативно-правовой формы гуманистического содержания некоторых положений Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации»	64
<i>Тарасов А. А.</i> Взаимодействие следователей и органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность в современных условиях: размышления теоретика	67
Правозащитная и правоохранительная деятельность	
<i>Солодкая В. И.</i> Обеспечение права обвиняемого быть подробно уведомленным о характере и основании предъявляемого ему уголовного обвинения	74
Гражданское право	
<i>Шевко Н. Р., Хадиуллина Г. Н.</i> Формирование системы показателей информационной безопасности российских регионов в условиях растущей неопределенности внешней среды	79
Судебно-экспертная деятельность. Оперативно-разыскная деятельность	
<i>Васильченко А. В.</i> Особенности назначения и проведения судебно-медицинских экспертиз при расследовании ятрогенных преступлений	86
Общая педагогика, история педагогики и образования. Теория и методика профессионального образования	
<i>Асянова С. Р.</i> Основы психологической и педагогической техники в правоохранительной деятельности	90
<i>Бикчинтаева Л. Г.</i> Актуальные задачи формирования профессионально-психологической подготовленности обучающихся образовательной организации системы МВД России	96
Общие вопросы языкознания. Язык и право. Юрислингвистика	
<i>Баишева З. В.</i> Аргументация в речи юриста	102
<i>Беглова Е. И., Красикова О. Г.</i> Особенности профессиональной речи сотрудников органов внутренних дел	108
Памятка	113

CONTENTS

The opening speech of the editor-in-chief	8
Scientific articles and reports	9
Theory and History of State and Law. History of Law and State Teachings	
<i>Sinichenko V. V.</i> A spy and a revolutionary by Lee Jeong-Ho (Lee Jeong-Ho)	9
Criminal Law. Criminology	
<i>Kadyrova U. O.</i> The relationship of the transformation of narcosituation on the way of traffic of afghan opiats on the «North route» and methods of perfecting crimes with unlawful treatment of drugs, psychotropic substances and their precursors	16
<i>Kursaev A. V.</i> The problem of determining the characteristics of the victim consisting of obstructing the lawful professional activities of journalists (article 144 of the criminal code)	21
Administrative law. Administrative process	
<i>Zolotova E. V.</i> Specification of authority Central Certification Committee of Ministry of Internal Affairs of Russia	26
Criminal Procedure. Criminalistics	
<i>Grigoryev V. N., Maksimov O. A.</i> Concept of electronic media of information in criminal proceedings	33
<i>Pobedkin A. V.</i> The people as a source of power in criminal proceedings	44
<i>Prokopova A. A.</i> The protocol form of the preceudal preparation of materials as a possible model of accelerated production (taking into account experience of the Republic of Kazakhstan)	55
<i>Savenkov A. V.</i> On the inaccuracy of the normative-legal form of the humanistic content of some provisions of the Federal law «On the Investigative committee of the Russian Federation»	64
<i>Tarasov A. A.</i> Interaction of investigators and bodies implementing operational-investigative activities in modern conditions: reflections theoretics	67
Law enforcement activities	
<i>Solodkaya V. I.</i> Ensuring the right of the accused to be informed in detail about the nature and grounds of the criminal charge against him	74
Civil Law	
<i>Shevko N. R., Khadiullina G. N.</i> Formation of the system of indicators of information security of the russian regions in the conditions of growing uncertainty of the external environment	79
Forensic Activity. Operative Detective Activity	
<i>Vasilchenko A. V.</i> Features of appointment and carrying out forensic examinations in the investigation of iatrogenic crimes	86
General Theory of Education. History of Pedagogy and Education. Theory and Methods of Vocational Education	
<i>Asyanova S. R.</i> Fundamentals of psychological and pedagogical techniques law enforcement	90
<i>Bikchintayeva L. G.</i> priority tasks of forming professional and psychological readiness of students of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation	96
General Problems of Linguistics. Language and Law. Legal Linguistics	
<i>Baisheva Z. V.</i> The argument in the speech of a lawyer	102
<i>Beglova E. I., Krasikova O. G.</i> Particular features of professional speech of law-enforctment officers	108
Instruction	113

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги!

Наш журнал «Вестник Уфимского юридического института МВД России» издается с июня 1998 года. Журнал публикует результаты научных исследований, посвященных проблемам права и государства, их историческому аспекту, актуальным вопросам юриспруденции, правоохранительной деятельности, развития и совершенствования высшего юридического образования, методики обучения и воспитания в образовательных организациях системы МВД России, связи юридической науки и практики, а также очерки и материалы по филологическим и педагогическим наукам. Авторы представляют новейшие разработки в области судебной, прокурорской, правозащитной, судебно-экспертной и оперативно-разыскной деятельности.

Журнал стал своеобразной стартовой площадкой для молодых ученых, опубликовавших здесь свои первые статьи. Отрадно отметить, что многие из них реализовали себя в науке, подготовив и защитив диссертации на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. О высоком уровне и качестве публикуемого материала говорят многочисленные статьи авторов, представляющих страны ближнего зарубежья.

Редакция журнала находится в постоянном поиске новых форм по более емкому и в то же время качественному режиму подачи информации. С марта 2019 года научно-практический журнал «Вестник Уфимского юридического института МВД России» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Хочу пожелать коллективу редакции журнала, а также многочисленному авторскому составу реализации поставленных целей и научных свершений на благо становления и развития российского правового государства.

**Главный редактор –
начальник Уфимского юридического института МВД России
кандидат юридических наук полковник полиции
Ханахмедов Алексей Сефединович**

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 329.14'17(571.6)(=531):929''191/193''

В. В. СИНИЧЕНКО, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, доктор исторических наук, профессор (г. Иркутск)

V. V. SINICHENKO, head of the Chair of Civil Law Disciplines of the East-Siberian Institute of the Interior Ministry of Russia, Doctor of History, professor (Irkutsk)

ШПИОН И РЕВОЛЮЦИОНЕР ЛИ ЧЖОН ХО (ЛИ ЧЖОНХО)

A SPY AND A REVOLUTIONARY BY LEE JEONG-HO (LEE JEONG-HO)

***Аннотация.** В статье анализируются причины, по которым в 1937 г. советская власть предприняла ряд репрессивных мер в отношении лидеров корейского социалистического движения. На основе впервые вводимого в научный оборот архивного материала делается вывод, что часть лидеров корейского национально-освободительного движения накануне и в годы Первой мировой войны, не получив поддержки российского государства по освобождению от оккупации Корейского полуострова, разочаровалась в царском правительстве и перешла если не совсем к антироссийским действиям, то вполне очевидной антироссийской риторике и пропаганде.*

Одним из представителей левого крыла корейского национал-освободительного движения был националист Ли Чжон Хо, член общества «Кунмхве», а потом пророссийского общества «Квонопхве». Не получив поддержки от российской администрации, этот корейский инсургент стал сотрудничать с китайской разведкой, надеясь получить поддержку Китая при планируемом освобождении Кореи. Высланный в годы Первой мировой войны в Китай Ли Чжон Хо вел антироссийскую пропаганду среди корейцев Приморья, призывал их дезертировать и не служить в российской армии. Ли Чжон Хо был арестован и пребывал в заключении пока его не освободила советская власть после Октябрьской революции. Затем революционер и шпион Ли Чжон Хо примкнул к социалистам.

***Ключевые слова и словосочетания:** корейцы, японцы, независимость, национальное общество, политические эмигранты, жандармы, контрразведывательное отделение.*

***Annotation.** The article analyzes the reasons why in 1937 the Soviet government took a number of repressive measures against the leaders of the Korean socialist movement. On the basis of the archive materials for the first time introduced into scientific circulation, it is concluded that some leaders of the Korean national liberation movement on the eve and during the First world war did not receive the support of the Russian state for liberation from the occupation of the Korean Peninsula, they became disillusioned with the tsarist government and moved, if not quite to anti-Russian actions, then quite obvious anti-Russian rhetoric and propaganda.*

One of the representatives of the left wing of the Korean national-liberation movement was a nationalist by Lee Jeong-Ho, a member of the society «Connmigo», and then the Pro-Russian society «Konopko». Not having received support from the Russian administration, the Korean insurgent began to cooperate with Chinese intelligence, hoping apparently to get the support of China in the planned liberation of Korea. Expelled during the First world war in China, Lee Jung Ho led anti-Russian

propaganda among the Koreans of Primorye, urged them to desert and not serve in the Russian army. Li Jun Ho was arrested and held in prison until he was released by the Soviet government after the October revolution. Then a revolutionary and a spy by Lee Jeong-Ho joined the socialists.

Keywords and phrases: *koreans, Japanese, independence, national society, political emigrants, gendarmes, counterintelligence department.*

В научных трудах советского периода вопрос репрессий в 1930-е гг. XX в. в отношении лидеров корейского коммунистического и социалистического движения был табуированной темой. Например, написанная в советский период книга М. Т. Ким «Корейские интернационалисты в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (1918–1922)» содержит сведения о 72 героях (в основном о социалистах). Однако автор не стал объяснять внезапное исчезновение в 1930-х гг. более половины героев книги. Вместе с тем при описании дореволюционного периода связь с революционным движением в России была главным критерием в оценке лидеров корейского национального движения. Это позволяло разделить борцов с японской оккупацией в XX в. на хороших (демократических) и плохих (буржуазно-помещичьих) [1].

После образования в 1991 г. Российской Федерации направленность востоковедческих исследований коренным образом изменилась. Одной из первых книг, показавших двойственность судьбы российских корейцев, взаимодействие в ней национального и интернационального, стала вышедшая в 1994 г. с предисловием М. Н. Пака книга Б. Д. Пака «Корейцы в Российской империи» [2].

Работы Б. Д. Пака существенно дополнили наши знания об антияпонском повстанческом движении в России. Однако приведенные автором сведения из документов архивов о том, что некоторые корейцы-лидеры антияпонского движения были настроены враждебно по отношению к России, оказались для русского читателя неожиданными [3–5]. Содержание изданных в последние годы работ по истории Кореи свидетельствует о том, что отношение к корейским инсургентам в официальной историографии России и Кореи остается однотипным и продолжает тот тренд, который был заложен еще в советской историографии: корейские патриоты боролись против японцев за независимость своей родины, если их и объявляли шпионами, то

это были происки японских специальных разведывательных служб [6].

Все вышесказанное позволяет нам сделать вывод, что, несмотря на солидную историографию национально-освободительного движения корейцев, вопросы, связанные с работой японской и китайской разведок в корейских национальных организациях, по сути, отсутствуют. В то же время это порождает целый ряд вопросов. Например о том, как корейцы пользовались российской разведкой и вели антияпонскую войну, написано в многочисленных работах Б. Д. Пака, в связи с чем возникает вопрос: «Почему корейцев массово арестовывали в 30-х гг. не как наследников монархических организаций, а как японских шпионов?».

Известно, что многие борцы национально-освободительного движения принимали участие в националистическом, а впоследствии и в коммунистическом движении (Ли Габ, Ю Ин Сок, Ли Чжон Хо, Ли Ган, Мун Чанг Бом, Ли И Сунн, Ли Ин Сун). Большинство из них были связаны с пророссийской корейской организацией «Квонопхве», созданной российскими спецслужбами накануне Первой мировой войны. Впоследствии большинство корейцев, представителей национального, а затем социалистического движения были ликвидированы во времена сталинских репрессий конца 1930-х годов.

Можно, конечно, говорить о том, что сталинские репрессии в отношении корейских патриотов были порождением шпиономании и тоталитарной паранойи, но мы попытаемся описать на основе архивных материалов дореволюционной эпохи те факты, которые послужили в последующем (1937 г.) основанием подозревать корейцев в массовом шпионаже, что привело, безусловно, к бесчеловечному и несправедливому переселению всех корейцев из Приморья в Среднюю Азию.

Политическая деятельность корейцев в начале XX в. связана с корейскими национальными организациями. Нака-

нуне Первой мировой войны, 10 ноября 1911 г., в Ново-Корейской слободке (Синханчхон) во Владивостоке российские власти создали корейское национальное общество «Квонопхве», в переводе на русский – «Общество развития труда», на котором утвердили устав и избрали его руководящие органы [1, с. 283–288]. В руководство «Квонопхве» вошли Пётр Семёнович Цой – председатель правления, Виктор Сергеевич Хон – заместитель председателя, Иннокентий Иванович Ким – руководитель канцелярии. Все они были русско-подданные корейцы. Из числа последних было назначено большинство заведующих отделами. Надо полагать, что, не желая осложнений с русскими властями, лидеры корейской политэмиграции сознательно отошли в тень и не заняли руководящих постов в «Квонопхве», выдвинув в руководящие органы русско-подданных корейцев.

Однако это не означало, что корейские политэмигранты – не русско-подданные и не играли никакой роли в деятельности общества. Наоборот, в работе «Квонопхве» приняли активное участие эмигрировавшие в Россию деятели просветительского движения, которые сотрудничали с американским обществом «Кунминхве» Ли Сансолем, Чон Джэгваном, Ли Чжонхо, Син Чхэхо, Юн Хэ и др.

Деятельность корейских политэмигрантов, не ставших принимать российское подданство, заинтересовала власти. В этой связи представляет большой интерес рапорт пристава 4-й части Владивостокской городской полиции полицмейстеру г. Владивостока от 14 марта 1912 г.:

«Вследствие представления Вашего высокопревосходительства за № 233, представляя при сем устав общества «Развитие труда» в 2-х экземплярах и список членов правления общества, разрешенного к открытию 10 ноября 1911 г., доношу, что означенное общество, по собранному мною негласным путем сведениям, преследует больше цели запрещенного в 1910 г. общества «Кунминхей» («Кунминхве»), нежели выполнение программы устава «Развитие труда»».

Указанные официально обществом члены правления – фиктивные. Удалось негласно выяснить истинный состав, состоящий поголовно из корейских поддан-

ных: 1) председатель Ли Сан Сер (Ли Сансоль), бывший председатель запрещенного общества «Кунминхой», содержащийся в 1910 г. в тюрьме по постановлению Охранного отделения; 2) казначей Да Чань Хо (Чо Чжонвон), бывший письмоводитель запрещенного общества «Кунминхой»; 3) Ким Ун Нен (Ким Уннён), личность неизвестная; 4) секретарь Николай Иванович Ким, крестьянин Приморской области, состоит личным секретарем корейского подданного Ли Чжонхо; 5) директор народного просвещения – корейский подданный Чен Тя Куан (Чон Джэгван), личность неизвестная; 6) директор торговой палаты Лев Петрович Цой; 7) директор по дипломатической части Николай Николаевич Ким (один из организаторов покушения корейцев на японского политического деятеля князя Ито в 1909 г. в Харбине) [7, с. 186].

На основании поступающей от жандармов информации о ненадежности корейцев 7 февраля 1913 г. иркутский генерал-губернатор подписал Указ о регистрации всех прибывающих в край японских, корейских и китайских подданных. Азиатские общества подлежали регистрации. За ними предписывалось установить негласный надзор. Японцам, равно как и китайцам, и корейцам, запрещалось проживать на железнодорожных станциях, имеющих стратегическое значение [8, л. 30–33].

В марте 1913 г. в штаб Приамурского военного округа поступили сведения о том, что новый член общества «Квонопхве», бывший член «Кунминхве», Ли Чжон Хо (Ли Чжонхо, Ли Чжонхо) перекуплен японскими службами и передал им сведения о численности и деятельности корейцев в России. Ли Чжон Хо немедленно арестовали [2, с. 196].

31 марта 1913 года ротмистр отдельного корпуса жандармов Владивостокской крепостной команды Акцынов получил от командира 37-го Сибирского стрелкового полка уведомление, что в городе Иман остановился кореец Ли Чжон Хо, который начал общаться с чинами полка, собирая сведения военного характера. Официально Ли Чжон Хо выдавал себя за сторонника России, в то же время он находился в сношениях с проживающим в Хунчуне корейцем Ху Анг Пенгом, который состоял агентом по раз-

ведке у китайских властей. В связи с этим российские жандармы предположили, что Ли Чжон Хо действует в интересах Китая, а не России.

Отметим, что в том же 1913 г. Владивостокское генеральное японское консульство решило переписать всех корейцев, живущих на русской территории. Японский консул Номура Мотоногу во исполнение предписания своего правительства обратился за содействием к Ли Чжон Хо, а тот – к военному губернатору Приморской области, скрыв, конечно, настоящую цель предполагаемой переписи и официально заявив, что это нужно для корейского общества. Военный губернатор Приморской области генерал-майор Манакин 15 марта 1913 г. разрешил провести перепись корейского населения. Однако после получения информации о том, что инициатором переписи является японский консул, полицмейстеру Владивостока приказали отобрать у Ли Чжон Хо удостоверение на право проводить перепись и сведения, которые были к тому времени уже собраны, чтобы последние не попали в руки японских властей [9, л. 145].

6 июля 1913 г. у Ли Чжон Хо в квартире был произведен обыск и выемка переписки на корейском, китайском и японском языках. Помощник полицмейстера Владивостока подполковник Домбровский докладывал, что Ли Чжон Хо действительно мог быть двойным агентом соседних держав, внедренным в пророссийское корейское национальное общество. Причина такого умозаключения жандармов заключалась в том, что значительная часть имущества Ли Чжон Хо находилась в Корее. Несмотря на официальную его ненависть к Японии, оно не было конфисковано японским правительством, и Ли Чжон Хо получал доход от сдачи корейской земли и недвижимости в аренду. Кроме того, несмотря на то что Ли Чжон Хо агитировал корейцев за освобождение Кореи от японского ига, за него не была назначена японскими властями награда. Все это подталкивало русскую контрразведку к мысли, что Ли Чжон Хо – японский агент, задачей которого является изучение образа мыслей и сбор информации об активности корейцев, мигрировавших в Россию [9, л. 146].

Однако протокол обыска свидетельствовал, что Ли Чжон Хо работал не

на японскую разведку, а на китайскую: «В процессе обыска у Ли Чжон Хо были изъяты документы: тетрадь «Роль разведки», письмо с бланком Главного управления Генерального Штаба Китайской республики, два письма третьего отделения Главного управления Генерального Штаба Китайской республики, два устава об организации корейско-китайского общества «Тун-чжу-хуй», условный шифр, заметка по переписи корейского населения».

Названные документы и переписка послужили основанием к возбуждению о Ли Чжонхо переписки для выяснения его степени причастности к делу разведки в пределах Приморского военного округа «в пользу одной из соседних иностранных держав» [9, л. 147].

По собранным негласным сведениям, в августе 1913 г. Ли Чжонхо командировал к Хунчунскому полицмейстеру с секретным поручением корейца Хан Хенкуона, он же Петр Хан. В сентябре 1913 г. им в Пекин из Владивостока был направлен кореец Пак Тон Гуон, устроившийся агентом по разведке у даотая (градоначальника – прим. автора) города Яньцифу.

На политический характер деятельности «Квонопхве» сразу же обратили внимание спецслужбы, и за Ли Чжон Хо началась слежка со стороны русских властей, в связи с чем он вынужден был временно перенести свою деятельность в Маньчжурию.

1 августа 1914 г., после начала мировой войны, когда Япония выступила в качестве союзника России, военный губернатор Приморской области издал распоряжение о закрытии корейских обществ во Владивостоке и других местностях края. Вместе с тем в декабре 1914 г. российская разведка зафиксировала разведывательную деятельность трех немецких офицеров с переводчиком Пак Тон Гуоном. По тем же сведениям кореец Пак Тон Гуон готовился с немцами к заброске с территории Китая в Россию.

По данным жандармов, Пак Тон Гуон – бывший член пророссийского «Квонопхве», проживал в 1913 г. в Никольск-Уссурийске, а с 11 августа 1913 г. у корейца Ким Изика, подозреваемого в причастности к военной разведке в пользу Китая. Пак Тон Гуон неоднократно посещал китайское общество, общался с даотаем в г. Яньцифу. Во Владивостоке жил у Ли Чжон Хо, приво-

зил к нему письма от даотая и от него сообщения переправлял к градоначальнику Яньцзифу. Была установлена связь Ли Чжон Хо с представителем военной разведки Китая в китайском городе Гирине – Ван Муеином (начальник штаба разведки) [9, л. 396].

По негласным сведениям (агентурным), скорее всего провоцируемым японской разведкой, стремившейся через осведомителей опорочить Ли Чжон Хо за антияпонскую деятельность, в сентябре 1913 г. с часу ночи до 4 часов утра у него в квартире был прибывший во Владивосток японец Китицтаро Танигуци (профессор), направляющийся в Россию с каким-то секретным поручением. После посещения названного лица у Ли Чжон Хо появилось несколько тысяч рублей [9, л. 147].

В то же время владивостокскому контрразведывательному отделению удалось установить, что Ли Чжон Хо получал письма и документы на китайском и корейском языках от председателя Новокиевского «Соединенного торгового общества» корейца Тен Ден Ка и его помощника корейца Ли Чжон Гмана через корейца Юн Хе, проживавшего иногда в Приморье в селении Новокиевском, а иногда и в китайском Хунчуне. По поступившим в 1914 г. негласным сведениям, Ли Чжон Хо активно общался с проживавшими в Китае корейцами, постоянно переписывался с ними на оккупированной Японией территории Кореи [9, л. 148].

В 1914 г. Ли Чжон Хо способствовал созданию в России, Китае и Корее нелегального корейского общества «Хап-шен-хой-са» из корейской молодежи, дал приют командированным во Владивосток китайским разведчикам Яньцзиканского даотая, этническим корейцам. Контрразведка отмечала, что благодаря проискам Ли Чжон Хо лучшие люди из корейского национального общества вышли, и оно постепенно стало пополняться разными проходимцами, которые часто оказывали помощь японцам и китайцам в делах разведки. Так, один из членов общества по рекомендации Ли Чжон Хо, кореец Пой Исун, поступил агентом по разведке к яньцзиканскому даотая Ту Бину [9, л. 147]. Опираясь на это, царские власти решились на арест Ли Чжон Хо [10, л. 1]. 25 июля 1915 г. было открыто дело о корейцах, проводивших антияпонскую агитацию. Под № 6 в нем упоминается Ли Чжонхо.

«Недовольный присоединением Кореи в сентябре 1911 г. он переехал в Россию, отправился в августе 1914 г. в Хабаровск, где вместе с Ли Сонго готовил среди корейцев брожение, имевшее целью негодование на японское иго. В августе 1914 г. русский комендант Владивостока по просьбе японских властей запретил ему пребывание во Владивостоке. После он предполагал издавать в Благовещенске журнал антияпонского направления, за отказом в разрешении вынужден был отставить это намерение. С тех пор вместе с другими ведет пропаганду» [11, л. 573 об.].

28 июля 1915 г. ротмистр Немысский в донесении № 3088 в Иркутск уведомлял руководство жандармского управления о создании корейского общества уже под германским влиянием: «Кроме сего, в текущем июле месяце в отделение поступили негласные сведения, что в настоящее время на китайской территории, в таежной местности Надие-гоу, на средства германцев открыто военное училище с кратким курсом обучения. Преподавателями в названном училище являются германские и корейские офицеры. Училище это якобы функционирует с ведома китайских властей, причем число обучающихся в нем корейцев достигло до 400 человек. Из Никольск-Уссурийска туда отправлено 30 человек корейцев по рекомендации Чжан Сонгира и Ань Силасынхена. Корейцы Чжан Сонгир, Юн Хэ и Ли Чжон Хо сами лично, а также через своих агентов открыто пропагандировали среди корейских масс, что те корейцы, которые симпатизируют русским, одинаково симпатизируют и японцам, так как Россия заключила с Японией оборонительный союз. Юн Хэ вербовал в Никольск-Уссурийске и Николаевск-на-Амуре. Что же касается Ли Чжон Хо, то названное лицо в последних числах июня месяца приезжало в Никольск-Уссурийск и, посетив проживавшего в доме № 35 по Занаворовской улице корейца Ли Капа, предложило ему быть начальником штаба и инструктором отряда, но Ли Кап, мотивируя свой отказ болезнью и тем, что это дело – германские проделки с целью шпионства на Дальнем Востоке, уклонился от этого предложения» [9, л. 144].

По собранным жандармами и контрразведчиками сведениям, Чжан Сонгир был старым соратником известного корейского лидера антияпонского сопротивления

Ли Чжон Хо. Контрразведка установила, что Чжан Сонгир поддерживал регулярное сообщение между российскими селами, населенными корейцами, и китайским городом Санчагоу. Русские корейцы, посещая приграничный Китай, оставляли в Санчагоу у местных корейцев сообщения и письма для дальнейшей рассылки.

При передаче корреспонденции в Китай для дальнейшей рассылки были замечены крестьянин Борисовской волости Никольск-Уссурийского уезда Ан Силасын Гхен, его жена Ше Шмиля, дочь Анна. Кроме того, часто пересекал границу живший во 2 квартире в доме № 36 по Занадворской улице Никольск-Уссурийска Ан Декун. Наконец, по мнению жандармов, перевозчиком был участник недоказанного убийства японского подданного крестьянин села Синельниково Покровской волости Никольск-Уссурийского уезда Ким Гуги (русское имя Иван Ким).

«Ли Чжон Хо, – отмечали контрразведчики, – с января 1913 г. вступил в соглашение с китайскими властями, пользовался у них настолько большим доверием, что письменные его свидетельства о самоличности и рекомендательные письма признавались достоверными, и лица, прибывавшие с такими свидетельствами в китайский Хунчун (пограничный китайский город напротив Владивостока), пользовались у китайских властей большим вниманием. Ли Чжонхо поддерживал переписку с пресвитерианской школой в Надие-гоу и пропагандировал, что Китай и Корея – единоплеменные государства с одинаковыми письменностью и обычаями».

«В целом, – считала контрразведка, – Ли Чжонхо и Юн Хай (он же Юн Хе) считали необходимым оказывать возможное содействие Китаю в предстоящей борьбе с Монголией и Россией (Монголия после Синьхайской революции в Китае в 1911 г. приобрела автономию от центральной власти в Пекине и вплоть до конца 1915 г., пока не получила статус автономии, занимала сепаратистскую позицию, надеясь на вооруженную помощь России в случае своего конфликта с бывшей метрополией – прим. автора). Ли Чжонхо говорил, что ставшим на путь помощи Китаю в борьбе с Монголией он окажет денежное содействие

путем отчисления известного процента в их пользу с доходов своего винного магазина в китайском Хунчуне, который он только что там открыл. Ли Чжонхо убедительно просил адресатов держать написанное им в секрете. Результатом этого послания являлось то, что заканчивавшие школу в Надие-гоу кореец Ли Чунсик и учителя двух школ в Хунчуне тайно вели записи добровольцев-корейцев для увеличения военных сил Китая» [9, л. 145].

В декабре 1915 г. Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти телеграфировал Министру иностранных дел России С. Д. Сазонову, что им приняты меры по задержанию «агитатора Ли Чжонхо» [12, л. 39]. После Февральской революции в России Временное правительство в знак союзнической солидарности с Японией продолжало содержать Ли Чжон Хо и его товарищей в тюрьме. В конце августа 1917 г. закончилось следствие по делу корейских националистов. Хотя никаких доказательств шпионажа Ли Чжон Хо в пользу Германии не удалось добыть, но он был задержан как человек, замеченный в сношениях с «лицами, подготовляющими выступления во вред России» [13, л. 2–5].

Тем временем в условиях политического режима Временного правительства корейское население начало организовывать свои общества. В мае 1917 г. в Никольск-Уссурийске прошел 1-й Всероссийский съезд корейских общественных организаций. Большинство делегатов съезда (2/3 участников, имевших право решающего голоса) были представителями зажиточных слоев русско-подданных корейцев, было также немало бывших членов «Квонопхве». Съезд обсуждал вопросы о войне, отношении корейского населения к Временному правительству, борьбе с наследием русификации, реформе корейских школ, самоуправлении корейцев и корейском представительстве в Учредительном собрании [14, с. 360].

Съезд, отправив приветственную телеграмму Временному правительству, поддержал его политику и решение о продолжении войны до победного конца, ходатайствовал перед правительством о предоставлении корейцам «культурной автономии» и выделении одного места представителю корейского населения в будущем Учредительном собрании. Позже это ходатайство Комитетом по

дополнительным выборам в Учредительное собрание было отклонено [14, с. 364–365].

На съезде выявились разногласия между делегатами по поводу ориентации на Советы или Учредительное собрание. В результате часть несогласных покинула форум, а оставшиеся на съезде создали Всероссийский Центральный исполнительный комитет корейских национальных обществ. Почти все покинувшие съезд делегаты не были русскими подданными [15, л. 2–5].

Одним из руководителей этой части корейских националистов, ставших социалистами, были старые соратники Ли Донхви и Ли Чжонхо – лица, занимавшие в годы войны антироссийскую позицию, которую в более поздние времена подавали как антимонархическую.

Таким образом, накануне Первой мировой войны японской разведке удалось завербовать некоторых представителей корейских национальных обществ, действовавших в России. Эта информация, безусловно, зача-

стую преувеличивалась, чтобы вызвать у российских властей сомнения в антияпонской направленности подобных организаций.

Вместе с тем архивные данные свидетельствуют, что некоторые лидеры корейского национального движения были связаны не столько с японской, сколько с китайской разведкой. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, поскольку корейские патриоты надеялись на помощь Китая в освобождении Кореи и действовали по принципу «враг моего врага – мой друг». Связи корейских лидеров национально-освободительного движения левого крыла (социалистов) с китайской разведкой особенно усилились в годы Первой мировой войны, когда Россия и Япония стали официально союзниками. Именно это, помимо просьб японского союзного правительства, вызвало репрессии российских правоохранительных органов в отношении корейских политических деятелей, в том числе и Ли Чжон Хо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорцевич С. С. Участие корейцев русского Дальнего Востока в антияпонской национально-освободительной борьбе (1906–1916 гг.) // Вопросы истории. М., 1958. № 10.
2. Пак Б. Д. Корейцы в Российской империи (Дальневосточный период). М.: Международный центр корееведения МГУ имени М. В. Ломоносова, 1993.
3. Пак Б. Д. Корейцы в Советской России (1917 – кон. 30-х гг.). СПб.: Изд-во Дип. Академия, 1995.
4. Пак Б. Д. Россия и Корея. 2 изд., доп. М.: Институт востоковедения РАН, 2004.
5. Пак Б. Д., Бугай Н. Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М.: Институт востоковедения РАН, 2004.
6. Ан Чжун Гын и антияпонское освободительное движение на территории России // Корейско-российская международная конференция, посвященная 92-й годовщине подвига Ан Чжун Гына. 17 октября 2001 г. Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 2001.
7. Пак М. Н. Об исторических судьбах советских корейцев // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 5.
8. Государственный архив Иркутской области. Фонд 25. Описание 11. Дело 38 (Иркутск).
9. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Фонд 511сч. Описание 2. Дело 49 (Владивосток).
10. Государственный архив Иркутской области. Фонд 27. Описание 1. Дело 121.
11. Государственный архив Иркутской области. Фонд 104. Описание 1. Дело 2.
12. Архив внешней политики Российской империи. Фонд «Тихоокеанский стол». Описание 487. Дело 767 (Москва).
13. Архив внешней политики Российской империи. Фонд «Тихоокеанский стол». Описание 487. Дело 1020.
14. Гоженский Ив. Участие корейской эмиграции в революционном движении на Дальнем Востоке // Революция на Дальнем Востоке. М.: Истпарт, 1923.
15. Беликова Л. Н. Борьба большевиков за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Приморье. Владивосток: Приморское книжное изд-во, 1960.

УДК 343.985.7:343.575(5-191.2)+343.976(581)

У. О. КАДЫРОВА, адъюнкт Академии
управления МВД России (г. Москва)

U. O. KADYROVA, adjunct of the Academy
of Management of the Ministry Interior of Russia
(Moscow)

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ТРАНСФОРМАЦИИ НАРКОСИТУАЦИИ НА ПУТИ
ТРАФИКА АФГАНСКИХ ОПИАТОВ ПО «СЕВЕРНОМУ МАРШРУТУ»
И СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ И ИХ ПРЕКУРСОРОВ**

**THE RELATIONSHIP OF THE TRANSFORMATION OF NARCOSITUATION
ON THE WAY OF TRAFFIC OF AFGHAN OPIATS ON THE “NORTH ROUTE”
AND METHODS OF PERFECTING CRIMES WITH UNLAWFUL TREATMENT
OF DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES AND THEIR PRECURSORS**

Аннотация. В статье рассмотрена взаимосвязь трансформации наркоситуации на пути трафика афганских опиатов по «Северному маршруту» и способов совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также имеющие значение для организации практической деятельности изменения, происходящие за последние 25 лет.

Ключевые слова и словосочетания: наркоситуация, «Северный маршрут», механизм совершения преступлений, обстановка совершения преступления, способ совершения преступления.

Annotation. The article discusses the relationship between the transformation of the drug situation in the way of trafficking in Afghan opiates along the Northern Route and the methods of committing crimes related to the illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors, as well as the changes that are important for the organization of practical activities over the past 25 years.

Keywords and phrases: drug situation, “Northern Route”, crime mechanism, crime situation, method of crime.

Связь между обстановкой преступления и способом его совершения неоднократно исследовалась в криминалистической литературе. Например, Г. Г. Зуйков указывает на детерминированность преступления с условиями внешней среды [1, с. 10], а В. Ф. Ермолович, развивая определение обстановки преступления, предлагает учитывать возможные действия (бездействие) со стороны потерпевшего и иных лиц [2, с. 54–55].

Юристы, чьи труды стали доступны автору настоящего исследования, в целом сходятся во мнении, что обстановка совершения преступления – это материальное окружение [3], объективные условия, при которых происхо-

дит преступление [4, с. 292] или совокупность таких объективных условий (обстоятельств) [5]. Х. А. Мусаев, рассуждая об обстановке совершения преступления, считает, что она выступает фактором для преступника, способствующим его преступным действиям либо затрудняющим их осуществление [6, с. 106].

Применительно к уголовному праву способ совершения преступления – это «приемы, методы, тактические средства, применяемые для совершения преступления» [7, с. 17]. П. В. Федышина полагает, что способ совершения преступления можно определить как действие или порядок (систему) дей-

ствий, обладающих двумя важными свойствами: во-первых, они должны совершаться в процессе преступления; во-вторых, должны быть направлены на достижение преступного результата [8, с. 6]. В криминалистическом смысле под способом совершения преступления Н. П. Яблоков предлагает считать объективно и субъективно обусловленную систему поведения субъекта до, в момент и после совершения им преступления [9, с. 34].

Таким образом, обстановка совершения преступления как объективные условия или их совокупность оказывает влияние на субъект преступления, который пытается преодолеть негативное влияние или воспользоваться благоприятным стечением обстоятельств. В любом случае способ совершения преступления под давлением соответствующих обстоятельств будет определенным образом изменяться. В этой связи хотелось бы рассмотреть частный случай оказания такого влияния на примере взаимосвязи трансформации наркоситуации на пути трафика афганских опиатов по «Северному маршруту» и механизмов совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Согласно данным Управления ООН по наркотикам и преступности (далее – УНП ООН), начиная с 1990-х годов и до настоящего времени производство опиума в Афганистане ежегодно колеблется от 3 000 до 9 000 тонн [10–13].

После развала СССР в странах Центральной Азии началась масштабная торговля опиатами. На первом этапе эта торговля, а если точнее бартерный обмен, осуществлялась жителями приграничных регионов, которые за неимением свободно конвертируемой валюты использовали опиум. Тысячи граждан тогда решили пополнить свой семейный бюджет средствами от торговли наркотиками. Развитию наркобизнеса способствовала проницаемость государственных границ, отсутствие пограничной и таможенной служб, несовершенство государственной наркополитики и многое другое.

Государства Центральной Азии в ответ на поступление опиума на суверенные территории стали предпринимать соответствующие меры по развитию системы

государственного контроля над оборотом наркотиков, укреплению границ (создание и развитие пограничной и таможенной систем), а также снижению спроса на незаконные наркотики и их предложения.

В итоге границы перестали быть проницаемы для одиночек, на смену которым в наркобизнесе на втором этапе пришли преступные группы. В это же время произошло разделение труда, когда процесс производства, транспортировки и торговли распределялся между их членами. Преступные группы тогда начали налаживать связи с аналогичными структурами соседних государств, после чего начался этап международного наркотрафика (третий этап).

Доказательством размаха наркотрафика является система международных денежных транзакций. Журнал по проблемам безопасности и обороны Европы «Per Concordiam» указывает, что «контрабандисты взяли на вооружение новые технологии, призванные помочь в осуществлении законных международных переводов и перевозок, включая мгновенные денежные переводы через Интернет, системы глобального позиционирования и контейнерные перевозки» [14, с. 7].

В ответ на деятельность преступных групп и сообществ государства Центральной Азии стали предпринимать меры по созданию международных систем противодействия наркотрафику в рамках ООН (Комиссия по наркотическим средствам, Международный комитет по контролю наркотиков и Управление ООН по наркотикам и преступности), Содружества независимых государств (Бюро по координации борьбы с организованной преступностью), Организации Договора о коллективной безопасности, Шанхайской Организации сотрудничества и др.

Таким образом, даже мощные преступные группы не смогли безнаказанно преодолевать поставленные барьеры. В этой связи на смену им пришли организованные преступные формирования и организации, которые отличались налаженными коррумпированными связями с представителями государственной власти и управления (четвертый этап).

Эти организации начали создавать условия для легализации своих членов, которые создавали сети коррупционных связей с государственными служащими и даже политическими деятелями. «Per Concordiam» называет

это явление «захватом государства» [14, с. 7]. На этом же этапе организованные преступные группы и сообщества разных стран стали сливаться в транснациональные преступные организации с иерархической структурой по типу мафии, которые по мере их укрупнения стали проникать в уже существующие или за счет доходов создавать новые бизнес-структуры.

В условиях существования отлаженной международной системы производства, распространения и торговли наркотиками афганского производства появилась основа для дальнейшего расширения наркобизнеса. В 2017 году Управление ООН по наркотикам и преступности сообщило о рекордных урожаях опиумного мака в Афганистане. Культивация

возросла с 201 тыс. гектаров в 2016 году до 328 тыс. гектаров в 2018 году (+63 %). Потенциальное производство опиума оценено в 9 000 метрических тонн, что на 87 % больше, чем в 2016 году [12, с. 8].

Однако в 2018 году эти темпы не сохранились, и обозначилось сокращение посевов опиумного мака до 263 тыс. гектаров, что на 20 % ниже, чем в 2017 году. Потенциальное производство опиума оценено УНП ООН в 6 400 метрических тонн, что на 29 % ниже, чем в 2017 году [13, с. 5]. Несмотря на снижение темпа производства опиатов, их объем остается колоссальным. За предыдущие 25 лет в Афганистане произведено 107 922 метрические тонны опиума (см. рис. 1, 2).

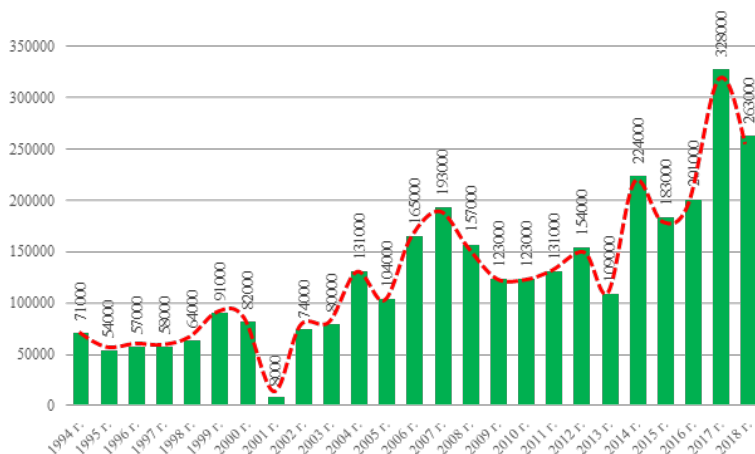

Рис. 1. Культивация опиумного мака в Афганистане (гектары)

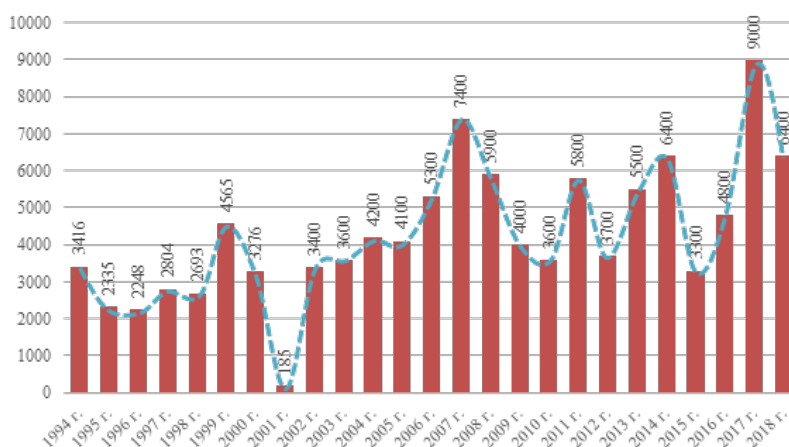

Рис. 2. Производство опиума в Афганистане (тонны)

За последние пять лет цены и объемы производства опиума в Афганистане претерпевают существенные изменения. Это отчасти объяснимо балансом спроса и предложения. Так, в 2015 году производство опиума в Афганистане сократилось до 3 300 метрических тонн. При этом рез-

ко выросла цена с 132,8 тыс. долл. США до 172,7 тыс. долл. США за 1 метрическую тонну (+30 %). Рекордные урожаи опиумного мака и увеличение объемов производства опиума в 2017 году снизили вдвое цену на 1 метрическую тонну опиума по сравнению с 2016 годом (см. рис. 3, 4).

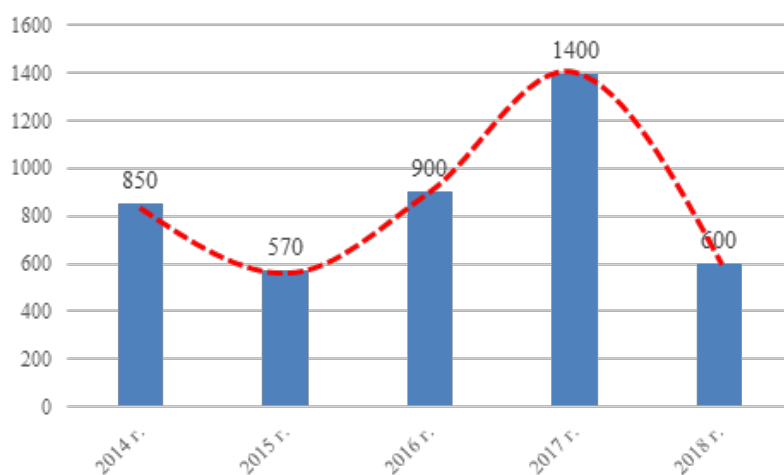

Рис. 3. Стоимость произведенного опиума в Афганистане (млн долл. США)

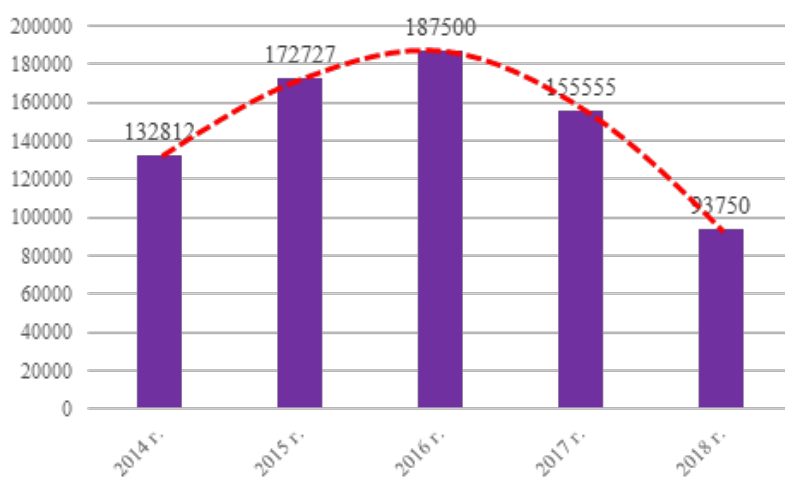

Рис. 4. Цена за 1 метрическую тонну опиума в Афганистане (долл. США)

Однако наличие крупных международных потоков наркотиков не могло далее оставаться незамеченным. Государства Центральной Азии в ответ на вызовы организованной преступности и наркокоррупции стали присоединяться к международным конвенциям против организованной преступности и коррупции, принимать законы о противодействии организованной преступности и коррупции, создавать соответствующие государственные структуры.

В ответ на произошедшие изменения сравнительно недавно (пятый этап) определенная часть бизнесменов торговли наркотиками стала отходить от традиционной иерархической структуры по типу мафии в пользу современной, линейной организационной структуры, сосредоточенной на предметно-производственной специализации. Это означает, что они избирают один специализированный вид деятельности, будь то производство, перевозка, распространение (сбыт) наркотиков

либо осуществление безопасных финансовых транзакций, отмывание доходов преступной деятельности и т. д. При этом каждый из них может использовать возможности легальных бизнес-структур, не брезгующих любым источником прибыли, например, транспортная компания, имеющая разветвленную международную сеть связей с государственными чиновниками, осуществляющих таможенный и пограничный контроль.

Свидетельством эффективности такого подхода организации преступного наркобизнеса является сокращение изъятия опиатов в странах «Северного маршрута» при высоких урожаях опиумного мака и производстве опиума и героина в Афганистане. Следовательно, новый этап организации незаконного оборота наркотиков стал также и мерой «адаптации» наркопреступности к арсеналу применяемых мер.

Следует учитывать, что все его виды, описанные выше в соответствии с этапами развития, так или иначе сосуществуют и даже конкурируют между собой, создавая удивительную мозаику отношений.

Кроме того, на фоне существования разнородных тенденций хорошо просматривается направление на поглощение наркобизнеса различными преступными структурами – террористические, экстремистские и иные незаконные формирования, которые различными средствами и методами пытаются получить мощный источник финансирования от «дани» земледельцев, выращивающих опиумный мак, контрабандистов наркотиков и прекурсоров, предоставления услуг по охране нарколабораторий, тайников и взлетно-посадочных полос, розничного распространения наркотиков.

«Per Concordiam» приводит три причины возникновения и развития данной тенденции:

- 1) уменьшение государственной поддержки террористических организаций;
- 2) продолжающееся противодействие частному финансированию террористических организаций силами безопасности;
- 3) силы безопасности подорвали способность таких групп, как «Аль-Каида», эффективно руководить и управлять своими ячейками и центрами по всему миру.

Его авторы указывают, что террористические организации участвуют в многочисленных транснациональных преступлениях, но международный незаконный оборот наркотиков приносит гораздо больший доход, чем другие виды преступлений. По оценкам ООН, международная торговля наркотиками приносит 325 млрд долл. США ежегодно. Для сравнения, торговля людьми – второй по прибыльности нелегальный мировой рынок – приносит примерно 32 млрд долл. США в год, а нелегальный мировой рынок оружия – примерно 10 млрд долл. США. Хотя эти статистические данные обсуждаются и оспариваются специалистами, большинство из них согласны с тем, что прибыли мирового рынка торговли наркотиками огромны и препятствуют росту других источников прибыли от контрабанды.

В завершении хотелось бы подчеркнуть, что понимание способа совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, даст возможность, как полагал еще 90 лет назад В. Громов, «идти от метода совершения преступления к методу его раскрытия» [14, с. 11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Зуйков Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1970.
2. Ермолович В. Ф. Криминалистическая характеристика преступления. Минск: Изд-во «Амалфея», 2001.
3. Малков В. П. Состав преступления в теории и законе // Государство и право. 1996. № 7.
4. Наумов А. В. Обстановка совершения преступления // Словарь по уголовному праву / отв. ред. А. В. Наумов. М., 1997.
5. Полищев А. В., Соловьев А. Н., Ставило С. П. Состав преступления: структура и характеристика элементов. Краснодар, 2000.
6. Мусаев Х. А. Обстановка совершения преступления в российском уголовном праве // Юридическая наука. 2013. № 3.

7. Галахова А. В. Вопросы квалификации преступлений в уголовном праве и судебной практике (по признакам объективной стороны) // Российский следователь. 2010. № 14.
8. Федышина П. В. Способ совершения преступления: учебное пособие СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2016.
9. Яблоков Н. П. Криминалистика: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008.
10. UNODC. Afghanistan Opium Survey 2015. Cultivation and Production.
11. UNODC. Afghanistan Opium Survey 2016. Cultivation and Production.
12. UNODC. Afghanistan Opium Survey 2017. Cultivation and Production.
13. UNODC. Afghanistan Opium Survey 2018. Cultivation and Production.
14. Громов В. Методика расследования преступлений. Руководство для органов милиции и уголовного розыска. 2-е изд., доп. М.: Изд-во НКВД РСФСР, 1930.

© Кадырова У. О.

УДК 343.349(470)

А. В. КУРСАЕВ, главный эксперт-специалист
Договорно-правового департамента МВД России,
кандидат юридических наук (г. Москва)

A. V. KURSAEV, chief expert-specialist of the
Treaty and Legal of the Interior Ministry of Russia,
Candidate of Law (Moscow)

**ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ПОТЕРПЕВШЕГО
В СОСТАВЕ ВОСПРЕЯТСТВОВАНИЯ ЗАКОННОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖУРНАЛИСТОВ (СТАТЬЯ 144 УК РФ)**

**PROBLEMS OF DETERMINING THE CHARACTERISTICS OF THE VICTIM
AS A PART OF OBSTRUCTION TO THE LEGAL PROFESSIONAL ACTIVITY
OF JOURNALISTS (ARTICLE 144 OF THE CRIMINAL CODE)**

Аннотация. В статье рассматриваются признаки потерпевшего в составе воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов. Раскрывается понятие журналиста и его отличие от иных работников средств массовой информации. Анализируется перечень близких журналисту лиц, которые могут быть признаны потерпевшими.

Ключевые слова и словосочетания: преступления против трудовых прав, воспрепятствование, законная профессиональная деятельность, потерпевший, журналист.

Annotation. The article considers the signs of the victim as part of obstruction to the legitimate professional activity of journalists. The concept of the journalist and his difference from other employees of mass media is revealed. The list of people close to the journalist who can be recognized as victims is analyzed.

Keywords and phrases: crimes against labor rights, obstruction, legal professional activity, victim, journalist.

Статьей 144 УК РФ установлена уголовная ответственность за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов путем принуждения их к распространению либо к отказу от распространения информации. В данном случае

под защиту уголовного закона поставлена трудовая деятельность в сфере информационного обмена. Ограничение трудовых прав журналистов, как и иных трудящихся, представляется неприемлемым. Осуществляя охрану лиц, распространяющих

данную информацию, – журналистов, законодатель попутно обеспечивает и доступ к социально значимой информации, чем реализует положение ст. 29 Конституции РФ о праве каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом.

Анализ уголовно-правовой статистики свидетельствует о незначительном количестве преступлений, зарегистрированных по ст. 144 УК РФ. Так, в 1997 году было зарегистрировано 23 преступления, в 1998 г. – 12, в 1999 г. – 4, в 2000 г. – 4, в 2001 г. – 2, в 2002 г. – 2, в 2003 г. – 4, в 2004 г. – 2, в 2005 г. – 3, в 2006 г. – 4, в 2007 г. – 3, в 2008 г. – 2, в 2009 г. – 2, в 2010 г. – 2, в 2011 г. – сведений нет, в 2012 г. – 1, в 2013 г. – 2, в 2014 г. – 5, в 2015 г. – 7, в 2016 г. – 9, в 2017 г. – 5, за 6 месяцев 2018 г. – 1.

Однако случаи всевозможного воспрепятствования законной деятельности журналистов достаточно распространены, о чем свидетельствуют данные социологических опросов. По данным Комитета по свободе доступа к информации, журналистам регулярно отказывают в предоставлении информации: 8, 9 % ответили, что им никогда не отказывали в предоставлении информации; 30,6 % указали, что им отказывали часто; 60,7 % респондентов посчитали случаи отказов редкими [1, с. 66]. В Калининградской области 56 % опрошенных журналистов признали, что в 2006–2007 гг. на средства массовой информации оказывалось давление.

Правильная квалификация рассматриваемого общественно опасного деяния неразрывно связана с установлением отдельных признаков объекта данного преступления, в первую очередь перечня лиц, которые могут выступать в качестве потерпевшего от преступления, то есть физического лица, которому в результате совершения преступления непосредственно причиняется вред.

Характеристика потерпевшего в уголовном праве определяется его деятельностью, что и обуславливает совершение в отношении него преступления. Исходя из этого, законодатель при конструировании состава преступления отдельно описывает признаки потерпевшего только в том случае, когда в силу каких-либо причин,

в первую очередь необходимости создания специального состава с более суровым наказанием, возникает потребность в сужении круга лиц, которым причиняется вред, и интересы которых поставлены под охрану. Определенным аналогом понятия потерпевшего в составе преступления выступает специальный субъект преступления.

И. А. Фаргиев правильно отмечает, что признаки, характеризующие потерпевшего как участника отношений, охраняемого уголовным законом, устанавливаются исключительно законодателем. Их неправильное определение в правоприменительной деятельности, недооценка или переоценка ведут к ошибке в квалификации преступления, привлечению невиновных к уголовной ответственности [2, с. 23].

Законодатель при формулировании диспозиции ст. 144 УК РФ определил, что субъект преступления должен воспрепятствовать законной профессиональной деятельности журналистов путем принуждения их к распространению либо к отказу от распространения информации. Таким образом, преступное посягательство должно быть направлено на законную профессиональную деятельность потерпевшего – журналиста.

Э. С. Тенчов отмечает, что «потерпевшим от этого преступления может быть лишь журналист, выполняющий свой профессиональный долг, а не другие граждане, страдающие от недостатка правдивой или избытка ложной информации» [3, с. 158]. В качестве потерпевшего от преступления журналист рассматривается и в большинстве других учебных и научных изданий.

В связи с этим создается иллюзия, что определение понятия журналиста не вызывает серьезных проблем при квалификации преступных посягательств на него. Однако при сопоставлении квалификации данного деяния с легальным определением понятия журналиста, данным в специальном законодательстве, регулирующем их деятельность, возникает ряд правоприменительных проблем.

В частности, в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 27 декабря 1991 г. № 2124-I «О средствах массовой информации» (далее – Закон «О средствах массовой информации») под журналистом понимается лицо, занимающееся редактированием, созданием, сбором или подготовкой сообщений

и материалов для редакции зарегистрированного средства массовой информации, связанное с ней трудовыми или иными договорными отношениями либо занимающееся такой деятельностью по ее уполномочию.

Как отмечает В. В. Боровикова, определяющий признак здесь – это наличие договорных (трудовых, гражданско-правовых) отношений с редакцией. Их отсутствие исключает признание лица журналистом. Поэтому лицо, которое собирает какую-либо информацию от своего имени и направляет ее для опубликования в редакцию, потерпевшим-журналистом не является [4, с. 40–41].

Следует согласиться с мнением А. В. Голиковой о том, что виновный при воспрепятствовании законной профессиональной деятельности журналиста воздействует на потерпевшего, принуждая журналиста распространить какую-либо информацию или отказаться от ее распространения, что в свою очередь ведет к нарушению в объекте преступления – нарушаются права представителей средств массовой информации на распространение собранных сведений [5, с. 498].

В этой связи воспрепятствование намерению (деятельности) частного лица, не являющегося журналистом, по обнаружению или распространению иным способом какой-либо ставшей известной ему информации не образует состав преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ. Такие действия могут образовывать состав иного преступления против личности в зависимости от выбранного способа воздействия (причинение вреда здоровью различной степени тяжести, побои, угроза убийством или причинение тяжкого вреда здоровью).

Солидарно с Н. Г. Ивановым и В. И. Куриловым считаем, что деяние не будет рассматриваться как преступное и в том случае, когда субъект собирает информацию для издания, не зарегистрированного надлежащим образом [6, с. 604]. Должность журналиста может именоваться по-разному: «специальный корреспондент», «корреспондент», «репортер», «обозреватель». Полагаем, что названные различия в наименовании должности журналиста правового значения не имеют, так как определяющим фактором здесь выступает не обозначение должности, а возможность признания журналистом с учетом выполняемых функций,

указанных в ст. 2 Закона «О средствах массовой информации».

Е. В. Красильникова полагала, что потерпевшим от преступления может быть как сам журналист, принуждаемый к распространению или отказу от распространения информации, так и его близкие [7, с. 64]. Данное предложение высказывалось ею в порядке законодательной инициативы, так как действовавшая до 2011 года формулировка ст. 144 УК РФ позволяла рассматривать в качестве субъекта преступления только самого журналиста. Однако на практике может иметь место и опосредованное воздействие на журналиста путем причинения вреда его близким.

Так, в январе 2006 года группа мужчин напала на 19-летнего Р. Ш., когда он выходил с автостоянки. Преступники ударили его по голове, надели на лицо вязаную шапку, а руки перемотали скотчем. После этого молодого человека насильно посадили в автомобиль и увезли в один из населенных пунктов. Трое суток его держали в частном доме, привязанным к батарее. Отец похищенного являлся главным редактором газеты, и преступление могло быть связано с его профессиональной деятельностью [8].

Реакцией государства на участвовавшие случаи применения насилия в отношении журналистов в связи с их профессиональной деятельностью стало усиление уголовной ответственности, в том числе в части расширения круга потерпевших. В частности, ст. 144 УК РФ Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» была дополнена ч. 3, предусматривающей ответственность за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов путем принуждения их к распространению либо отказу от распространения информации, если указанные действия связаны с насилием над журналистом или его близкими либо с повреждением или уничтожением их имущества, а равно с угрозой применения насилия. Применение насилия в данном случае охватывает насилие любого характера и причинение легкого вреда здоровью или вреда здоровью средней тяжести.

Таким образом, в ч. 3 ст. 144 УК РФ наряду с журналистом в качестве потерпевших

указаны и его близкие. Под близкими, по мнению В. А. Новикова, следует понимать не только родственников журналиста, но и иных близких ему лиц [9, с. 32]. Такое мнение следует признать правильным и основанным на законе, так как согласно п. 3 ст. 5 УПК РФ близкие лица – это иные, за исключением близких родственников и родственников, лица, состоящие в свойстве с потерпевшим, свидетелем, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему, свидетелю в силу сложившихся личных отношений.

При определении круга потерпевших по ст. 144 УК РФ необходимо принять во внимание и ст. 52 Закона «О средствах массовой информации», которая устанавливает, что профессиональный статус журналиста, установленный данным Законом, распространяется:

1) на штатных сотрудников редакций, занимающихся редактированием, созданием, сбором или подготовкой сообщений и материалов для многотиражных газет и других средств массовой информации, продукция которых распространяется исключительно в пределах одного предприятия (объединения), организации, учреждения;

2) на авторов, не связанных с редакцией средства массовой информации трудовыми или иными договорными отношениями, но признаваемых ею своими внештатными авторами или корреспондентами при выполнении ими поручений редакции.

В связи с тем, что содержание правового статуса образует права и обязанности, на указанных лиц также распространяются права, обязанности и ответственность журналиста. Однако, к сожалению, данные лица не имеют такого статуса и не могут выступать в качестве потерпевшего по ст. 144 УК РФ. С одной стороны, это может быть объяснено тем, что средство массовой информации распространяется исключительно в пределах одного предприятия (объединения), организации, учреждения или лицо выполняет разовые поручения редакции. Предполагается, что в этом случае общественная опасность или распространенность деяния значительно ниже. Однако мы полагаем, что если на лицо распространяется статус журналиста в части его прав и обязанностей, то на него должны распространяться и меры защиты, применя-

емые в отношении журналистов, в том числе и уголовно-правового характера.

Кроме того, следует обратить внимание на неудачную действующую редакцию диспозиции ст. 144 УК РФ, из буквального изложения которой следует, что уголовная ответственность наступает при воспрепятствовании деятельности нескольких журналистов.

При толковании ст. 144 УК РФ следует исходить из того, что законодатель использовал здесь такой филологический прием, как синекдоха – синонимическое употребление множественного числа имен существительных в значении единственного при описании предмета преступления или потерпевшего. При этом точность текста уголовного закона ставится в ущерб его содержанию, действительному смыслу, что вряд ли приемлемо. Указанные категории должны совпадать. Поэтому в диспозиции ст. 144 УК РФ термин «потерпевшие» должен использоваться в единственном числе, что потребует соответствующей корректировки уголовного закона.

С учетом вышеизложенного, диспозиция ч. 1 ст. 144 УК РФ должна быть изложена в следующей предлагаемой нами редакции: «1. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста или иного лица, на которое распространяется профессиональный статус журналиста, путем принуждения его к распространению либо к отказу от распространения информации наказывается...». Аналогичное изменение в части расширения круга потерпевших необходимо отразить и в ч. 3 ст. 144 УК РФ.

По мнению, высказанному Р. Д. Ишимовой, толкование ст. 144 УК РФ позволяет прийти к выводу, что воспрепятствование деятельности журналиста должно иметь место до распространения соответствующей информации. В таком случае совершение деяний, предусмотренных диспозицией ст. 144 УК РФ, по мотиву мести за обнародование информации не может быть квалифицировано по ст. 144 УК РФ [10, с. 211].

Нам эта точка зрения представляется ошибочной. Законодатель указывает на воспрепятствование профессиональной деятельности журналиста, формулируя данный состав по типу формального. Деяние считается оконченным с момента принуждения журналиста к совершению профессиональ-

ных действий. Поэтому не имеет значения, удалось ли принудить журналиста к совершению вышеуказанных действий или нет.

Кроме того, для того чтобы признать журналиста потерпевшим от преступления, его деятельность должна быть законной и связанной с выполнением профессиональных обязанностей. Если же журналист собирает информацию в своих интересах, и в процессе этого ему причиняется вред, ответственность наступает не по ст. 144 УК РФ, а по статьям о преступлениях против жизни и здоровья.

Признание охраняемой уголовным законом только законной деятельности журналиста непосредственно связано с объектом данного преступления – отношениями по поводу получения информации законным способом. В случае если деятельность потерпевшего таким критериям не отвечает, то деяние признаков состава преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, не образует, хотя это и не исключает ответственности по иным статьям УК РФ. Так, ст. 51 и иными положениями Закона «О средствах массовой информации» установлены ограничения деятельности журналиста. В связи с этим оценка поведения потерпевшего,

причинно связанного с совершением преступного деяния, имеет существенное уголовно-правовое значение, непосредственно влияя на квалификацию преступления. Для правильной квалификации необходимо установить и то, что признаки потерпевшего были отражены в сознании виновного.

Так, приговором мирового судьи г. Краснодара от 12 октября 2009 г. к ответственности по ст. 144 УК РФ были привлечены И. Шумейко, Л. Позоян и В. Ковальчук, которые потребовали от съемочной группы прекращения видеозаписи, применив при этом физическую силу. Судом установлено, что потерпевшие находились при исполнении служебных обязанностей, были направлены на место съемок в качестве журналистов и осуществляли сбор информации с целью ее распространения. Эти признаки осознавались виновными, о чем было указано в приговоре с соответствующим обоснованием этого тезиса.

Таким образом, правильная квалификация деяния по ст. 144 УК РФ невозможна без оценки уголовно значимых свойств фигуры потерпевшего от данного преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Свобода доступа к информации в России: правовые, организационные, профессиональные проблемы / сост. И. Дзялошинский. М., 1997.
2. Фаргиев И. А. Потерпевший от преступления. Хабаровск, 2003.
3. Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. Л. Л. Крутчиков. М., 2004.
4. Боровикова В. В. О совершенствовании уголовно-правовой защиты профессиональной деятельности журналистов // Бизнес в законе. 2014. № 6.
5. Энциклопедия уголовного права. Т. 16. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина. СПб., 2011.
6. Полный курс уголовного права. Т. II. Преступления против личности / под ред. А. И. Коробеева. СПб., 2008.
7. Красильникова Е. В. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов. М., 2009.
8. Республика Татарстан. Дело о похищении сына главного редактора газеты передано в суд. Продолжение темы // Дайджест Фонда защиты гласности / под ред. А. К. Симонова. 2006. № 305. 13 ноября.
9. Новиков В. А. Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов // Законность. 2012. № 11.
10. Ишимова Р. Д. Признаки потерпевшего от воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов // Вестник Пермского университета. 2012. № 2.

© Курсаев А. В.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 354:351.74.075.15(470)

Е. В. ЗОЛОТОВА, помощник начальника ДГСК МВД России по правовой работе – начальник отдела нормативно-правового обеспечения (г. Москва)

E. V. ZOLOTOVA, assistant head of the Chair of Civil Service and Personnel of the Interior Ministry of Russia for Legal Work – Head of the Regulatory Support Department (Moscow)

**СПЕЦИФИКА ПОЛНОМОЧИЙ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИИ МВД РОССИИ**

**SPECIFICITY OF AUTHORITY OF THE CENTRAL QUALIFYING COMMISSION
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA**

Аннотация. Центральная аттестационная комиссия МВД России является специальным коллегиальным органом, который, помимо проведения непосредственно аттестации сотрудников, осуществляет и иные полномочия. До настоящего времени специфика осуществления данных полномочий не нашла своего достаточного отражения в научной и научно-практической литературе. Учитывая изложенное, полноценное представление о деятельности Центральной аттестационной комиссии МВД России отсутствует. В статье определяется правовой статус Центральной аттестационной комиссии МВД России, а также рассматриваются отдельные ее полномочия и их особенности.

Ключевые слова и словосочетания: аттестация, комиссия, органы внутренних дел, МВД России, специфика полномочий.

Annotation. The Central Qualifying Commission of the Ministry of Internal Affairs of Russia is a special collegial body that, in addition to conducting direct certification of employees, exercises other powers. To date, the specifics of the exercise of these powers has not been adequately reflected in the scientific and scientific-practical literature. Considering the above, there is no full-fledged understanding of the activities of the Central Qualifying Commission of the Ministry of the Interior of Russia. Taking into account the abovementioned, the article defines the legal status of the Central Qualifying Commission of the Ministry of Internal Affairs of Russia, and also considers its individual powers and their features.

Keywords and phrases: qualification, commission, internal affairs bodies, the Ministry of Internal Affairs of Russia, specificity of authority.

Одним из способов определения соответствия сотрудников замещаемым должностям в органах внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД) является проведение в отношении них аттестации. Несмотря на то что институт аттестации в органах внутренних дел уже в достаточной степени устоялся, а сам механизм проведения аттестации во многом налажен, продолжают возникать вопросы, представляющие интерес не только с практической, но и с научной точки зрения. Относится к ним и вопрос полномочий аттестационных комиссий. Следует отметить,

что, в отличие от процедуры аттестации [1], подробного анализа правового статуса аттестационных комиссий и их полномочий в отечественной научной литературе практически не встречается. Это в значительной степени актуализирует обозначенную тему исследования.

Аттестационные комиссии представляют собой специальные коллегиальные органы, создание которых предусмотрено ч. 6 ст. 33 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесе-

нии изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о службе) [2]. Первоочередной задачей аттестационных комиссий является, несомненно, проведение аттестации сотрудников ОВД. Вместе с тем даже применительно к аттестации п. 14 ст. 20 Закона о службе оговаривается, что по ее результатам аттестационная комиссия может принять рекомендацию о поощрении сотрудника ОВД, а также внести другие предложения. Учитывая изложенное, напрашивается вывод о том, что полномочия аттестационных комиссий несколько шире, чем исключительно принятие рекомендаций по итогам проведения аттестации сотрудников ОВД.

Указанный вывод порождает закономерный вопрос: «Что еще относится к полномочиям аттестационных комиссий?». Отвечая на поставленный вопрос, обратимся к полномочиям Центральной аттестационной комиссии МВД России (далее – ЦАК МВД России), положение о которой утверждено приказом МВД России от 2 июля 2013 г. № 500 [3].

ЦАК МВД России является одной из аттестационных комиссий, создаваемых в системе МВД России. Исходя из пп. 192 и 193 Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50 [4] (далее – Порядок организации прохождения службы), аттестационные комиссии создаются в органах, организациях и подразделениях МВД России приказами соответствующих руководителей (начальников). Исходя из Закона о службе и Порядка организации прохождения службы, аттестационные комиссии не связаны между собой иерархичностью и подчиненностью. Исключение в этом плане составляет только ЦАК МВД России, которая осуществляет свои полномочия в отношении довольно широкого круга сотрудников ОВД по различным вопросам.

Характеризуя ЦАК МВД России, следует отметить следующее. В названиях всех прочих аттестационных комиссий заложено наименование органов, организаций или подразделений МВД России (например, аттестационная комиссия ДГСК МВД России, ГУ МВД России по г. Москве, МВД по Республике Крым).

ЦАК МВД России – это не комиссия подразделений центрального аппарата МВД России, а комиссия, именуемая и являющаяся именно Центральной, что подчеркивает ее особый статус.

Такое положение дел далеко не случайно и связано с историей ЦАК МВД России. В системе МВД России, а до него – МВД РСФСР, МВД СССР и более ранних их предшественников, аналогичные комиссии занимали особое место и представляли собой своего рода органы управления. К их компетенции относилось, например, рассмотрение в порядке обжалования результатов аттестаций, проведенных иными аттестационными комиссиями, или различных спорных вопросов, связанных с прохождением военной службы или службы в ОВД, пенсионным обеспечением, расчетом стажа службы (выслуги лет) [5]. В частности, на заседаниях ЦАК МВД России могли быть подтверждены отдельные спорные периоды службы, необходимые для назначения пенсии за выслугу лет. И если в настоящее время деятельность ЦАК МВД России затрагивает только сотрудников ОВД, то раньше она касалась и военнослужащих внутренних войск, которые входили в структуру МВД России.

Таким образом, ЦАК МВД России на протяжении значительного периода своего существования выполняла еще и функции арбитра в отведенной для нее сфере деятельности, восполняла существующие правовые пробелы за счет правоприменительной практики, что вполне вписывалось в действующую систему функционирования государственных органов.

Учитывая данные особенности, всегда отличался и состав ЦАК МВД России. В настоящее время ее председателем по должности является начальник ДГСК МВД России, заместителями председателя – заместители начальника ДГСК МВД России, а члены назначаются из числа руководителей (начальников) подразделений центрального аппарата МВД России, их первых заместителей, заместителей, начальников организаций и подразделений, созданных для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на ОВД. Также в состав ЦАК МВД России в обязательном порядке включаются представители ГУСБ и ДПД МВД России. Обязанности секретаря выполняет на-

чальник Управления организации прохождения службы ДГСК МВД России.

В связи с изменением правового регулирования, развитием правовой системы РФ, реформированием органов внутренних дел исключительные полномочия ЦАК МВД России постепенно трансформировались. Произошедшие изменения логично вписались в сценарий устранения конкуренции между правоприменением на федеральном уровне и непосредственным действием законодательных и иных нормативных правовых актов, а также позволили существенно разгрузить работу ЦАК МВД России, избавив ее от своего рода «атавизмов».

В настоящее время основной задачей и полномочием ЦАК МВД России является проведение в установленном порядке аттестации сотрудников ОВД. Помимо основной задачи Положение о ЦАК МВД России называет еще восемь. Остановимся на них более подробно.

1. Частью 4 ст. 51 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании» [6] определено, что обязательная аттестация проводится в отношении руководителей образовательных организаций или кандидатов на данные должности. Порядок и сроки проведения аттестации кандидатов на должности руководителей и руководителей образовательных организаций системы МВД России утверждены приказом МВД России от 26 мая 2016 г. № 267 [7]. Пунктом 4 данного Порядка и подп. 9.2 Положения о ЦАК МВД России проведение аттестации в отношении соответствующих лиц возложено на ЦАК МВД России.

2. Следующим полномочием ЦАК МВД России в соответствии с п. 9.2 Положения о ЦАК МВД России является исчисление стажа службы (выслуги лет) в органах внутренних дел в случаях, установленных законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России. Данное полномочие корреспондирует Порядку организации в органах внутренних дел Российской Федерации работы по исчислению стажа службы (выслуги лет) для выплаты ежемесячной надбавки к окладу денежного содержания за стаж службы (выслугу лет), утвержденному приказом МВД России от 15 октября 2013 г. № 841, согласно которому исчисление соответствующей надбав-

ки в отношении сотрудников, замещающих должности высшего начальствующего состава и должности, назначение на которые осуществляется Министром, возложено на ЦАК МВД России [8].

3. Указом Президента РФ от 1 июля 2010 г. № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов» [9] на аттестационные комиссии федеральных государственных органов, в том числе и МВД России, возложено рассмотрение вопросов, связанных с реализацией антикоррупционного законодательства (несоблюдение государственным служащим требований к служебному поведению и (или) требований об урегулировании конфликта интересов, представление недостоверных сведений о доходах (расходах) и т. д.).

ЦАК МВД России рассматривает перечисленные вопросы в отношении сотрудников ОВД, замещающих должности и претендующих на замещение должностей особой категории. Во-первых, это все должности, назначение на которые осуществляется Министром внутренних дел РФ. Во-вторых, должности руководителей (начальников) организаций и подразделений, созданных для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на ОВД, назначение на которые производится заместителями Министра внутренних дел РФ.

4. Еще одно полномочие заключается в рассмотрении вопросов приема на службу в ОВД на должности среднего и старшего начальствующего состава лиц, ранее уволенных с военной службы, со службы в ОВД и иных правоохранительных органах по отрицательным основаниям (подп. 9.4.2 Положения о ЦАК МВД России). Указанное полномочие позволяет, во-первых, обеспечивать качество комплектования личного состава ОВД; во-вторых, основывается на нормах, устанавливающих критерии, которым должны соответствовать сотрудники ОВД.

Так, ч. 1 ст. 17 Закона о службе устанавливает, что на службу в ОВД вправе поступать граждане, способные по своим личным и деловым качествам выполнять служебные обязанности сотрудника ОВД. На особые требования к сотрудникам ОВД, в том числе к их личным и деловым качествам, не-

однократно указывал и Конституционный Суд РФ, по мнению которого их наличие определяется специальным правовым статусом сотрудников, обусловленных выполнять конституционно значимые функции по обеспечению правопорядка и общественной безопасности [10, 11].

5. Важным в плане комплектования кадров является полномочие ЦАК МВД России по рассмотрению списков кандидатов на включение в федеральный кадровый резерв МВД России и кадровый резерв МВД России. Раскроем отдельные моменты этой процедуры.

Перечнем документов, предоставляемых в Администрацию Президента РФ при включении лица в федеральный кадровый резерв [12], как один из необходимых для рассмотрения лица в качестве кандидата определена выписка из решения аттестационной комиссии федерального государственного органа о включении кандидата в федеральный кадровый резерв.

Кроме того, рекомендации аттестационной комиссии о соответствии сотрудника замещаемой должности и целесообразности включения его в кадровый резерв для замещения руководящей должности учитываются при отборе сотрудников, подлежащих включению в ведомственный кадровый резерв [13].

Некоторые авторы, например Е. В. Елфимова, А. Ю. Софронова, утверждают, что при принятии решения о включении сотрудника в кадровый резерв предусмотрено проведение его аттестации, по результатам которой выносится рекомендация о соответствии сотрудника замещаемой должности и целесообразности включения его в кадровый резерв, которая и выступает основанием для принятия уполномоченным руководителем решения о включении сотрудника в кадровый резерв [14]. Однако ч. 4 ст. 33 Закона о службе не содержит такого основания для проведения внеочередной аттестации, как включение в кадровый резерв.

Представляется, что указанная рекомендация может быть вынесена либо в ходе очередной аттестации сотрудника ОВД, либо в ходе внеочередной аттестации, проводимой в иных случаях, и выступает в качестве основания для принятия уполномоченным руководителем решения о включении сотрудника

в кадровый резерв для замещения вышестоящей должности в ОВД (п. 1 ч. 16 ст. 33 Закона о службе).

При всей своей очевидности на практике указанный порядок формирования кадровых резервов вызывает затруднения. Так, ч. 16 ст. 33 Закона о службе определяет, что решение по результатам аттестации, в том числе о включении в кадровый резерв, должно быть принято не позднее двух недель с даты проведения аттестации, тогда как Указ Президента от 13 декабря 2012 г. № 1653 и приказ МВД России от 30 августа 2012 г. № 827 предполагают утверждение кадрового резерва один раз в год. Фактически это означает, что рекомендации о включении в кадровые резервы остаются невостребованными до момента утверждения самих кадровых резервов. Наличие отдельных противоречий, безусловно, актуализирует вопрос совершенствования правовых основ в данной области.

6. Подпунктом 9.6 Положения о ЦАК МВД России к ее полномочиям отнесено рассмотрение материалов о представлении к награждению государственными наградами РФ сотрудников, аттестация которых проводится данной комиссией.

Вместе с тем порядок награждения государственными наградами предусматривает принятие решения о награждении государственной наградой не на основании рекомендаций аттестационных комиссий, а на основании ходатайства коллективов организаций, государственных органов или органов местного самоуправления о награждении, возбужденного по месту основной (постоянной) работы лица, представленного к государственной награде [15].

В настоящее время ни в одном федеральном государственном органе, издавшем ведомственный нормативный правовой акт, направленный на реализацию Указа Президента РФ от 7 сентября 2010 г. № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации», рассмотрение кандидатуры федерального государственного служащего на заседании аттестационной комиссии не практикуется [16, 17].

Вместе с тем анализ правоприменительной практики, сложившейся в МВД России, свидетельствует о том, что рассмотрение материалов о представлении к награждению государственными наградами

Российской Федерации на заседаниях аттестационных комиссий позволяет подойти к вопросу отбора награждаемых лиц более объективно. Указанный подход нашел свое отражение в приказе МВД России от 18 апреля 2019 г. № 252 «Об утверждении Порядка возбуждения ходатайства о награждении государственными наградами Российской Федерации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, федеральных государственных служащих и работников системы Министерства внутренних дел Российской Федерации» [18].

7. Вторым полномочием ЦАК МВД России, связанным с поощрением сотрудников ОВД, является рассмотрение представлений к присвоению очередных специальных званий досрочно или на одну ступень выше специального звания, предусмотренного по замещаемой должности.

Наличие у ЦАК МВД России указанного полномочия логично соотносится с п. 12 Положения о порядке присвоения сотруднику органов внутренних дел Российской Федерации специального звания досрочно или на одну ступень выше специального звания, предусмотренного по замещаемой должности в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного Указом Президента РФ от 22 ноября 2012 г. № 1575 [19], согласно которому до принятия решения о присвоении сотруднику очередного специального звания досрочно или на одну ступень выше специального звания, предусмотренного по замещаемой должности, соответствующее представление рассматривается аттестационной комиссией.

При этом нельзя не согласиться с рядом авторов, полагающих, что принятие нормативного правового акта, регламентирующего вопросы присвоения очередных званий досрочно или на ступень выше, позволило урегулировать указанные правоотношения и избежать некоторые спорные моменты [20]. В пореформенный период таким актом стал приказ МВД России от 13 мая 2013 г. № 259 [21], на смену которому пришел Порядок организации прохождения службы.

8. Еще одним «поощрительным» полномочием ЦАК МВД России является выработка рекомендаций по кандидатурам сотрудников органов внутренних дел, федеральных

государственных гражданских служащих, представляемых к занесению их фамилий на Доску почета МВД России. Аналогичный порядок или механизм выработан в МЧС России и Следственном комитете Российской Федерации, занесение на Доску почета которых производится с учетом мнения или рекомендаций соответствующих аттестационных комиссий [22, 23].

Примечательно, что, в отличие от вышеупомянутых аттестационных комиссий Следственного комитета Российской Федерации и МЧС России, ЦАК МВД России может вынести отдельную рекомендацию – исключение фамилий сотрудников ОВД, федеральных государственных гражданских служащих с Доски почета МВД России в случае наложения дисциплинарного взыскания (за исключением дисциплинарных взысканий в виде замечания, выговора и строгого выговора), увольнения со службы, гибели (смерти), признания безвестно отсутствующим, объявления умершим сотрудника или федерального государственного гражданского служащего (п. 16 Положения о Доске почета Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом МВД России от 9 октября 2012 г. № 922 [24]).

Таким образом, очевидно, что помимо основной задачи – проведение аттестации сотрудников органов внутренних дел, ЦАК МВД России осуществляет ряд иных полномочий, подробно рассмотренных выше. Анализ перечисленных полномочий ЦАК МВД России позволяет более детально понять специфику ее работы и значение в системе МВД России. Несмотря на то что статус ЦАК МВД России к настоящему времени изменился, ее роль в организации прохождения службы ничуть не уменьшалась. Более того, рассмотрение отдельных вопросов, в первую очередь связанных с применением антикоррупционного законодательства, данную роль повысило.

Основываясь на проведенном анализе, можно сделать следующие выводы и обобщения.

1. Правовое регулирование деятельности ЦАК МВД России на различных этапах осуществлялось по-разному, что влияло и на осуществляемые ей полномочия. Современное законодательство и нормативные

правовые акты МВД России существенно изменили задачи ЦАК МВД России, а также упростили и формализовали полномочия данной комиссии.

2. В настоящее время ЦАК МВД России является в большей степени не дополнительным органом управления, который часть решений принимал в условиях правовой неопределенности, а коллегиальным органом, действующим в строго очерченных правовых рамках.

3. Основным полномочием ЦАК МВД России является проведение аттестации сотрудников ОВД определенной категории. Одновременно ЦАК МВД России осуществляет полномочия, которые можно

назвать дополнительными. Отдельные из них могут осуществляться также и иными аттестационными комиссиями в пределах их компетенции.

4. Поскольку реализация отдельных полномочий ЦАК МВД России связана с применением целого ряда нормативных правовых актов, дальнейшее совершенствование ее работы зависит от проводимой МВД России политики в области правового обеспечения.

5. ЦАК МВД России и положение о ней являются своего рода эталоном, на который следует ориентироваться при регламентации и осуществлении деятельности аттестационных комиссий в органах, организациях и подразделениях МВД России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аттестация сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: учебно-методическое пособие / под ред. В. Л. Кубышко. М.: ДГСК МВД России, 2016.

2. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

3. Об утверждении Положения о Центральной аттестационной комиссии МВД России: приказ МВД России от 2 июля 2013 г. № 500 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Об утверждении Положения о Центральной аттестационной комиссии МВД России: приказ МВД России от 7 апреля 2005 г. № 245 (утр. силу) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Об образовании: федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

7. Об утверждении Порядка и сроков проведения аттестации кандидатов на должность руководителя и руководителя образовательной организации, находящейся в ведении Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 26 мая 2016 г. № 267 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Об утверждении Порядка организации в органах внутренних дел Российской Федерации работы по исчислению стажа службы (выслуги лет) для выплаты ежемесячной надбавки к окладу денежного содержания за стаж службы (выслугу лет): приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 841 // СПС «КонсультантПлюс».

9. О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов: указ Президента РФ от 1 июля 2010 г. № 821 // Собрание законодательства РФ. 2010. № 27. Ст. 3446.

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 6 июня 1995 г. № 7-П // СПС «КонсультантПлюс».

11. Определение Конституционного Суда РФ от 16 апреля 2009 г. № 566-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

12. О федеральных кадровых резервах федеральных государственных органов, руководство деятельностью которых осуществляет Президент РФ: указ Президента РФ от 13 декабря 2012 г. № 1653 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 51. Ст. 7170.

13. Об утверждении Порядка формирования кадровых резервов Министерства внутренних дел Российской Федерации, его территориальных органов и подразделений: приказ МВД России от 30 августа 2012 г. № 827 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Елфимова Е. В., Софронова А. Ю. Аттестация сотрудников органов внутренних дел: вопросы совершенствования законодательства // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 1.

15. О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации: указ Президента РФ от 7 сентября 2010 г. № 1099 // Собрание законодательства РФ. 2010. № 37. Ст. 4643.

16. Об утверждении Порядка возбуждения ходатайств о награждении государственными наградами Российской Федерации федеральных государственных гражданских служащих и работников Федеральной антимонопольной службы: приказ ФАС России от 19 августа 2016 г. №1166/16 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Об утверждении Порядка возбуждения ходатайства о награждении государственными наградами Российской Федерации федеральных государственных служащих и работников ФМС России: приказ ФМС России от 29 февраля 2016 г. № 72 // СПС «КонсультантПлюс».

18. Об утверждении Порядка возбуждения ходатайства о награждении государственными наградами Российской Федерации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, федеральных государственных служащих и работников системы Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 18 апреля 2019 г. № 252 // СПС «КонсультантПлюс».

19. Вопросы прохождения службы сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации: указ Президента РФ от 22 ноября 2012 г. № 1575 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 48. Ст. 6668.

20. Специальные звания сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (сотрудников полиции): учебно-методическое пособие / под ред. В. Л. Кубышко. М.: ФГКУ «ЭПК МВД России», 2019.

21. Об утверждении Порядка внесения представлений о присвоении очередного специального звания досрочно или на одну ступень выше специального звания, предусмотренного по замещаемой должности в органах внутренних дел Российской Федерации (утр. силу): приказ МВД России от 13 мая 2013 г. № 259 // СПС «КонсультантПлюс».

22. О наградах и поощрениях Следственного комитета Российской Федерации и мерах по совершенствованию практики применения поощрений в системе Следственного комитета Российской Федерации: приказ СК России от 23 июня 2014 г. № 53 // СПС «КонсультантПлюс».

23. О Доске почета территориального органа МЧС России, спасательного воинского формирования МЧС России и организации МЧС России: приказ МЧС России от 10 августа 2006 г. № 458 // СПС «КонсультантПлюс».

24. О Доске почета Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 9 октября 2012 г. № 922 // СПС «КонсультантПлюс».

© **Золотова Е. В.**

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.141:004.63(470)

В. Н. ГРИГОРЬЕВ, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России; профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

V. N. GRIGORYEV, leading researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, professor of Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Russia, Doctor of Law, professor (Moscow)

О. А. МАКСИМОВ, доцент кафедры уголовного права и процесса Ульяновского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент (г. Ульяновск)

O. A. MAKSIMOV, associate professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of Ulyanovsk State University, Candidate of Law, associate professor (Ulyanovsk)

**ПОНЯТИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

**CONCEPT OF ELECTRONIC MEDIA OF INFORMATION
IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с несовершенством правового определения электронного носителя информации как доказательства в уголовном судопроизводстве. В результате проведенного исследования выявлен ряд проблем, связанных с применением норм, определяющих место электронных носителей информации в уголовно-процессуальном доказывании. Вывод о необходимости законодательного определения электронного носителя информации подкреплен обоснованием авторского подхода к этому, сформулированы конкретные предложения, направленные на совершенствование использования электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова и словосочетания: электронные носители информации, доказательства, обыск, выемка, осмотр, допустимость доказательств, специалист, понятой, уголовный процесс.

Annotation. The article deals with issues related to the imperfection of the legal definition of an electronic media as evidence in criminal proceedings. As a result of the study, a number of problems have been identified related to the application of the rules governing the place of electronic media in criminal procedural evidence. The conclusion about the need for a legislative definition of the electronic media is supported by the rationale of the author's approach to this, and specific proposals have been formulated aimed at improving the use of electronic media in criminal proceedings.

Keywords and phrases: electronic media, evidence, search, seizure, inspection, admissibility of evidence, specialist, understood, criminal procedure.

Электронные записи, электронная почта, файлы обработки информации, файлы с изображениями все чаще являются важными доказательствами в уголовных делах. Указанные цифровые следы остаются не только при совершении киберпреступлений. «Любое из обстоятельств, подлежащих доказыванию, в наше время может быть представлено в цифровой форме» [1, с. 108]. Электронным доказательством является любая электронно-охраняемая информация (ESI), которая может быть использована в качестве доказательства в судебном процессе или судебном разбирательстве. Электронные доказательства включают любые документы, электронные письма или другие файлы, хранящиеся в электронном виде. Кроме того, электронные свидетельства включают записи, хранящиеся сетевыми или Интернет-провайдерами [2]. При этом существующая форма (тип) уголовного процесса предполагает соответствие используемых доказательств четким и жестким критериям, в том числе допустимости.

Следует отметить, что уголовно-процессуальное доказывание оказалось не вполне готовым к «электронным» изменениям в общественной жизни. В практическую и научную деятельность вводятся новые явления материального мира, что влечет формирование новых понятий. Как происходит с любыми новыми объектами, их понимание различными людьми различается в зависимости от уровня вовлеченности, интересов, профессиональной принадлежности и т. д. Электронное доказывание сейчас находится «в стадии осмысления и теоретического обоснования» [3, с. 39]. При этом уголовный процесс как правоограничительная деятельность не может позволить себе вольную трактовку понятий, связанных с правами и свободами человека.

В соответствии с примечанием 1 к ст. 272 УК РФ под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. Указанное определение, возможно, вполне достаточное для целей материального права, оказывается неполным для целей процессуального, имеющего своей задачей разграничение информации с различным характером формирования и, соответственно, различным правовым

режимом определения ее достоверности. В связи с этим высказываются предложения о включении в УПК РФ новой статьи по закреплению электронной информации как особого вида доказательства.

Однако несмотря на существенные особенности электронная информация вполне может быть представлена в виде одного из традиционных доказательств – вещественного доказательства или иного документа [1, с. 108; 4, с. 561]. Совершенно обоснованные предложения по организации электронного документооборота в уголовном судопроизводстве и замены аналоговой формы фиксации полученных в ходе производства расследования сведений на цифровой формат не влияют на характер формируемых в результате таких действий сведений – их источником остается лицо, производящее следственные действия и гарантирующее правильность зафиксированной информации. Что же касается вещественных доказательств и иных документов, то специфика формирования содержащейся в них цифровой информации, вне зависимости от производства по делу, действительно требует дополнительных гарантий их достоверности.

Цифровую информацию, зафиксированную на материальном носителе, невозможно однозначно воспринимать органами чувств человека, тем более ее нельзя подписывать собственноручно или идентифицировать без соответствующих программно-аппаратных средств. Эта особенность электронного (цифрового) доказательства просматривается в имеющихся подходах к определению электронного документа. Так, согласно ч. 11.1 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 18.12.2018) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [5] электронный документ – это документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 7.0.8-2013 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» в п. 10 гл. 3

определяет электронный документ как документ, информация которого представлена в электронной форме [6]. Соответствующие подходы к определению понятия электронного документа имеются в ГОСТ Р 54989-2012/ISO TR 18492:2005 «Обеспечение долговременной сохранности электронных документов». В нем применены термины и определения, данные в ИСО 12651, ИСО 15489-1 и ИСО/ТО 15489-2. Аутентичный электронный документ (authentic electronic document-based information) определяется как такой электронный документ, точность, надежность и целостность которого сохраняются с течением времени [7].

Как видно из приведенных определений, они не содержат конкретных критериев, позволивших использовать их в качестве требований, гарантирующих допустимость уголовно-процессуальных электронных доказательств.

Проблемы, связанные с электронными доказательствами, не специфичны для российского уголовного процесса. Законы некоторых государств не признают доказательств, полученных электронным способом, считают их вторичными по своей природе доказательствами [2]. В результате исследования, проведенного International Telecommunication Union (Международным союзом электросвязи) [8], отмечено, что допустимость электронных доказательств в Европейских судах регулируется общими положениями, касающимися также и традиционных доказательств. Имеются лишь отдельные элементы регулирования, касающиеся данной сферы.

Так, Уголовно-процессуальный кодекс Германии содержит статьи, применимые к электронным доказательствам, в частности, положения, касающиеся защиты данных в ходе расследования. Они подробно описывают условия для уничтожения электронных данных, не относящихся к делу. Этот текст также включает в себя предписания о мерах, которые необходимо соблюдать при сохранении личных данных, полученных в ходе расследования из баз данных полиции. Уголовный кодекс Австрии включает ряд правил, условий и требований, которые должны быть выполнены, чтобы принять решение о мерах наблюдения за телекоммуникациями. В Бельгии Закон, связанный с компьютерными

преступлениями, отмечает, что правила, касающиеся сбора доказательств, применимы ко всем видам доказательств, в том числе и к электронным. Голландское Гражданско-процессуальное законодательство установило, что доказательства могут быть представлены любым способом, за исключением случаев, когда это прямо запрещено законом. В Испании Закон об уголовном процессе включает в себя такие доказательства, как средства воспроизведения слов, звуков и изображения, а также инструменты, разрешающие или воспроизводящие слова, данные, цифры и математические операции, выполняемые для целей бухгалтерского учета или других целей, относящихся к судебному разбирательству. Отмечается, что сведения могут предоставляться в любом формате. Наконец, в Испании Закон о труде позволяет использовать любой тип доказательств, в том числе механические средства воспроизведения слов, изображений и звуков. В финском Кодексе законов о судопроизводстве устанавливается допустимость в качестве доказательства как цифрового, так и традиционного документа. Кроме того, электронными сообщениями называется информация, которая была отправлена с помощью электронных средств связи. Французский Гражданский кодекс описывает документальные доказательства как результат последовательности букв, цифр или любых других знаков или символов, наделенный понятным значением вне зависимости от способа его передачи. В Греции Гражданский процессуальный кодекс определяет доказательства как реальные документы, имеющие существенное влияние на решение суда. В Ирландии Закон об уголовных доказательствах включает в состав документальных доказательств карты, планы, графики, рисунки или фотографии, воспроизводимые в разборчивой постоянной форме, а также сделанные компьютером или другими средствами в закодированной форме. В Италии Уголовный кодекс обновлен в соответствии с европейскими правилами и содержит текст, определяющий электронный документ как любой компьютерный инструмент, содержащий информацию с доказательственной значимостью или любым указанным программным обеспечением для обработки этой информации. Кроме того, Кодекс электрон-

ного правительства Италии включает точное значение электронного документа, электронной аутентификации и других понятий, таких как электронный документ, удостоверяющий личность, или сертификаты поставщиков услуг. В Люксембурге Гражданский кодекс содержит определение электронной подписи как базы данных, которая связана с юридическим документом неразрывным способом и гарантирует его целостность. В Португалии Уголовный процессуальный кодекс определяет документальные доказательства как любой тип декларации, символ или примечание, представленное в письменной форме или любыми другими техническими средствами в соответствии с уголовным законодательством страны, включая в список допустимых и электронный документ. Гражданский кодекс Португалии определяет документальные доказательства, охватывающие «механические или электронные репродукции документов». Наконец, в Законе об электронных документах и подписях говорится, что электронный документ – это то, что было создано посредством электронной обработки данных. Уголовный кодекс доказательств Соединенного Королевства предполагает использовать в качестве доказательств всю информацию, содержащуюся на компьютере. Кроме того, Кодекс о компьютерных нарушениях этого государства дает различные определения технологических действий, таких как выполнение программы, «использование» компьютера и файлов, подтверждающих, что программа была выполнена. В Румынском Уголовном кодексе мы находим определение доказательств как любого фактического элемента, используемого для определения наличия или отсутствия уголовного преступления, идентификации и установления необходимых обстоятельств, справедливого решения суда [8].

Таким образом, в Европе ни одна из стран не предусматривает в своих нормативных правовых актах конкретного определения того, что является электронными доказательствами. Также отсутствуют конкретные национальные правила, связанные с допустимостью электронных доказательств. В ряде государств электронные документы сопоставляются с бумажными для придания им ценности в качестве доказательств в ходе

судебного разбирательства. В некоторых странах электронная подпись сопоставляется с традиционной и признается одинаковое их значение перед судом.

С точки зрения юридической практики, подавляющее большинство Европейских судей воспринимают электронные доказательства эквивалентом традиционных доказательств. Большинство юристов признают их одним из видов, а не особенным доказательством.

Участники проведенного исследователями опроса, рассматривая преимущества и неудобства, связанные с использованием электронной информации как доказательства, особое внимание уделяют ее «надежности». Некоторые судьи считают электронные документы более надежными ввиду их объективности и точности, и поэтому они отдают предпочтение использованию электронных доказательств. Высказывается и противоположное мнение, согласно которому отсутствие достаточных средств для проверки надежности электронного документа, его подлинности делает электронные доказательства более уязвимыми и поэтому менее надежными, чем традиционные [8].

Преимуществом электронных доказательств является то, что они предлагают точную, полную, истинную, объективную и нейтральную информацию, учитывая, что она исходит из электронного элемента, в котором нет никакой субъективности, если сравнивать ее, например, с заявлениями, сделанными свидетелями, которые могут быть противоречивыми. Более того, исследователи считают, что это дает им доступ к такой информации, которую до сих пор было невозможно получить, например, ко всему, что содержится в электронном устройстве. Другие назвали в качестве преимущества обоснованность надежности и жизнеспособности электронной информации. Еще одно преимущество – легкость и быстрота в сборе и использовании электронной информации, а также ее удостоверении и хранении (преимущественно указывается европейскими нотариусами).

Вместе с тем профессионалы в области права отмечают сложности с установлением юридической ценности таких доказательств в результате трудностей из-за незнания процедуры обработки данных и различий в

толковании законов в этом отношении. Эти трудности возникают из-за отсутствия ясного и систематического регулирования данных правоотношений, а также отсутствия однородного мнения юристов. Кроме того, специалисты выражают страх перед уязвимостью и легкостью, с которой электронными доказательствами можно манипулировать, что является одним из неудобств при определении их подлинности. Некоторые полагают, что электронные документы являются «техническими» доказательствами, которые не понятны судьям и прокурорам, их трудно объяснить, что приводит к отказу от использования их в суде. Они также указывают на трудности сохранения электронных доказательств и недостаточность информации о том, как правильно их хранить.

Неудобством, на которое ссылаются компьютерные эксперты, является отсутствие правовой поддержки и сертификационных моделей. Для принятия в суде электронных доказательств судьи требуют больших гарантий, чем для традиционных.

Следует обратить внимание на практические рекомендации, касающиеся допустимости электронных доказательств, предлагаемые европейскими практиками и учеными. Адвокаты предлагают на национальном уровне внести такие изменения в действующие законодательные акты, которые помогут уменьшить степень законодательной незащищенности электронных документов в суде. Они пропагандируют лучшее национальное регулирование электронных доказательств, в частности в процедурах, которые позволили бы собирать, сохранять и предоставлять данные доказательства со всеми конкретными и надлежащими юридическими гарантиями, чтобы они могли быть допущены к суду как обычный тип доказательств. Высказывается необходимость на европейском и международном уровне разработать ряд минимальных директив и процедурных вопросов, которые гарантировали бы надлежащее сотрудничество между государствами относительно сбора и сохранения электронных доказательств. Отмечается, что на национальном уровне электронные доказательства должны быть отрегулированы конкретными нормативными актами. Другие юристы рекомендуют регулирование электронных до-

казательств посредством внедрения протоколов развития защиты основных прав в собирании, сохранении и представлении электронных доказательств, тем самым способствуя гарантиям приемлемости для такого рода доказательств [8].

Таким образом, основные сомнения, связанные с приемлемостью электронных доказательств, касаются их идентификации и неизменности. «Проверяемость (верифицируемость) является основополагающим свойством доказательства, содержащего электронную информацию» [4, с. 563]. Составляющая содержание электронных доказательств информация всегда должна быть удостоверена на предмет возможности ее идентификации и аутентификации, т. е. проверки целостности информации и ее неизменности на электронном носителе. Указанные гарантии в большей степени находятся в технологической сфере, однако обеспечение обязательности их применения в рамках уголовного дела – задача уголовного процесса.

Вещественные доказательства и иные документы имеют ряд принципиальных и всем хорошо известных различий, главное из которых состоит в том, что иные документы – доказательства личные, созданные для передачи информации о фактах. Они могут быть возобновлены путем повторного получения информации от известного источника. При работе с ними на первое место встает необходимость удостовериться в надежности источника, представившего информацию и несущего ответственность за ее достоверность и неизменность. Статья 474.1 УПК РФ, предоставляющая участникам уголовного судопроизводства право в электронной форме направлять в суд обращения и прилагаемые к ним документы, заверяя их цифровой подписью, расширяет возможность использования в уголовном судопроизводстве именно этот вид доказательства.

Вещественные доказательства представляют собой следы преступной деятельности и формируются объективно. Они незаменимы и уникальны. Поэтому не совсем корректным представляется смешение в одном определении различных видов доказательств на базе единой (цифровой) формы закрепления в них информации, как это сделано, например, в статье Н. В. Олиндер: «Доказательства, содержащие цифровую

информацию, это вещественные доказательства, которые представлены в виде документов, имеющих цифровую форму (иные документы), которые облачены в материальную форму с помощью специальных аппаратных средств и программных продуктов (распечатаны на принтере, скопированы на носитель цифровой информации и т. д.)» [1, с. 109]. Более взвешенным представляется иной взгляд, при котором среди источников электронной информации четко разделяются два совершенно различных вида доказательств: «Та электронная информация, которая не подпадает под понятие электронного документа, т. е. средства осознанной передачи информации, является объективным результатом преступного действия, запечатлелась в информационной среде и может быть определена как вещественное доказательство» [9, с. 151].

В литературе высказывалось мнение, что в качестве электронных вещественных доказательств выступают не только материальные носители, но и сама электронная информация, которая стала результатом преступного действия или была сгенерирована в информационной среде как след преступления: главное в электронном доказательстве – информация, а носитель значения не имеет [4, с. 560]. Не опровергая тезис о первичности информации и вторичности вещественности электронных вещественных доказательств, следует отметить свое несогласие с отрицанием роли электронного носителя информации в структуре рассматриваемого явления.

Прежде всего это связано со спецификой вовлечения в уголовное дело данных средств доказывания. В отличие от иных электронных документов, электронные вещественные доказательства, как правило, изымаются на материальных носителях в ходе производства следственных действий, предусматривающих применение государственного принуждения. При этом следует отметить, что при материальном уничтожении носителя восстановление информации, связанной именно и только с ним, невозможно. Эту особенность подчеркивают и авторы Большого юридического словаря, определяя электронный документ как документ, состоящий из трех элементов: «содержание информации, форма предо-

ставления содержания, носитель информации» [10]. Эта следственная ситуация порождает конфликт интересов лица, чей носитель с информацией изымается, и органов, осуществляющих изъятие. Необходимо удостоверить правильность и полноту изымаемой цифровой информации, при том что изымается именно носитель, ее принадлежность конкретному лицу. Указанные особенности привели к тому, что еще в 2012 году УПК РФ ввел особый порядок производства следственных действий с электронными носителями информации. Единообразие в понимании указанных норм отсутствует до сих пор. Допустимость доказательств, полученных в ходе изъятия, осмотра и использования электронных устройств, оценивается судами настолько разнообразно, что степень игнорирования требований УПК РФ и способы объяснения их незначительности уже составляют основание для классификации судебных актов [11, с. 744–747]. При этом научные точки зрения также разнообразны, как и мнения практиков [12, с. 308; 13, с. 17–19; 14, с. 123–127].

Основная причина отсутствия единообразия практики и значительных теоретических разногласий – отсутствие единого подхода к понятию «электронные носители информации». Следует отметить, что это первое специфичное, характеризующее особенности цифровых данных понятие, употребляемое в уголовном процессе. В настоящее время основой понимания данного термина является подп. 3.1.9 ГОСТ 2.051-2013 «Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения», в соответствии с которым электронный носитель – это «материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники». Расплывчатость определения предполагает его вольную интерпретацию в соответствии с имеющимся интересом и, как следствие, возможность необоснованного отказа в отнесении устройств к электронным носителям информации.

Так, при обсуждении в ходе судебного заседания по уголовному делу ходатайства о недопустимости в качестве доказательств телефонов iPhone 6 и iPhone 5S, изъятых в ходе двух различных следственных

действий – обыска и выемки – с нарушением требований УПК РФ, касающихся правил изъятия электронных носителей информации, возникла следующая ситуация. В уголовном деле в качестве доказательств была использована содержащаяся в них информация – файлы с фотографиями аудио- и видеозаписями, а не сами телефоны. Согласно постановлениям о производстве выемки и обыска телефоны изымались, так как в них содержалась информация, имеющая значение для дела, в том числе и видеозапись произошедшего. В качестве доказательств по делу с помощью вычислительной техники – рабочей компьютерной станции следователя, процессора телефона и др. – использовались не свойства телефона как предмета материального мира, а информация, содержащаяся в телефоне.

Государственный обвинитель по рассматриваемому вопросу отметил, что «современные электронные носители представляют собой сложные устройства, и их толкование должно приводиться в национальных стандартах Российской Федерации, однако данные правовые акты могут стать правовыми нормативными актами только в определенных законом случаях. Кроме того, национальный стандарт – это документ, разработанный участниками работ по стандартизации, утвержденный федеральным органом исполнительной власти в данной сфере, в котором для всеобщего применения устанавливаются общие характеристики объекта стандартизации.

В настоящее время только на уровне названных документов содержится общее и юридически неопределенное понятие электронного носителя информации, под которым понимается материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники.

Анализ вышеприведенного определения не позволяет выделить основные (отличительные) признаки рассматриваемого объекта. Таким образом, действующее законодательство не содержит определение «электронный носитель информации». Следовательно, толкование данного понятия должно быть максимально обосновано и сужено. Расширительное толкование данной категории, позволяющее относить

к электронным носителям информации мобильный телефон, недопустимо. Наличие специальных знаний для изъятия данного предмета не требуется [15].

Суд, разрешая заявленное ходатайство, частично разделил позицию государственного обвинителя, указав, что «сами телефоны и содержащаяся в них любая информация, в том числе видеозаписи и фотографии, не являются электронными носителями информации, то есть материальными носителями, используемыми для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники. Сотовые телефоны являются предметами бытового повседневного пользования, которые содержат в себе определенную информацию, для получения которой специальных познаний не требуется» [15].

Такая позиция обвинения и суда противоречит основополагающим началам уголовного процесса. Проигнорировано правило о толковании всех сомнений в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном УПК РФ, в пользу обвиняемого, являющееся неотъемлемой частью принципа презумпции невиновности (ч. 3 ст. 14 УПК РФ). Согласно ч. 4 ст. 235 УПК РФ «при рассмотрении ходатайства об исключении доказательства, заявленного стороной защиты на том основании, что доказательство было получено с нарушением требований настоящего Кодекса, бремя опровержения доводов, представленных стороной защиты, лежит на прокуроре». При утверждении защиты о том, что телефон представляет собой «электронный носитель информации», неотнесение его к устройствам такого рода должна доказываться стороной обвинения, причем в соответствии с правилами доказывания, а не путем вольных умозаключений. При отсутствии таких доказательств оснований для ограничительного толкования данного понятия не может быть.

«Применение логических презумпций – это издержки доказывания, чем их будет меньше, тем лучше» [16, с. 98]. Правильным способом разрешения имеющейся проблемы является позитивное регулирование правоотношений. Без однозначного толкования спорных понятий правоприменительная практика сталкивается со значительными

трудностями [17, с. 3–10] и сделанное профессором Ю. В. Гаврилиным предложение о необходимости законодательного определения «электронного носителя информации» [18, с. 48] поможет разрешить имеющиеся проблемы.

Применяемые на практике технические критерии приводят, как мы видим в приведенном примере, к их произвольной интерпретации и подмене. Поэтому к формированию понятия следует подойти с иных позиций. Основным в его содержании должно быть указание на значимую для дела составляющую таких источников доказательств, а не на их техническое описание. Специфические особенности цифровых сведений состоят в том, что:

- доказательственное значение имеют не физические или технические параметры носителя, а содержащаяся в нем электронная информация, зашифрованная кодом, либо факт ее нахождения на данном носителе;

- эта информация создана не в процессе расследования (раскрытия) уголовного дела и не является общедоступной;

- восприятие этой информации возможно только с применением специального устройства;

- современные технические возможности позволяют вносить изменения в содержание указанной информации, в том числе и без непосредственного воздействия на носитель;

- изменение информации, имеющейся на носителе, может быть осуществлено без отражений в виде материальных следов [19, с. 3].

Указанные особенности сохранения и накопления информации, общие для всех видов электронных устройств, не позволяют согласиться с предлагаемой некоторыми исследователями дифференциацией электронных носителей информации исходя из их сложности. В этой связи мы не можем разделить позиции В. Ф. Васюкова и Н. А. Малышевой, состоящей в том, что «при изъятии самых обычных устройств или накопителей следователь может справиться самостоятельно на основе общих криминалистических знаний» [20, с. 151].

Отличие электронных носителей информации от «традиционных» вещественных доказательств и иных документов приводит к необходимости использовать различные

приемы и средства работы с указанными доказательствами. «Предметные» вещественные доказательства содержат в качестве доказательственной информации следы материального мира. Изменение этой информации невозможно без непосредственного воздействия на сам предмет. Поэтому для гарантирования их достоверности вполне достаточно традиционной упаковки, обеспечивающей отсутствие механического воздействия. Утверждать это в отношении электронных носителей информации как минимум самонадеянно. Поэтому требования по применению специальных средств, исключающих дистанционное воздействие на них, являются обязательной частью криминалистических рекомендаций.

Таким образом, следует особо выделить «электронный носитель информации» в составе доказательств вещественных и определить его как «предмет, содержащий значимую для уголовного дела информацию, созданную не в процессе расследования (раскрытия) уголовного дела, восприятие которой невозможно без использования электронно-вычислительных средств».

В соответствии с ч. 1 ст. 81.1 УПК РФ (в ред. ФЗ от 27.12.2018 № 533-ФЗ) предметы и документы, указанные в ч. 1 ст. 81, включая электронные носители информации, изъятые с учетом требований, установленных ч. 4.1 ст. 164 и ст. 164.1 УПК РФ, в ходе досудебного производства по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных чч. 1–4 ст. 159, ст.ст. 159.1–159.3, 159.5, 159.6, 160 и 165 УК РФ, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также чч. 5–7 ст.ст. 159, 171, 171.1, 171.3–172.2, 173.1–174.1, 176–178, 180, 181, 183, 185–185.4 и 190–199.4 УК РФ, признаются вещественными доказательствами и приобщаются к материалам уголовного дела, о чем выносится соответствующее постановление.

При таком подходе весь спектр оборудования, используемого в современном информационном процессе и содержащего «незаменимую и уникальную» информацию, имеющую значение для дела, будет отнесен к доказательствам, имеющим особый правовой статус.

Наличие обязательных сомнений в пригодности доказательств до тех пор, пока они

не опровергнуты признанием факта их соответствия уголовно-процессуальной форме, конкретным выражением которой являются правила определения допустимости доказательств, является составляющей частью уголовно-процессуальной состязательности [21, с. 44–53]. Роль информационных устройств (носителей) и содержащейся на них информации, специфика ее формирования и сохранения на устройствах свидетельствует о необходимости введения в УПК РФ критериев достаточности гарантий достоверности изымаемых сведений и их сохранности. Необходимость специального режима работы с носителем и самой электронной информацией вытекает из задачи ее сохранения в неизменном виде при изъятии носителя, извлечении и исследовании сведений. Таким образом, выработка правил допустимости является ключевым моментом в практическом использовании цифровой информации в доказывании. Закрепленные в УПК РФ требования в этой части нельзя считать достаточными.

Необходимость участия специалиста при производстве некоторых следственных действий, в ходе которых изымаются электронные носители информации, ранее уже была закреплена в законе. Это обусловлено необходимостью гарантировать истинность, целостность и неизменность информации, содержащейся на изымаемом электронном носителе, со стороны лица, обладающего специальными познаниями. Кроме того, положение специалиста как незаинтересованного лица (на что указывают факт ненахождения его на стороне обвинения (что следует из его законодательного определения (ст. 58 УПК РФ) [22, с. 97], отнесения его к иным участникам уголовного судопроизводства (гл. 8 УПК РФ) и основания для его отвода, предусмотренные ст. 71 УПК РФ) является гарантией объективного применения специальных знаний в ходе уголовного судопроизводства. При этом достаточно очевидным пробелом ранее действовавшего законодательства, отмеченным исследователями [23, с. 48–54; 24, с. 7–11], было отсутствие требования об участии специалиста при производстве иных, кроме обыска и выемки, следственных действий, в частности осмотра, в ходе которых осуществляется изъятие электронных носи-

телей информации. Гарантии достоверности содержимого электронных носителей информации должны быть одинаковы вне зависимости от выбранного стороной обвинения способа собирания доказательств, так как электронная информация, хранящаяся на носителях, изымаемых в ходе осмотра, выемки и обыска, не имеет каких-либо особенностей. Следует заметить, что данный пробел ликвидирован. В соответствии с Федеральным законом от 27.12.2018 № 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [25] в УПК РФ введена ст. 164.1, установившая особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве всех следственных действий и предусмотревшая, что электронные носители информации изымаются в ходе производства следственных действий с участием специалиста (ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ). Этим же Законом признаны утратившими силу ч. 9.1 ст. 182 и ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ, предусматривавшие изъятие электронных носителей информации с участием специалиста при производстве обыска и выемки.

При производстве осмотра, в ходе которого происходит извлечение информации с электронных носителей, специалист также должен занимать свое обязательное место. Только он может обеспечить истинность, целостность, полноту и неизменность извлекаемого массива сведений. Как совершенно справедливо отмечается исследователями, «при работе с электронными следами следователю стоит быть очень внимательным и аккуратным, чтобы исключить возможность потери, модификации информации либо внесения новых сведений в память устройства. Электронные носители – результат научного и технического прогресса, поэтому для работы с ними необходимо участие специалиста» [9, с. 148–149]. Участие специалиста при изъятии электронных носителей информации и в следственных действиях, в результате которых электронная информация извлекается, позволит устранить значительную долю сомнений в достоверности полученных доказательств и является гарантией защиты прав участников процесса при производстве указанных действий.

Требование ч. 1 ст. 170 УПК РФ о производстве с участием не менее двух понятых обыска или выемки в случаях изъятия электронных носителей информации реализует стремление законодателя гарантировать достоверность информации, получаемой на электронных носителях, и вызывает полное понимание. Однако, как и в случае со специалистом, отсутствие требования о необходимости участия понятых при производстве осмотра, в ходе которого изымаются электронные носители информации, не позволяет говорить о достаточном уровне обеспечения достоверности указанных доказательств. Тем более что применительно к случаю выемки норма ч. 1 ст. 170 об обязательном участии понятых продолжает содержать отсылку к ч. 3.1 ст. 183, которая указанным Федеральным законом от 27.12.2018 № 533-ФЗ признана утратившей силу, вследствие чего ее легитимность проблематична (несмотря на факт утраты силы упоминание ч. 3.1 ст. 183 в тексте УПК сохраняется в чч. 1, 1.1 ст. 170 УПК РФ).

Аналогичные замечания возникают к порядку производства следственных действий (осмотров), в результате которых извлекаются сведения с электронных носителей. Информация в ходе такого действия перекодируется в общедоступную форму. Это позволяет понятому удостовериться факт и процедуру извлечения этой информации, ее полноту и содержание. Неконтролируемость производства такого действия опасно тем, что при обнаружении, перекодировке и изъятии в ходе него информации может произойти утрата, изменение или игнорирование этой информации, опровергающей версию следствия. Техническая фиксация (фотографирование, видеозапись), имеющая фрагментарный характер, не может в полной мере обеспечить несомненность доказательств. Законной альтернативой здесь может быть участие понятых в любых следственных действиях, связанных с электронной информацией и их носителями как дополнительная гарантия допустимости получаемых доказательств.

В УПК РФ достаточно полно прописаны нормы, касающиеся возможности копирования по ходатайству заинтересованного лица информации с электронных носителей в момент ее изъятия и в ходе расследования уголовного дела (ч. 2.1 ст. 82, ст. 164.1 УПК РФ).

Следует отметить, что возможность копирования информации практически нивелируется положением УПК РФ, позволяющим не допускать его, если, по мнению следователя, это может воспрепятствовать расследованию преступления. Такая норма применительно к обыску и выемке была признана Федеральным законом от 27.12.2018 № 533-ФЗ утратившей силу (в составе ч. 9.1 ст. 182 и ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ). Однако она продолжает действовать в составе общих норм о хранении вещественных доказательств: «Не допускается копирование информации [с электронных носителей], если это может воспрепятствовать расследованию преступления» (ч. 2.1 ст. 82 УПК РФ).

Как правило, следственная ситуация «не располагает к предоставлению возможности копирования информации» [18, с. 49]. Исходя из состязательного характера уголовного судопроизводства РФ, лицо, у которого изымаются какие-либо предметы, используемые в качестве доказательства, должно обладать сведениями о них уже в момент их изъятия у него. Это последовательно прослеживается в нормах УПК РФ, касающихся изъятия «традиционных» вещественных доказательств в ходе следственных действий. Так, согласно чч. 10, 14, 16 ст. 182 УПК РФ изымаемые предметы предъявляются участникам следственного действия, в протоколе указываются все изымаемые предметы, документы и ценности с точным указанием их количества, меры, веса, индивидуальных признаков и по возможности стоимости; копия протокола вручается лицу, у которого производится изъятие. Соответственно, лицо, у которого изымаются материальные предметы, имеет право на безусловное (вне зависимости от возможности этим воспрепятствовать расследованию преступления) ознакомление с доступными визуальной фиксации признаками объекта следственного интереса и получение его вербальной копии. Указанная выше специфика электронных носителей информации свидетельствует о том, что для них такими признаками является именно содержание информации, а не характеристики ее носителя. Так, ограничение в копировании информации при изъятии ее носителя находится в противоречии с назначением уголовного судопроизводства и требует законодательного преодоления.

Таким образом, существующая в настоящее время практика обращения с указанными доказательствами неминуемо приводит к нарушениям прав граждан, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, невозможности равноправного участия сторон в доказывании, препятствует реализации их активности в достижении их процессуальных целей. Все это говорит о необходимости как

дальнейшего законодательного определения и регулирования процессуального режима электронного носителя информации, так и установления единообразного, понятного и логичного порядка процессуальных действий, производимых с ними, способного стать достаточным критерием их допустимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Олиндер Н. В. К вопросу о доказательствах, содержащих цифровую информацию // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 3.
2. Can Electronic Documents Be Used As Evidence International Law Essay. URL: <https://www.lawteacher.net/free-law-essays/international-law/can-electronic-documents-be-used-as-evidence-international-law-essay.php> (дата обращения: 10.01.2019).
3. Григорьев В. Н. Результаты смены парадигмы в исследованиях уголовного процесса // Вестник ВИПК МВД России. 2017. № 2 (42).
4. Пастухов П. С. О развитии уголовно-процессуального доказывания с использованием электронных доказательств // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов: сборник научных статей. М.: Изд-во «Статус», 2017.
5. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 18.12.2018) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения: национальный стандарт РФ ГОСТ Р 7.0.8-2013 (утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 17 октября 2013 г. № 1185-ст) // СПС «Гарант».
7. Обеспечение долговременной сохранности электронных документов: ГОСТ Р 54989-2012/ISO TR 18492:2005. URL: <http://pro-spo.ru/glossary/3983-gost-r-54989-2012isotr-184922005-obespechenie-dolgov-remennoj-soxrannosti-elektronnyx-dokumentov> (дата обращения: 10.01.2019).
8. The admissibility of electronic evidence in court: fighting against hightech crime. URL: http://www.itu.int/osg/csd/cybersecurity/WSIS/3rd_meeting_docs/contributions/libro_aeec_en.pdf (дата обращения: 10.01.2019).
9. Пастухов П. С. Электронное вещественное доказательство в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396.
10. Большой юридический словарь. URL: <https://gufo.me/dict/law> (дата обращения: 13.01.2019).
11. Гареева Э. Р., Тувалбаева Р. И. Участие специалиста при изъятии электронных носителей информации // Аллея науки. 2017. Т. 4. № 9.
12. Булыжкин А. В., Васюков В. Ф. Изъятие электронных носителей информации при расследовании преступлений: нерешенные проблемы правового регулирования и правоприменения // Российский следователь. 2016. № 6.
13. Козловский П. В., Седельников П. В. Участие специалиста в изъятии электронных носителей // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 1 (52).
14. Антонов В. А., Старичков М. В. Электронные носители как источники криминалистически значимой информации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сборник научных трудов. Вып. 3–4. Иркутск: ФГКОУ ВПО «ВСИ МВД России», 2013.
15. Уголовное дело № 1-25/18 // Архив Ленинского районного суда г. Ульяновска за 2018 г.
16. Орлов Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе: научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2000.
17. Григорьев В. Н., Зинченко И. А. Нормы-дефиниции: Нужны ли они в уголовно-процессуальном праве? (компаративистский взгляд) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. № 413.

18. Гаврилин Ю. В. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44).
19. Григорьев В. Н., Максимов О. А. Некоторые вопросы использования электронных носителей информации при расследовании уголовных дел // Полицейская деятельность. 2018. № 1.
20. Васюков В. Ф., Малышева Н. А. Применение специальных знаний при производстве отдельных следственных действий с использованием электронных устройств // Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов предварительного расследования: сборник статей Межведомственного круглого стола и Всероссийского круглого стола. Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 2017.
21. Орлов Ю. К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве: научно-учебное пособие. М.: Проспект, 2016.
22. Тарасов А. А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017.
23. Першин А. Н. Электронный носитель информации как новый источник доказательств по уголовным делам // Уголовный процесс. 2015. № 5.
24. Забавина А. Ю., Киселев Е. А. Проблемы законодательной регламентации использования данных спутниковых навигационных систем в раскрытии и расследовании преступлений // Российский следователь. 2015. № 4.
25. О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8459.

© Григорьев В. Н.

© Максимов О. А.

УДК 343.13:343.211.5(470)

А. В. ПОБЕДКИН, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

A. V. POBEDKIN, professor of the Chair of Management of the Crime Investigation Bodies of the Academy of Management of the Interior Ministry of Russia, Doctor of Law, professor (Moscow)

НАРОД КАК ИСТОЧНИК ВЛАСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

PEOPLE AS A SOURCE OF POWER IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об основной причине недостаточной эффективности уголовного судопроизводства и обосновывается вывод, согласно которому таковой является недостаточная его связь с народом, который является в стране единственным источником власти. На основе диалектического метода познания автор приходит к идее о том, что реализация уголовным судопроизводством публичной функции невозможна без доверия народа к уголовному судопроизводству и должностным лицам, его осуществляющим. В противном случае неизбежно противопоставление народа и властных участников уголовного судопроизводства. В статье аргументируется мысль о том, что, наряду с утратой доверия к должностным лицам, осуществляющим уголовный процесс в стране, в народе зреет понимание необходимости поддержки правоохранительных органов, которое необходимо развить. С использованием исторического и компаративистского,

формально-юридического методов автор обосновывает пути укрепления связи: «народ – уголовное судопроизводство», которые видятся в активном участии граждан страны в принятии процессуальных решений; формировании корпуса должностных лиц, применяющих уголовно-процессуальных закон; создании текста уголовно-процессуального закона, доступного для жителей страны. Предложенные направления развития уголовного судопроизводства разрушат негативную тенденцию автономизации уголовного процесса в рамках корпорации юристов отдельных профессий.

Ключевые слова и словосочетания: народ как единственный источник власти, публичность уголовного судопроизводства, доверие граждан, упрощенные (ускоренные) производства, независимость судей, участие народа в отправлении правосудия, уголовно-процессуальный закон.

Annotation. The article considers the issue of the main reason of the lack of efficiency of criminal proceedings and the conclusion that it is the lack of communication with the people, who are the only source of power in the country, is justified. On the basis of the dialectical method of knowledge, the author comes to the idea that the realization of a public function by criminal proceedings is impossible without the confidence of people in criminal proceedings and the officials who exercise it. Otherwise, inevitable the opposition of the people and the imperious participants in criminal proceedings is inevitable. The article argues that along with the loss of confidence in the officials involved in the criminal process in the country, there is a growing understanding among the people of the need to support law enforcement agencies, which must be developed. With the use of historical and comparative, formallegal methods, the author justifies the ways to strengthen communication: «people – criminal justice», which is seen in the active participation of citizens of the country in making procedural decisions, forming a body of officials applying the criminal procedure law; creating the text of the criminal procedure law available to residents of the country. The proposed directions of the development of criminal justice will destroy the negative trend of autonomy of the criminal process within the corporation of lawyers of certain professions.

Keywords and phrases: people as the sole source of power, publicity of criminal proceedings, citizens' trust, simplified (accelerated) proceedings, independence of judges, participation of people in the administration of justice, criminal procedure law.

Проблемы уголовного судопроизводства напрямую определяются общими политическими и социальными процессами в стране. Уголовный процесс – самая политизированная сфера государственной деятельности, непременно реагирующая на любые колебания политического режима, изменение государственных приоритетов, способы обеспечения конституционных ценностей. Собственно, тип (форма) уголовного судопроизводства, особенности порядка досудебного и судебного производства определяются не научно установленными закономерностями, а потребностями общества, выражаемыми государством. В этой связи нельзя сказать, что уголовный процесс того или иного государства лучше или хуже порядка уголовно-процессуальной деятельности, принятого в другой стране. Каждое общество выбирает судопроизводство, которое соответствует его чаяниям и основано на его ценностях, традициях, приоритетах. Так, прагматизм и договорные формы уголовного процесса

англо-американского типа, например для американского общества, вполне приемлемы и отвечают шкале ценностей, принятой в данном обществе. Задача науки уголовного процесса – выявление реальных потребностей общества в результатах уголовно-процессуальной деятельности и обоснование порядка судопроизводства, способного удовлетворить чаяния народа страны, точнее, его нравственно здоровой части (маргинальные слои, несомненно, существуют в любом обществе, и уголовное судопроизводство, напротив, должно быть средством диктатуры, принуждающим такие слои к принятому в обществе поведению).

Без учета связи потребностей общества и уголовно-процессуальной деятельности таковая не может ни оцениваться, ни совершенствоваться. Интересы правоохранительных органов, ведомственные интересы, конкретные пробелы и недостатки в процессуальных процедурах, с точки зрения эффективности закона, объективно вторичны.

Опыт последних десятилетий ярко показал, что «валовыми» изменениями уголовно-процессуального законодательства, начиная с косметических и заканчивая кардинальными (как, например, оскудение процессуальных возможностей прокурора в части надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, введение дознания в сокращенной форме и т. д.), нарывы уголовного судопроизводства не заживить. Поэтому вряд ли что-то изменят идеи о введении института следственных судей [1, с. 74–86; 2, с. 9–21], судебных следователей, «деформализации» досудебного производства, ликвидации следователя как субъекта собирания доказательств и возложение этой функции на некоего «полицейского агента» и т. д. [3]. Проблема уголовного судопроизводства России сегодня даже не в типе его организации, хотя традиционные отечественные формы, вне всякого сомнения, обоснованы глубокими историческими корнями, сочленением с отечественными ценностями и уже только по этой причине предпочтительны.

Существует ли проблема? Если да, то в чем она состоит? Зададимся вопросом: действительно ли уголовное судопроизводство России нужно совершенствовать? Почему сплошь и рядом в научных работах оно критикуется? Каким требованиям оно не отвечает? Кто эти требования формулирует или должен формулировать?

Знакомясь с традиционными ежегодными отчетами правоохранительных структур о результатах деятельности, складывается впечатление, что ситуация, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства, непрерывно улучшается. Основания для оптимизма есть. Достаточно для них и тенденции ежегодного снижения количества зарегистрированных преступлений. Несомненно, это следствие не только уголовно-процессуальной деятельности. В условиях расширения сокращенных, упрощенных, ускоренных и другого рода «сделочных» процедур в уголовном процессе России его роль в снижении уровня преступности объективно не может быть велика.

Л. А. Воскобитова, сомневаясь, что уголовное судопроизводство вообще можно считать средством борьбы с преступностью (что является весьма распространенной позицией

среди сторонников подхода к уголовному судопроизводству, прежде всего как к средству защиты лиц, оказавшихся в его орбите), пишет, что уголовный процесс уже потому не имеет назначением борьбу с преступностью, что в его ходе сдерживается борьба, ведущаяся другими органами государства. Кроме того, Л. А. Воскобитова полагает, что значительная часть преступлений остается латентной, недоступной для уголовного судопроизводства. «А как оценивать с точки зрения борьбы с преступностью результаты уголовного судопроизводства в виде прекращенных уголовных дел, оправдательных приговоров?», – спрашивает ученый [4, с. 58–59]. Все верно. Уголовный процесс ограничивает государство в средствах, обеспечивает оправдание невиновных, отказ от их уголовного преследования. К сожалению, действительно, не все преступления выявляются. Однако это аргументы в пользу уголовного процесса как государственной деятельности, направленной на борьбу с преступностью. Таковая, очевидно, предполагает, что бороться (привлекать к уголовной ответственности) нужно с действительными преступниками, обеспечивая недопустимость ущемления прав человека и тем более осуждения (равно как и «констатации факта совершения деяния, содержащего признаки преступления» в постановлении о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, что по спорной позиции Конституционного Суда РФ не равно признанию виновным) невиновных. Что же касается латентности, то некоторые преступления неизвестны и оперативным работникам, что не свидетельствует о том, что оперативно-разыскная деятельность – не средство борьбы с преступностью.

Если к уголовной ответственности привлекаются и осуждаются лица, на самом деле совершившие преступления, преступность объективно должна оказаться под контролем и иметь тенденцию к снижению. Некоторые специалисты склонны скептически смотреть на данные официальной статистики, поскольку имеются основания полагать, что она направленно формируется, в том числе и средствами уголовного судопроизводства (например, миллионными необоснованными отказами в возбуждении уголовного дела) [5, с. 88–96]. Однако официальная статистика свидетельствует, что государство, априори

представляющее интересы народа, считает возможным признать средства борьбы с преступностью в стране эффективными.

Несколько настораживает, что положительные тенденции в деятельности конкретного правоохранительного органа зачастую констатируются взаимными отсылками к недостаткам в деятельности коллег из других правоохранительных структур [6]. Это свидетельствует о том, что в сфере уголовного процесса не все благополучно. В этой связи совершенно резонны критические замечания Президента РФ, прозвучавшие на расширенных заседаниях коллегий Генеральной прокуратуры РФ и МВД России в 2017 году [7; 8].

Из доклада Уполномоченного по правам человека в РФ (далее – Уполномоченный) следует, что из 41 841 обращения, поступившего к Уполномоченному в 2017 г., 12 779 связаны с нарушением прав в сфере уголовного судопроизводства (почти треть от общего количества обращений) [9]. Это серьезный индикатор, который коррелирует с иными результатами замеров общественного мнения.

Так, согласно результатам опросов, проведенных Федеральным научно-исследовательским социологическим центром РАН, в числе запросов российского общества сегодня основной – справедливость (59 % опрошенных, это больше чем в 2014 г. на 12 %) [10]. В 2017 г., по сравнению с 2016 г., вырос показатель значимости для граждан права на справедливый суд с 27 % до 36 %. «Причинами динамики, свидетельствующей о повышении интереса граждан к обеспечению справедливого судебного разбирательства, служит как рост правовой активности граждан, участвующих в судопроизводстве, так и неудовлетворенность выносимыми судебными решениями. В ходе рассмотрения жалоб граждан Уполномоченный чаще всего сталкивается с нарушением процессуальных прав в рамках уголовного судопроизводства. На протяжении многих лет обращения по вопросам уголовно-процессуального законодательства из общего объема корреспонденции, поступающей к Уполномоченному, имеют наибольший удельный вес», – отмечается в докладе Уполномоченного [9].

40 % опрошенных считают, что правоохранительные структуры коррумпированы, и этот показатель, по сравнению с 2014 г., вырос на 6 %, невзирая на жесткую борьбу с

коррупцией. Растет и недоверие к честности судебной системы. Судебная система оценивается как коррупционная 37 % опрошенных (в 2014 г. так считали только 22 %) [10].

Итак, недоверие населения к судебной системе, нередко отождествляемой гражданами с органами уголовного судопроизводства, удручающе растет. Значит, углубляется разрыв между народом и теми, кто защищает его интересы в уголовном процессе.

А. И. Александров справедливо сетует по поводу недостаточного доверия граждан правоохранительным органам. Граждане не хотят им помогать, например, предупреждают о нарушениях правил дорожного движения не сотрудников ГИБДД, а, напротив, водителей о возможном контроле на дороге [11, с. 27–28]. Вероятно, для жителей отдельных других государств это, действительно, странно. Полиция Японии, Швеции, Франции ориентирована на концепцию социального партнерства, общество активно взаимодействует с полицией, осуществляющей профилактику правонарушений [12, с. 152]. Е. И. Замылин пишет, что в условиях изменения приоритета социальных ценностей, утери значимости общественных интересов советский лозунг: «Сила милиции в связи с народом» «безвозвратно устарел» [13, с. 268].

Так ли «безвозвратно»? Заметим, что потребность общества, состоящая в участии в делах государства, в том числе в области правоохраны, не просто существует сегодня, а по некоторым данным – растет. Если в 2012 г. в России только 12 % респондентов считали, что нужно помогать полиции, то в 2015 г. – уже 54 % [12, с. 152]. И эту тенденцию необходимо не просто констатировать, а развивать.

Итак, основная проблема уголовного судопроизводства России в настоящее время не в плохом качестве уголовно-процессуального законодательства, а в недостаточном доверии к органам уголовного судопроизводства, их деятельности и результатам судопроизводства. Благоприятные статистические показатели на федеральном и ведомственном уровне, даже если и соответствуют реальному положению дел, не отражают мнение об уголовном судопроизводстве человека, который один (понятие «человек» в данном случае символ и означает жителя страны)

и должен быть им удовлетворен, поскольку единственным источником власти в стране является ее многонациональный народ (ч. 1 ст. 3 Конституции РФ).

Слабая вера в справедливость в уголовном процессе вызвана утратой уголовным судопроизводством его публичности, которую нужно понимать не в узком формальном смысле. Понимание ее в качестве принципа уголовного судопроизводства явно недостаточно масштабно. Публичность – социальная функция уголовного судопроизводства, которое должно служить обществу, обеспечивая привлечение к уголовной ответственности лиц, действительно виновных в совершении преступления, в условиях справедливости, равенства всех перед законом и судом, доступности правосудия для каждого жителя страны вне зависимости от уровня благосостояния и иных сопутствующих факторов. Упрощение процедур в уголовном процессе России на сегодняшний день, очевидно, поколебало единство процессуальной формы, свело ее к обслуживанию ценностей прагматичного, договорного, сделочного характера, что никак не способствует доверию населения к уголовному процессу.

Либеральный подход к праву народа в России, выражающий изоляционизм человека от общества, терпит очевидный крах. Об этом В. Д. Зорькин пишет: «... нам нужна сейчас такая корректировка либерально-индивидуалистического подхода к правопониманию (доминирующего в сегодняшней мировой теории и практике), которая привнесла бы в само понятие права идеи солидаризма. То есть нужна правовая теория, синтезирующая в рамках понятия права идеи индивидуальной свободы и социальной справедливости. Такой подход к правопониманию в наибольшей степени соответствует ментальности российского народа, его правовому и нравственному сознанию» [14]. Необходимо идти дальше и из идей солидаризма (в том числе человека и власти) выводить идеи о личной свободе человека. Будучи истолкованными правильно, с учетом лучших достижений русской философии права, основанных «на согласовании в его рамках разума и духа, свободы и милосердия, права и правды, индивидуального и социального начала», идеи солидаризма отнюдь не синонимы «идеологии авторитарного типа».

«Пришло время, – справедливо считает В. Д. Зорькин, – на новом уровне возродить в России солидаристское мировоззрение, которое все еще остается погребенным под обломками социализма» [14]. Все верно, под обломками социализма, разрушенного и подмятого буржуазной идеологией со всеми свойственными ей недостатками и, наверное, отдельными достоинствами.

Человек и власть должны представлять единое целое. Их разделение возможно только условно. Власть осуществляется народом и не может рассматриваться отдельно от народа: она народом формируется, состоит из представителей народа и им контролируется. «Государственное управление, – по Аристотелю, – воплощение добродетели через совместную деятельность граждан, т. е. все свободные граждане полиса должны принимать участие в государственных делах и нести за это ответственность» [15, с. 54]. Аристотель предостерегал и от резкого разделения на богатых и бедных, аристократов и «остальной народ» [15, с. 54]. Иначе противостояние «власть – общество» неизбежно.

Отечественная конституционная идентичность «отражает результат общественного согласия граждан государства по вопросам понимания прав человека, т. е., по сути, вопросам, связанным с пониманием того, что есть человек и в чем состоит его человеческое достоинство» и «это именно общественное согласие, которое устанавливается большинством общества и устанавливается для большинства» [14]. Обобщения, сделанные В. Д. Зорькиным, полностью укладываются в понимание уголовного процесса, который имеет своим назначением защиту интересов нравственно здорового общества. Уголовное судопроизводство – не что иное, как форма диктатуры нравственно здорового большинства, предназначенная подавлять угрозу национальной безопасности в облике преступности.

Низкое доверие населения к уголовному судопроизводству, его результатам имеет ныне «эффект домино» – оно само становится причиной разрушения публичности судопроизводства, поскольку порождает у населения чувство тревоги, неуверенности, страха за безопасность и т. д. Последствия слабых, упрощенных, почти выхолощенных процессуальных гарантий в отдельных

процедурах усугубляются в геометрической прогрессии.

Остановить этот процесс за счет возвращения к полноценной процессуальной форме уже не получится. Мощные процессуальные гарантии – недостаточное средство возвращения полноценной публичности уголовному судопроизводству. Правильные по сути и форме процессуальные решения сами по себе не способны произвести на население должный эффект: убедить в справедливости и честности органов и должностных лиц, отвечающих за уголовный процесс; снять тревогу за безопасность; породить уверенность в контроле над преступностью, объективности статистики и т. д. Реальные процессуальные гарантии как правосудия, так и обеспечения прав личности только тогда обеспечат реализацию публичной функции судопроизводства, когда само уголовное судопроизводство, должностные лица и государственные органы, его осуществляющие, обретут нерушимую связь с народом.

Не следует думать, что народу не до проблем управления государством, и каждый тонет в тысяче бытовых мелочей, не способен, да и не заинтересован в принятии судьбоносных решений для людей и страны. Каждый отдельно, действительно, не обладает всеми качествами, необходимыми для воплощения народных чаяний и мудрости, но источник власти в стране – не «единица», а ее «многонациональный народ». Хорошо сказал об этом Александр Фадеев, описывая свой партизанский опыт в борьбе за Советскую власть на Дальнем Востоке, в легендарном романе «Разгром»: «Левинсон глубоко верил в то, что движет этими людьми не только чувство самосохранения, но и другой, не менее важный инстинкт, скрытый от поверхностного глаза, не осознанный даже большинством из них, по которому все, что приходится им переносить, даже смерть, оправдано своей конечной целью, без которого никто из них не пошел бы добровольно умирать в улахинской тайге. Но он знал также, что этот глубокий инстинкт живет в людях под спудом бесконечно маленьких, каждодневных, насущных потребностей и забот о своей – такой же маленькой, но живой – личности, потому что каждый человек хочет есть и спать, потому что каждый человек слаб».

Такой инстинкт есть в народе всегда, и он должен быть востребован. Уголовный процесс – не исключение. Связь «народ – уголовный процесс» видится по нескольким каналам.

1. Народ должен участвовать в уголовном судопроизводстве не только в качестве обвиняемых, подозреваемых, потерпевших, гражданских истцов и гражданских ответчиков, а также в качестве участников, служащих интересам доказывания (отдельные случаи участия присяжных заседателей не учитываются). Народ должен принимать решения, привносить в уголовное судопроизводство народное представление о справедливости, народную мудрость.

К сожалению, устранение народных представителей из уголовного процесса от принятия решений по уголовному делу было заложено еще недооцененным, с точки зрения разрушительной силы, документом – Концепцией судебной реформы в РСФСР [16] (далее – Концепция), в которой содержался призыв к государству совершить «мужественный акт самоотрицания, превратившись из политического в правовое», будто бы в мире существуют неполитические государства. России предлагалось совершить акт самоотрицания своей самобытности и принять за идеалы другие образцы: даже не западные, а именно американские. Народное представительство – маска антидемократического режима. Из законодательства следует выдавить «международную солидарность трудящихся», «создание материально-технической базы коммунизма», «коммунистическую мораль» и «подготовку детей к активному участию в строительстве коммунистического общества». Следуя Концепции, из уголовного судопроизводства выдавливали любой интернационализм, человеческую мораль, подавали все воспитательные эффекты судопроизводства и разрывали связь процесса с коллективами и народом.

Первоначально надежда была на суд присяжных. С массой недостатков в какой-то степени он замещал народную мудрость народных заседателей, которые заслужили обидные прозвища, вроде «кивал» только по одной причине – нежелания и неумения многих (к счастью, не всех) судей работать с представителями народа. В самом

институте присяжных нет ничего плохого, поскольку оценка доказательств – процесс больше психологический, и его результат не зависит ни от вида образования, ни даже от его уровня (иначе не была бы столь низка доля реабилитирующих решений в суде). Очевидно, что здесь не обходится без элементов профессиональной деформации: профессиональные судьи нередко принимают решения в рамках сложившейся парадигмы, где внутреннее убеждение, в лучшем случае, – основание для последующих угрызений совести. Разделяя народ и профессионального судью, институт присяжных провел демаркационную линию между ними, отстранив простых представителей народа от решения вопросов, особо требующих понимания реальной жизни и народных представлений о справедливости – вопросов назначения наказания.

Неполноценно «заместив» народных заседателей, институт присяжных заседателей, по примеру США, остался единичным явлением (несколько сотен уголовных дел в год), что, собственно, можно было и предвидеть заранее [17].

На сегодняшний день предпринята попытка усилить влияние народа на уголовное судопроизводство в стране за счет введения присяжных заседателей в состав суда, рассматривающего уголовные дела в судах районного уровня. Стремление заслуживает положительной оценки. Однако пока нельзя сделать вывод о том, что попытка увенчалась успехом. За 6 месяцев действия изменений в УПК РФ, предусматривающих такую возможность, районные суды даже такого мегаполиса, как Москва, поступило для рассмотрения с участием присяжных всего 20 уголовных дел [18]. «Гора родила мышь», – констатирует факт Л. В. Головкин [19].

Кардинально народное представительство при осуществлении правосудия не возрастет, а между тем граждане РФ имеют право участвовать в отправлении правосудия (ч. 5 ст. 32 Конституции РФ). Право есть, а реальная возможность практически отсутствует и зависит от жребия.

Граждане, участвующие в принятии процессуальных решений о виновности или невиновности, может быть иных процессуальных решений, – важная гарантия доверия

населения к уголовному процессу, обеспечения его публичности.

Следовало бы серьезно ограничить возможность принятия единоличных решений в ходе осуществления правосудия, которое, как известно, осуществляется и на судебных, и на досудебных стадиях уголовного судопроизводства (п. 50 ст. 5 УПК РФ). Единоличные судебные решения всегда сомнительны. В период огульного отрицания истины как цели уголовно-процессуального доказывания, в том числе ввиду неверия в общественную практику как критерий ее достижения, некоторые видные специалисты предлагали реанимировать взгляд на критерий правильного установления обстоятельств по уголовному делу как на внутреннее убеждение [20, с. 154], а автор этих строк даже предлагал считать таким критерием, наряду с общественной практикой, совпадающее внутреннее убеждение ряда правоприменителей (в том числе судей, рассматривающих уголовное дело) [21, с. 89]. Признавая ошибочность занимаемой ранее позиции и считая, что единственным критерием истины была, есть и будет общественная практика, автору трудно отрицать коллективно выработанное мнение серьезной гарантией обоснованности решения.

Интересное, хотя и тенденциозное свидетельство о роли коллективного решения даже в суровое послереволюционное время приводит Владислав Ходасевич, описывая свою работу в качестве секретаря третейского суда при комиссариате труда Московской области. По каждому делу избирался суд из трех членов: один – рабочими, другой – от предпринимателей, третий – двумя последними из числа уполномоченных комиссариатом. «Рабочие суда не уважали, считая, что он должен быть их слугой. Грозил: мы вас поставили, мы вас и скинем. Не будучи уверены в своем авторитете, арбитры старались не решать дел перевесом своего голоса, а добивались решения единогласного. Совещания суда превращались в торг между поверенными сторонами». Между тем решения чаще принимались в пользу предпринимателей, хотя Ходасевич и объясняет их некой секретной инструкцией комиссариата, стремящегося сохранить предприятия [22]. Тем не менее даже при этих обстоятельствах ясно, как кристаллизовалось решение в коллективном суде.

Следовало бы подумать и о возрождении прямой воспитательной работы должностных лиц, ведущих уголовный процесс: их выступления перед коллективами при непосредственном контакте с аудиторией, объяснение принятых решений, разъяснение законодательства. Это позволит понять настроение в обществе, содержание той справедливости, которая действительно нужна людям и от которой чиновники правоохранительной системы, пусть не по их вине, объективно оторваны и отгорожены некими корпоративными представлениями, кругом общения, неизбежными проявлениями профессиональной деформации и т. д.

Участие народа в уголовном судопроизводстве возможно и в других формах. Почему бы не вернуться к общественным обвинителям, общественным защитникам, представляющим мнение коллективов о подсудимом? Можно было бы подумать о самостоятельном участнике судопроизводства – лице, которому направлено представление следователя, дознавателя (ст. 158 УПК РФ), частного определение (постановление) суда (ч. 4 ст. 29 УПК РФ) с вовлечением его в гласное судебное разбирательство с отражением факта устранения выявленных нарушений, недостатков; обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, в приговоре, который провозглашается публично и размещается в последующем в информационной системе. Нужно также отражать в приговоре факты честного выполнения гражданами своего общественного долга и доводить такие факты до широкой общественности не только через средства массовой информации, но и посредством важнейшего процессуального акта – приговора, тем самым обеспечивая воспитательную направленность уголовного судопроизводства и его связь с народом.

Стоит задаться вопросом: не поторопился ли законодатель, резко ограничив случаи участия понятых при производстве следственных действий? Дело здесь не только в том, что понятые – гарантия допустимости и иногда достоверности их результата. Важнее другое: понятые – форма участия народа в уголовном судопроизводстве. Такое участие связывает население и деятельность чиновников, осуществляющих деятельность, от которой зависят судьбы. Понятые нужны не

только властным субъектам, но и обществу, которое через их участие проникается более глубоким доверием к уголовному процессу.

2. Народ должен напрямую участвовать в формировании корпуса должностных лиц, уполномоченных осуществлять уголовно-процессуальную деятельность.

Уголовное судопроизводство – деятельность не просто чиновничья, оно требует людей способных и призванных. Ею определяются судьбы не только участников уголовного судопроизводства, обвиняемого (подозреваемого), потерпевшего, но и их близких. Такого рода деятельность нуждается в вере в нее, основанной не на слепом поклонении должностным лицам, ее осуществляющим, как неким недоступным божествам, а на вере, осмысленной, основанной на понятности, прозрачности и справедливости. Для этого народ должен ощутить, что правосудие осуществляется им самим как источником власти.

История правосудия почти всех стран включает периоды его отправления самим народом в разного рода коллективных форматах (вече, сходы и т. д.). Постепенно функция правосудия переходила к отдельным народным представителям и в конечном счете от народа оказалась практически оторванной, поскольку формирование корпуса судей, равно как и других должностных лиц, ответственных за осуществление уголовного судопроизводства, осуществляется без учета прямого мнения населения. Между тем судебная власть – самостоятельная ветвь власти, и народ как единственный источник власти не может не иметь прямого отношения к назначению на должность тех, в чьих руках может оказаться судьба его самого, его родных, близких.

А. Д. Бойков пишет: «В прежние времена судьи избирались народом. Избираемого судью знало население района, и он обязан был о своей деятельности отчитываться перед избирателями. И народные заседатели, избравшиеся трудовыми коллективами, отчитывались перед ними. Теперь этого нет. Таким образом, одна из важнейших целей судебной реформы, связанная с демократизацией правосудия, обеспечением его «прозрачности» и приближением к населению, не достигнута. Более того, реформа шла в обратном направлении» [23, с. 261; 24, с. 105]. С ним трудно

не согласиться, хотя судебная реформа под демократизацией судопроизводства, судя по всему, и не связывалась с широким участием общественности в отправлении правосудия.

Формы участия общественности в уголовном процессе могут быть различными: предварительное голосование за кандидатов на этапе их отбора; выборы из представленных ранее отобранных кандидатур и т. д. Возможно, для таких решений потребуется корректировка Конституции РФ. Точечное ее совершенствование допускает и Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин [14].

Угрозы независимости суда (иных должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство [25, с. 187–199]) такое участие народа в формировании корпуса правоприменителей не создаст, поскольку ни один чиновник в стране не может быть независим от народа. Ответственность перед народом, понимание того, что власть у чиновника от народа – действенное средство, обеспечивающее справедливость принимаемых решений и совершаемых действий. Независимость от народа лишает чиновника ощущения груза постоянной ответственности, без чего трудно подавить человеческие слабости и гораздо легче заглушить голос совести. Оторванность от народа должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, влечет присваивание ими права на толкование справедливости, а это право может принадлежать только людям, составляющим многонациональный народ России.

3. Контроль общества за деятельностью органов уголовного судопроизводства должен быть постоянным и сопряженным с возможностью реагирования при неудовлетворенности работой должностных лиц от уголовного процесса. В науке зреет правильная мысль, согласно которой одной из серьезнейших проблем режима законности является «отчуждение населения от государственной власти и издаваемых ею законов», в связи с чем механизм законности должен обязательно включать в себя и механизм контроля за действиями государства и его ответственности [26, с. 121–124].

В литературе справедливо отмечают, что формами общественного контроля в настоящее время являются: участие представите-

лей народа в судебных заседаниях в качестве присяжных и арбитражных заседателей, в работе квалификационных коллегий судей (предлагается исключить требование высшего юридического образования, и такое предложение заслуживает всемерной поддержки), доступ к информации о деятельности государственных органов; участие граждан в охране общественного порядка; независимая антикоррупционная экспертиза [27, с. 146].

Перечисленные формы явно недостаточны, особенно для уголовного судопроизводства. Должны быть продуманы и внедрены варианты влияния населения на продолжение карьеры чиновника, осуществляющего уголовно-процессуальную деятельность, для чего необходима его отчетность перед обществом, как это предусмотрено, например, Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» для некоторых категорий должностных лиц из числа сотрудников полиции.

К чувству ответственности, совести судей могла бы взывать практика прямых открытых трансляций судебных заседаний и провозглашения приговоров, а не только размещение их в соответствующей информационной системе после вступления в законную силу. Народ должен понимать, как, почему и кем изменен постановленный приговор, поэтому можно спорить с положительной оценкой некоторыми авторами правил о доведении до общественности только вступившего в законную силу приговора [28, с. 48].

4. Уголовно-процессуальный закон должен быть написан таким образом, чтобы люди, которым довелось знакомиться с его текстом в связи с необходимостью защитить свои права, не испытывали отторжения, понимали смысл закона и предусмотренные им процедуры.

Уголовно-процессуальный закон должен быть написан для народа, не для юристов. Он не должен превратиться в еще одно средство, разделяющее народ и власть, решающую судьбу человека в уголовном процессе. Западная практика путаных законов – не что иное как оправдание существования многочисленных и дорогостоящих юристов. В России уголовно-процессуальный закон должен пониматься народом без посредничества юристов. При необходимости человек должен иметь возможность самостоятельно действовать в

соответствии с установленными законом правилами.

Дух уголовно-процессуального права отражается в принципах уголовного судопроизводства, которые необходимо изложить простыми и доступными для каждого россиянина формулировками или даже просто – словами: справедливость, истина, человеколюбие, милосердие, раскаяние, честность, совесть, правда, долг, служение, ответственность за человека [29].

О. Л. Васильев предлагает так: запрет на волокиту, недопустимость нарушения закона, отказ от внесудебной расправы, объективность судей, человеколюбие, экстраординарность ограничения свободы личности и вторжения в личную жизнь, гарантии права на защиту, обязательность реагирования на преступление, справедливость (ст. 73) [30, с. 112]. Прежде всего такая форма концентрации «духа закона» не может положительно не сказаться на лучших нравственных качествах как властных субъектах судопроизводства, так и тех, кто знакомится с текстом УПК РФ, изучает его или использует для защиты своих прав и законных интересов.

Каждый житель страны должен быть уверен, что даже без дорогостоящих услуг юристов он сможет защитить свои жизненно важные ценности в соответствии с законом. В этой связи важно по максимуму упростить способы защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. В ст. 9 Директивы Европейского Союза «О доступе адвоката в уголовном процессе» одним из условий отказа от права на адвоката предусмотрено разъяснение подозреваемому или обвиняемому права на юридическую помощь в письменной или устной форме на простом и понятном ему языке. Это абсолютно верно. Гораздо лучше, если этот простой и понятный язык будет использоваться в тексте закона изначально. Верно, что «закон, который могут понимать только профессионалы, не вызывает доверия у граждан» [31, с. 27; 32, с. 101].

Уголовное судопроизводство должно стать общим делом российского народа, основанным на солидарности должностных лиц, ответственных за применение УПК РФ, и общества. Иначе уголовному судопроизводству эффективным не стать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов А. В. Почему России нужен новый Уголовно-процессуальный кодекс? // Уголовный процесс. 2015. № 9.
2. Боруленков Ю. П. Следственный судья как «слабое звено» уголовно-процессуального доказывания // Научный журнал. 2015. № 3 (20).
3. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / А. С. Александров [и др.]. М.: Юрлитинформ, 2015.
4. Воскобитова Л. А. Проблемы понимания назначения целей и задач современного уголовного судопроизводства // Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального и уголовного законодательства в процессе расследования преступлений (к 90-летию со дня рождения профессора И. М. Гуткина): материалы межвузовской научно-практической конференции: в 2-х ч. Ч. 1. М.: Академия управления МВД России, 2009.
5. Гаврилов Б. Я. Доктрина совершенствования досудебного производства в XXI веке: видение ученого и практика // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: материалы Международной научно-практической конференции «Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования» / А. В. Гришин [и др.]. Орел: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2018.
6. Доклад Генерального прокурора РФ Ю. Я. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания РФ. URL: <https://www.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1366820> (дата обращения: 15.05.2018).
7. Выступление Президента РФ В. В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России 28 февраля 2018 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56949> (дата обращения: 12.02.2018).
8. Выступление Президента РФ В. В. Путина на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 15 февраля 2018 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56863> (дата обращения: 15.05.2018).

9. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ за 2017 год. URL: <http://ombudsmanrf.org> (дата обращения: 31.12.2017).
10. Четверикова А. Макарошки по-русски // Российская газета. 2018. 21 декабря.
11. Александров А. И. Оперативно-розыскная деятельность и нравственные начала // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2.
12. Майоров В. И., Дунаева О. Н. Современные концепции взаимодействия полиции и общества как средства противодействия преступности: опыт зарубежных стран и России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 1 (39).
13. Замылин Е. И. Теоретические основы, организационно-правовые и тактико-психологические проблемы обеспечения безопасности лиц, подлежащих государственной защите. Волгоград: ВА МВД России, 2012.
14. Зорькин В. Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 10 октября.
15. Симонова С. А. К вопросу о нравственном аспекте государственного управления: этико-философская ретроспектива // Труды Академии МВД России 2018. № 2 (46).
16. О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 24 ноября 1991 г. № 1801 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.
17. Кокорев Л. Д. Теория концепции и практика законов // Юридический вестник. 1992. № 18.
18. Председатель Мосгорсуда: каждый второй вердикт присяжных в райсудах – оправдательный. URL: <http://interfax.ru> (дата обращения: 31.12.2018).
19. «Это тупик, заложенный в законе». URL: <http://medusa.io/feature/201812/28/> (дата обращения: 30.12.2018).
20. Доказывание в уголовном судопроизводстве: традиции и современность / под ред. В. А. Власихина. М., 2000.
21. Победкин А. В. Уголовно-процессуальное доказывание. М.: Юрлитинформ, 2009.
22. Ходасевич В. Законодатель. URL: <http://rulibs.com> (дата обращения: 31.12.2018).
23. Бойков А. Д. К вопросу о гласности правосудия // Уголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. Н. А. Колоколова. М., 2011.
24. Агутин А. В. Трошкин Е. З., Панышин В. И. Организационно-правовой механизм обеспечения национальной безопасности ресурсами уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2014.
25. Томин В. Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики М.: Юрайт, 2000.
26. Честнов И. Л. Законность в социолого-правовом измерении // Вестник Академии Генеральной прокуратуры России. 2018. № 2.
27. Тепляшин И. В., Новиков Д. О. Общественный контроль как форма правоохранительной деятельности // Юрист-Правовед. 2017. № 3 (82).
28. Брусницын Л. В. Оглашение мотивировочной части приговора – необходимость, традиция или юридический архаизм // Российская юстиция. 2014. № 2.
29. Алферов Ж. И все-таки, почему социализм? // Российская газета. 2018. 3 октября.
30. Васильев О. Л. Нравственные начала уголовного процесса // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 1.
31. Хаванский Н. А. Нужен Закон о нормативных актах // Российская юстиция. 1996. № 6.
32. Бобракова И. С. Терминология уголовно-процессуального права как элемент оптимального правотворчества // Юридическая техника. 2012. № 6.

© Победкин А. В.

УДК 343.137.2(470+574)

А. А. ПРОКОПОВА, адъюнкт Академии управления МВД России (г. Москва)

A. A. PROKOPOVA, adjunct of the Academy of Management of the Interior Ministry of Russia (Moscow)

**ПРОТОКОЛЬНАЯ ФОРМА ДОСУДЕБНОЙ ПОДГОТОВКИ МАТЕРИАЛОВ
КАК ВОЗМОЖНАЯ МОДЕЛЬ УСКОРЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
(С УЧЕТОМ ОПЫТА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)**

**THE PROTOCOL FORM OF THE PRE-TRIAL PREPARATION OF MATERIALS
AS A POSSIBLE MODEL OF ACCELERATED PRODUCTION
(TAKING INTO ACCOUNT EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN)**

***Аннотация.** В статье рассматривается вопрос о создании новой формы ускоренного досудебного производства в уголовном судопроизводстве России с учетом советского опыта протокольной формы досудебной подготовки материалов по уголовным делам, о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности. При формировании предложений автор статьи обращался к опыту применения ускоренных производств в уголовном процессе Республики Казахстан, среди которых и протокольное производство. Делается вывод, что новая форма досудебного ускоренного производства может стать альтернативой неоправдавшему надежд законодателя дознанию в сокращенной форме.*

***Ключевые слова и словосочетания:** ускоренные производства, упрощенные производства, протокольная форма, досудебная подготовка материалов, протокольное производство, дифференциация уголовно-процессуальной формы.*

***Annotation.** The article discusses the issue of creating a new form of accelerated pre-trial proceedings in criminal proceedings in Russia, taking into account the Soviet experience of the protocol form of pre-trial preparation of materials on criminal cases that do not pose a great public danger. When forming the proposals, the author of the article turned to the experience of using accelerated proceedings in the criminal process of the Republic of Kazakhstan, including protocol proceedings. It is concluded that the new form of accelerated pre-trial proceedings can be an alternative to the inquiry that does not justify the hopes of the legislator in a shortened form of inquiry.*

***Keywords and phrases:** accelerated proceedings, simplified proceedings, protocol form, pre-trial preparation of materials, protocol proceedings, differentiation of the criminal procedure form.*

Перманентное ускорение, упрощение и удешевление процедур уголовного судопроизводства, включая досудебное производство, стали реалиями современного времени, его тенденцией. Криминальная и экономическая обстановка в странах на постсоветском пространстве диктует необходимость принятия мер по оптимизации всех государственных процессов, включая и уголовное судопроизводство, средством повышения эффективности которого нередко рассматривается введение упрощенных (ускоренных) производств [1, с. 64]. Активно внедряемые в законодательство они не могут не сказаться на качестве уголовно-про-

цессуальной формы, которая при условии ее разумности, сбалансированности выступает залогом надежной защиты прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве и обеспечивает правильное установление обстоятельств по уголовному делу [2, с. 121].

Не будем отрицать, что современное досудебное уголовное судопроизводство является достаточно затратным и при этом, к сожалению, не всегда обеспечивающим эффективное решение задачи защиты общества от преступности, которая является определяющей для такой сферы государственной деятельности, как уголовный процесс [3, с. 13]. Конечно, уголовный процесс

не должен быть обязательно дешевым. Серьезная и кропотливая работа решения человеческих судеб в зависимости от результатов процессуальной деятельности не может не требовать существенных затрат. Однако данные затраты должны быть оправданы. При наличии эффективного альтернативного, не менее надежного, но более дешевого пути, именно таковому следует отдавать приоритет. Подчеркнем, что выбор более дешевого альтернативного пути возможен, только если он позволяет правильно устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию, и гарантировать человеку, вовлеченному в процесс уголовного судопроизводства, защиту его прав и законных интересов. Слишком велик соблазн «упрощенчества», в том числе за счет гарантий, «купленных» ценой многовековых страданий [4, с. 63].

Безусловно, разумная дифференциация не является синонимом «упрощенчества». Более того, она необходима, если при этом обеспечивается соблюдение прав человека, принципов уголовного процесса и достигается цель уголовного судопроизводства [5, с. 64]. Упрощение за счет ликвидации процессуальных гарантий – «тупиковый вектор», который губительно отражается на процессуальной форме, результатах производства, судьбах людей и, в конечном итоге, национальной безопасности [6, с. 221].

В настоящее время тенденция на упрощение приобретает экстенсивный характер. Нередко законодателю проще ввести новый институт, чем совершенствовать уже действующие, положения которых явились дефектными и не оправдали ожиданий.

Так, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) существует ускоренная форма расследования – дознание в сокращенной форме. Научное сообщество и правоприменители отмечают среди его недостатков: неспособность надлежащим образом облегчить и оптимизировать процесс производства по уголовным делам, снизить затраты на уголовное судопроизводство, облегчить доступ граждан к правосудию, обеспечить разумные сроки уголовного судопроизводства, приблизить момент наказания к моменту совершения преступления [7–15]. Статистика убедительно свидетельствует, что дознание в сокращенной форме так и не стало распространен-

ной формой производства. Так, в 2018 г. по указанной форме дознавателями было рассмотрено 92,5 тыс. уголовных дел, это всего 25,8 % от общего количества направленных в суд уголовных дел [16].

Логичным было бы устранение выявленных недостатков указанного производства, однако умы теоретиков и практиков уголовного процесса заняты созданием новой модели ускоренного производства. Надежды возлагаются теперь на протокольное производство, которое будет «действительно» сокращенным по срокам расследования и объему следственных действий [17, с. 122; 18].

Известно, что новое – забытое старое. Опыт протокольной формы досудебной подготовки материалов на постсоветском пространстве хорошо известен. Стоит ли возвращаться к форме, которая, судя по истории развития уголовного процесса, не прошла проверку временем? Отпали ли сегодня основания отказа от протокольной формы, на которые законодатель опирался в 2001 г.? Будет ли протокольная форма досудебной подготовки материалов эффективна теперь либо в приоритетном порядке стоит скорректировать законодательные нормы, регламентирующие сокращенное дознание, с учетом уже выявленных недостатков?

Ответ на этот вопрос затруднительно дать, опираясь только на советский опыт протокольной формы досудебной подготовки материалов. Анализу должен быть подвергнут и современный опыт стран, которые возродили аналоги данного производства и используют их в течение периода, достаточного для оценки его эффективности. В числе этих стран – Республика Казахстан.

Итак, обратимся к истории. 26 июля 1966 года Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении ответственности за хулиганство» в Советском Союзе было предусмотрено протокольное производство по делам о простом хулиганстве [19]. Соответственно, данная форма была введена во всех союзных республиках. Так, Указом Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 26 сентября 1966 г. УПК Казахской ССР был дополнен разделом 10 (глава 35) «Производство по делам о хулиганстве» [20]. В дальнейшем указанное производство распространилась (1985 г.) на 15 статей УК и 19 составов (мелкое хулиганство, уклоне-

ние от уплаты алиментов и т. д.) и стало именоваться «Протокольная форма досудебной подготовки материалов». Всего данное производство распространилось примерно до 40 составов преступлений, не представлявших повышенной общественной опасности и совершенных в большинстве своем в условиях очевидности [21, с. 97].

За все время существования протокольной формы и после ее ликвидации велась серьезная научная полемика. Противники протокольного производства сетовали на реакционность его положений, которые чреватые существенными нарушениями законности и злоупотреблениями со стороны органов уголовного преследования [22–24; 25, с. 84; 26–27]. Однако за время действия протокольной формы подготовки материалов большинство из высказанных предположений не подтвердились. По крайней мере, объективных данных несостоятельности этой формы судопроизводства приведено не было.

Основной задачей протокольной формы досудебной подготовки материалов (ст.ст. 414–419 УПК РСФСР 1960 г.) являлось максимальное приближение момента назначения наказания к моменту совершения преступления, а с позиции сегодняшнего дня – это и обеспечение права потерпевшего на скорейший доступ к правосудию и возмещению причиненного вреда [28, с. 14]. Протокольную форму сравнивали с некоторыми упрощенными формами производств зарубежных стран, в частности, с суммарным (упрощенным) производством по делам о преступлениях в США, не представляющих существенной опасности.

Досудебный этап производства осуществлялся органами дознания, которые в течение 10 суток должны были устанавливать обстоятельства совершенного правонарушения, личность виновного, получать от него объяснения, опросить очевидцев, истребовать справку о наличии или отсутствии судимости у правонарушителя, характеристику с места его работы, учебы, жительства и другие материалы, имеющие значение для последующего рассмотрения дела в суде [29–31]. От правонарушителя отбиралось обязательство являться по вызовам органа дознания, прокурора и суда и сообщать им об изменении места жительства (ст.ст. 89

и 415 УПК РСФСР 1960 г.) либо он мог быть подвергнут приводу. В рамках производства из числа следственных действий был возможен только осмотр места происшествия. Статусом (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля) участники не разделялись, мера пресечения не избиралась. Итоговым документом расследования являлся протокол, в котором отражались все обстоятельства совершенного правонарушения и выводы лица, осуществляющего производство. По завершению производства его материалы, а также протокол изучались начальником органа дознания, который принимал решение о направлении материалов в суд. Если решение было положительным, то материалы расследования предоставлялись для ознакомления правонарушителю, в ходе изучения он мог заявлять ходатайства, которые рассматривались начальником органа дознания.

В дальнейшем протокол с материалами направлялся прокурору, который решал его дальнейшую судьбу (направлял в суд; возбуждал уголовное дело по признакам преступления, расследуемым в форме следствия или дознания; прекращал производство; направлял материалы на доработку). В суде протокол с материалами рассматривался в общем порядке (без каких-либо сокращений), что являлось важной гарантией проверки обоснованности решения принятого в досудебном производстве.

Протокольная форма досудебной подготовки материалов была качественно новой формой досудебного производства. Собранные материалы направлялись в кратчайшие сроки в суд. Особенности, существенно отличающими протокольную форму досудебной подготовки материалов от существующих форм досудебного расследования (предварительное следствие и дознание), являлись:

- четко определенный перечень составов преступлений, по которым распространяется протокольная форма досудебной подготовки материалов;
- запрет на производство следственных действий, за исключением осмотра места происшествия;
- особый статус лица, привлекаемого к уголовной ответственности, – правонарушитель, имеющий определенные права и

обязанности, отличные от тех, которые распространяются на подозреваемого;

- возможность производства только в отношении установленного лица, личность и местонахождение которого известно;

- иная форма и сущность принимаемых в производстве решений, отличающиеся от уголовных дел, расследуемых в общем порядке;

- возбуждение уголовного дела судьей по итогам оценки материалов собранных органом дознания (в последующем наделение данными полномочиями руководителя органа дознания);

- сведение к минимуму возможности применения мер процессуального принуждения;

- сжатый срок расследования [32, с. 7–11].

Таким образом, протокольное производство принципиально отличалось от расследования, во-первых, короткими сроками; во-вторых, непринудительным характером, что является разумным и логичным следствием некоторого ограничения содержания процессуального статуса правонарушителя по сравнению с подозреваемым. Важно и то, что судебное разбирательство в тот период не предполагало никаких изъятий из общего порядка и средств установления истины. Заметим, что дознание в сокращенной форме сегодня влечет за собой и сокращенное судебное разбирательство (ст. 226.9 УПК РФ), что лишь усугубляет недостатки такой формы дознания.

Одним из оснований, по которым законодатель отказался от протокольной формы досудебной подготовки материалов, надо полагать, стало постановление Конституционного Суда РФ, которым были признаны неконституционными положения ст. 428 УПК РСФСР в части наделения судей правом возбуждения либо отказа в возбуждении уголовных дел по материалам, подготовленным в протокольной форме, а также формулирования в постановлении о возбуждении дела формулировки обвинения [33].

Однако проблема с возбуждением судом уголовного дела не могла иметь решающее значение при отказе от протокольной формы досудебной подготовки материалов и могла быть решена по аналогии с порядком возбуждения уголовных дел частного обвинения судом, конституционность которого

была в последующем подтверждена Конституционным Судом РФ в постановлении от 27 июня 2005 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска» [34].

Однако привычный механизм данного производства и практика его применения остановились. Позднее Федеральным законом от 15 ноября 1997 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в УПК РСФСР» были внесены коррективы, которые наделили начальника органа дознания полномочиями по принятию итоговых решений производства. Несмотря на это, свои позиции протокольная форма досудебной подготовки материалов занять так и не смогла [35, с. 209–210]. В УПК РФ протокольная форма досудебной подготовки материалов не вошла. Надо полагать, что не только по причине правовой позиции Конституционного Суда, которую в целом удалось учесть в последней редакции УПК РСФСР 1960 г. Законодатель, судя по всему, полагал, что протокольную форму досудебной подготовки материалов должно заменить дознание, которое первоначально должно было проводиться в крайне сжатые сроки без возможности их продления, однако с более развитым статусом лица, привлекаемого к уголовной ответственности, чем при протокольной форме досудебной подготовки материалов.

В Республике Казахстан протокольную форму постигла такая же участь, ее исключили из положений нового УПК независимой республики (далее – УПК РК 1997 г.). Основной идеей УПК РК 1997 г. являлась приоритетность защиты прав человека, и с учетом этого рассматриваемое производство не вписывалось в новую концепцию. В УПК РК 1997 г. существовало две формы расследования: предварительное следствие и дознание. Однако правоприменительная практика нуждалась в более упрощенных формах расследования по преступлениям небольшой общественной опасности. Так, 12 января 2010 г. в УПК РК 1997 г. появи-

лось упрощенное досудебное производство (далее – УДП) в рамках стадии возбуждения уголовного дела [36, с. 34], применяемое по делам о преступлениях небольшой, средней тяжести и тяжким преступлениям, в случаях, если собранными доказательствами установлены факт преступления и совершившее его лицо, которое признает свою вину, не оспаривает доказательства, характер и размер причиненного вреда (глава 23-1 УПК РК 1997 г.) [37].

УДП явно напоминало протокольную форму досудебной подготовки материалов, кардинально отличалась от действующих досудебных производств и имело значительные упрощения. В частности, сходство с протокольной формой досудебной подготовки материалов советского периода состояло в следующем:

- отсутствие всех стадий досудебного производства, включая возбуждение уголовного дела, предъявление обвинения и составление обвинительного заключения;

- запрет на применение производства по делам в отношении несовершеннолетних и лиц, которые в силу физических или психических недостатков не могут сами осуществлять свое право на защиту;

- срок производства (10 дней);

- начало производства только в отношении установленного лица, признающего свою вину;

- возможность получения от виновного лица обязательства о явке;

- специальные участники производства (заявитель, очевидцы и лицо, совершившее преступление);

- протокол, объединяющий в себе постановление о возбуждении уголовного дела, постановление о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительный акт, в котором указывались квалификация и обстоятельства совершения преступления; лицо его совершившее; доказательства, подтверждающие виновность лица; факт признания им своей вины и согласия с размером вреда, причиненного преступлением.

Значимым отличием являлось более расширенное количество следственных и процессуальных действий, которые можно было проводить в рамках УДП, а именно: осмотр, выемка, экспертизы, опросы, получение актов проверок, ревизий, экспертиз,

аудиторских заключений, справок о судимости, характеристик, стенограмм, материалов аудио- и видеозаписи. Еще одним отличием являлось то, что УДП могло применяться как по делам, расследуемым в форме дознания, так и по тем, по которым предусматривалось предварительное следствие.

УДП получило широкое распространение – упрощенная процедура расследования, возможность сократить срок и размер наказания было удобно обеим сторонам судопроизводства. За 5 лет (2010–2014 гг.) в рамках УДП было расследовано более 90 000 преступлений, из них 3 680 тяжких, при этом не было зафиксировано нарушения конституционных прав граждан. Заметим, что возможности применения процессуального принуждения в ходе УДП существенно расширились по сравнению с советской протокольной формой.

Судебное разбирательство уголовных дел, оконченных в УДП, проходило в сокращенном порядке (ст. 363 УПК РК), состоящем из допросов подсудимого и потерпевшего, судебного прения и завершения рассмотрения дела. На наш взгляд, такое решение законодателя лишало данное производство одной из существенных гарантий законности и обоснованности.

Понятно, что оппонентов данной формы расследования не устраивал почти внепроцессуальный характер данного производства. Действительно, процессуальный статус участников производства не предусматривался (обвиняемый приобретал свой статус только в момент ознакомления и подписания им протокола УДП, заявитель вовсе не признавался потерпевшим), избрание меры пресечения исключалось, вопросы гражданского иска и признания предметов вещественными доказательствами не решались. Указанные недостатки повлияли на переработку положений, регламентирующих УДП. Принятие в 2014 г. новой редакции УПК РК (далее – УПК РК 2014 г.) привело к исключению стадии возбуждения уголовного дела, УДП больше не нашлось места в досудебном производстве, и оно стало неактуальным.

УПК РК 2014 г. ввел протокольное производство (глава 55 УПК РК), применяемое для расследования уголовных проступков, которых в УК насчитывается 156 составов.

Под уголовным проступком понимается совершенное виновно деяние (действие либо бездействие), не представляющее большой общественной опасности, причинившее незначительный вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, организации, обществу или государству, за совершение которого предусмотрено наказание в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ареста, выдворения за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства (ст. 10 УК РК).

Протокольное производство согласно УПК РК 2014 г. является полноценным досудебным производством в рамках уголовного дела, заключающимся в немедленном составлении протокола об уголовном проступке. В протоколе должны быть отражены обстоятельства совершенного проступка и его признаки, фактические данные, подтверждающие наличие уголовного проступка и виновность правонарушителя, сведения о потерпевшем и причиненном ему ущербе.

При отсутствии лица, совершившего проступок на момент начала производства, протокол может быть составлен с момента фактического установления лица в пределах срока давности привлечения к ответственности (ст. 526 УПК РК). Срок составления протокола может продлеваться при необходимости выяснения обстоятельств уголовного проступка, данных о совершившем его лице, его месте нахождения на срок до 3-х суток либо в случае назначения экспертизы на сутки с момента получения соответствующего заключения.

При сравнении данного производства с протокольной формой досудебной подготовки материалов (1966 г.) можно выделить ряд значимых различий:

- орган дознания не ограничен в производстве следственных и процессуальных действий, которые фиксируют следы уголовного правонарушения и иные доказательства вины подозреваемого лица, и вправе ограничиться данным объемом сведений, если они не оспариваются участниками производства;
- не выделяются специальные участники производства, при расследовании в данной форме участвуют потерпевший, подозреваемый, свидетели, они наделяются процессуальным статусом, сопутствующими правами и обязанностями;

- производство может быть начато в отношении неустановленного лица;

- при назначении по делу, рассматриваемому в протокольном производстве дознания, оно должно быть окончено протоколом;

- при необходимости подозреваемый может быть подвергнут задержанию (ч. 1 ст. 128 УПК РК 2014 г.);

- дифференцированные сроки производства (незамедлительно, трое суток, сутки с момента получения заключения экспертизы, в пределах сроков давности уголовного проступка).

Сходство заключается в том, что от подозреваемого может быть отобрано обязательство о явке (ч. 3 ст. 527 УПК РК 2014 г.), а протокол утверждается начальником органа дознания и направляется в суд либо дело направляется на дополнительное расследование в форме дознания.

Правонарушитель в кратчайшие сроки предстает перед судом: как правило, не позднее четырех суток с момента совершения проступка либо в течение 36 часов с момента фактического задержания в случае применения уголовно-процессуального задержания (вместо строгих мер пресечения). Суд рассматривает дело в упрощенной форме в течение 15 суток с продлением при необходимости срока до месяца, а при задержании – в день поступления дела в суд [36].

Протокольное производство Республики Казахстан с советским (1966 г.) роднит лишь название. Немного общего и с УДП. Производство почти полностью повторяет досудебные производства (комплекс следственных действий, классический порядок доказывания, участники, меры принуждения), особенностью производства является сокращенный срок расследования и итоговый документ (протокол). Аргументы некой «непроцессуальности» к протокольному производству в Республике Казахстан теперь неприменимы. Это полноправное процессуальное производство с элементами ускорения, которое гораздо ближе к расследованию, чем к досудебной подготовке материалов в протокольной форме. Однако по ряду важных характеристик протокольное производство проигрывает расследованию.

Во-первых, размытая (неопределенная) формулировка, определяющая предмет и пределы доказывания в данном произ-

водстве, заставляет проводить практически полный спектр следственных мероприятий, чтобы не нарушать принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела (ст. 24 УПК РК 2014 г.).

Во-вторых, наличие полноправных участников производства требует проведения ряда процессуальных мероприятий (признание потерпевшим, гражданским истцом, разъяснение прав, составление гражданского иска, ознакомление с экспертизами, квалификация деяния, признание подозреваемым, составление обвинительного акта и т. д.), обычных для расследования.

В-третьих, указанная необходимость производства комплекса следственных и процессуальных действий в ходе протокольного производства напрямую влияет на оперативность расследования, которая не укладывается в отведенные сроки. Настораживает и то, что судебное разбирательство дел, досудебное производство по которым велось в протокольной форме, носит сокращенный характер, описание которого укладывается в одну законодательную норму (п. 2 ст. 529 УПК РК).

Указанные сложности создают большие проблемы в практике применения протокольной формы в Казахстане, нивелируют заложенные в его основу идеи об ускорении расследования. Проблемы в законодательной регламентации производства влияют на качество расследования. Значительное количество уголовных дел направляется на дополнительное расследование из судов, что создает еще большую нагрузку на сотрудников органов уголовного преследования. Протокольное производство в настоящем варианте не оправдывает возложенные на него надежды.

Потеряв существенные характеристики классической протокольной формы досудебной подготовки материалов, протокольное производство в Республике Казахстан вплотную приблизилось к расследованию, однако уступает ему в надежности процессуальных гарантий. В чем смысл такого производства?

В Российской Федерации перспектива возрождения протокольной формы досудебной подготовки материалов весьма реальна. Предполагается, что оно будет распространяться на преступления, расследование по которым возможно в форме дознания,

если очевидна причастность к преступлению лица, его совершившего, имеются поводы для возбуждения уголовного дела и отсутствуют обстоятельства, исключающие применение данного производства (законопроект разрабатывается МВД России).

Как и в протокольной форме досудебной подготовки материалов советского периода новое производство должно занять место на этапе до возбуждения уголовного дела и осуществляться в течение десяти суток. Участники также могут быть подвергнуты приводу или от них отбирается обязательство о явке.

Отличия заключаются в том, что расширяется круг следственных действий, допустимых в ходе производства (возможны все следственные действия, разрешенные законодателем в ходе проверки сообщения о преступлении). Производство завершается после получения сведений, достаточных для обоснованного вывода о событии преступления, ущербе и виновности лица. Выводы расследования, решение о возбуждении уголовного дела, определение статуса участников, привлечение в качестве обвиняемого, признание вещественными доказательствами отражаются в итоговом документе расследования – в обвинительном постановлении, а не в протоколе. В суде уголовные дела, оконченные в сокращенном порядке, будут рассматриваться в общем порядке во избежание следственных и судебных ошибок.

Заметим, что предлагаемый вариант имеет крайне отдаленное сходство с протокольным производством образца 1966 г. Объединяет две формы то, что их производство осуществляется до возбуждения уголовного дела. Однако само производство весьма близко к расследованию (следственные действия, мера принуждения и т. д.). Сравнив протокольную форму досудебной подготовки материалов советского периода с производствами Казахстана и России (как реальными, так и предлагаемыми), содержащими в себе некоторые схожие элементы, приходим к выводу, что ни одно из них не может в полной мере являться ее аналогом.

Это объяснимо. Недостатки протокольной формы досудебной подготовки материалов законодатель пытается компенсировать за счет введения различного рода процессуальных гарантий, которые при-

ближают протокольное производство к расследованию. Таким образом, по своей сути, протокольная форма в настоящее время уже не мыслится как производство без принуждения, следственных действий, системы обеспечения прав участников судопроизводства, т. е. тем, которым оно было по уголовно-процессуальному законодательству советского периода.

В этой связи возврат к ранее существовавшей форме протокольного производства будет неэффективным. Однако вряд ли есть смысл в создании еще одной формы рассле-

дования в надежде, что именно оно позволит обеспечить оптимальность сроков и привлекаемых ресурсов. Создание дублирующих производств – не самый рациональный вариант реформирования.

Эффективнее для России, на наш взгляд, переработать положения, регламентирующие уже действующее дознание в сокращенной форме с учетом выявленных недостатков, в том числе путем введения отдельных идей, выработанных применительно к протокольному производству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прокопова А. А. Процессуальное соглашение о признании вины в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан: каких целей оно достигает? // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 1 (83).
2. Победкин А. В. Уголовный процесс: состояние вне права: монография. М.: Юрлитинформ, 2013.
3. Гаврилов Б. Я. Протокольная форма досудебного производства – генезис, современное состояние, перспективы развития // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5.
4. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики) // Избранные произведения в 2 т. 2-е изд., доп. М., 1959.
5. Гуляев А. Единый порядок предполагает дифференциацию // Социалистическая законность. 1975. № 3.
6. Григорьев В. Н., Победкин А. В. Тупиковые векторы «свертывания» уголовно-процессуальной формы? (концептуальный подход к проблеме) // Университетский человек: памяти Юрия Васильевича Астафьева / под ред. А. Ю. Астафьева. Воронеж, 2018.
7. Хатуаева В. В., Калинина Л. В. Институт сокращенного дознания как дифференциация формы предварительного расследования // Современное право. 2014. № 8.
8. Сумин А. А. Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса // Адвокат. 2013. № 1.
9. Качалова О. В. Доказывание при сокращенной форме дознания // Уголовный процесс. 2013. № 6.
10. Доля Е. А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Российский судья. 2013. № 6.
11. Смирнов А. В. Дознание в сокращенной форме: еще раз о духе законов // Уголовный процесс. 2013. № 6.
12. Андреева О. И. Проблемы производства дознания в сокращенной форме // Вестник Томского университета. Серия «Право». 2014. № 4 (14).
13. Кувалдина Ю. В. Сокращенное производство: вчера, сегодня, завтра (гл. 32.1 УПК РФ) // Вестник Томского университета. Серия «Право». 2014. № 1 (11).
14. Гирько С. И. Производство по уголовному делу дознания в сокращенной форме: прогнозы и суждения // Российский следователь. 2013. № 21.
15. Боярская А. В. Проблемы юридической конструкции предмета доказывания в рамках сокращенного дознания // Российская юстиция. 2015. № 1.
16. Статистическая отчетность ГИАЦ МВД России за 2018 г. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Upravlenija/Upravlenie_po_organizacii_doznaniya/Publikacii_i_vistuplenija/item/14204096 (дата обращения: 14.05.2019).

17. Гаврилов Б. Я. Досудебное производство по УПК России и Украины: что удалось и к чему стремиться? // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 14 ноября 2013 г.). М., 2013. Ч. 1.
18. Качалова О. В. Ускоренное досудебное производство по уголовным делам: перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4 (89).
19. Ведомости Верховного Совета СССР. М., 1966.
20. Ведомости Верховного Совета Казахской ССР. Алматы, 1966, 1975.
21. Хупсергенов Х. М. Протокольная форма досудебной подготовки материалов по уголовным делам: взгляд в прошлое // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8.
22. Петрухин И. Л. Об упрощенной (протокольной) форме расследования преступлений // Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978.
23. Петрухин И. Л. Право на защиту и проблемы упрощения судопроизводства // Адвокатура и современность. М., 1987.
24. Чуркин А. В. Проблемы совершенствования досудебной подготовки материалов в протокольной форме: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993.
25. Волынская О. В. Ускоренное производство в уголовном процессе: учебное пособие. М., 1994.
26. Якубина Ю. П. Актуальные вопросы совершенствования форм предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010.
27. Кальницкий В., Муравьев К., Воронов Д. Концепция дознания в сокращенной форме: достижения и вопросы совершенствования // Уголовное право. 2013. № 3.
28. Гаврилов Б. Я. Протокольная форма досудебного производства – генезис, современное состояние, перспективы развития // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5.
29. Уголовно-процессуальное право: учебник / под общ. ред. П. А. Лупинской. М., 1997.
30. Уголовный процесс: учебник для вузов / под общ. ред. А. С. Кобликова. М., 1999.
31. Уголовный процесс: учебник / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2001.
32. Якубович Н. А., Михайлова Т. А., Коных Е. И., Протокольная форма в уголовном судопроизводстве: методическое пособие. М.: ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1989.
33. По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края: постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1996 г. № 19-П // СПС «КонсультантПлюс».
34. Лонь С. Л. Протокольная форма досудебной подготовки материалов – перипетии законотворчества и проблемы практики // Вопросы правового регулирования отношений, возникающих в сфере уголовного процесса: сборник статей. Томск: Изд-во «НТЛ», 2003.
35. Ахпанов А. Н. Дифференциация уголовно-процессуальной формы в новой редакции УПК Республики Казахстан. Алматы: Академия МВД РК, 2015.
36. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 13 декабря 1997 г. № 206-І (с изм. и доп. по сост. на 17 ноября 2014 г.) (утр. силу) // СПС «КонсультантПлюс».
37. Кененбаев Е. А. Особенности ускоренного досудебного производства в уголовном процессе Казахстана // Стратегии развития уголовно-процессуального права в XXI в.: материалы V Международной научно-практической конференции. М., 2017.

© Прокопова А. А.

УДК 351.746.08:343.125.2-051(470)

А. В. САВЕНКОВ, начальник Ростовской школы служебно-розыскного собаководства МВД России (г. Ростов-на-Дону)

A. V. SAVENKOV, head of Rostov School of Service-
Investigative Dog Breeding of the Interior Ministry of
Interior of Russia (Rostov-on-Don)

**О НЕТОЧНОСТИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ ФОРМЫ ГУМАНИСТИЧЕСКОГО
СОДЕРЖАНИЯ НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА
«О СЛЕДСТВЕННОМ КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

**ON THE INACCURACY OF THE NORMATIVE-LEGAL FORM
OF THE HUMANISTIC CONTENT OF SOME PROVISIONS OF THE FEDERAL LAW
«ON THE INVESTIGATIVE COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION»**

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы, связанные с реализацией потребности гражданского общества в наполнении деятельности правоохранительных органов гуманистическим содержанием в Федеральном законе «О Следственном комитете Российской Федерации». Обосновывается несовершенство нормы о наделении сотрудников Следственного комитета уголовно-процессуальными полномочиями при осуществлении непроцессуальной деятельности и формулируется предложение исключить эту норму из ст. 7 указанного Федерального закона.

Ключевые слова и словосочетания: следователь, Следственный комитет, процессуальные полномочия, уголовно-процессуальная деятельность, предмет правового регулирования, необходимая оборона.

Annotation. The article deals with issues related to the implementation of the needs of civil society in filling the activities of law enforcement agencies with humanistic content in the Federal Law "On the Investigative Committee of the Russian Federation". The imperfection of the norm on vesting the employees of the Investigative Committee with criminal procedural powers in the implementation of non-procedural activities is substantiated and a proposal is formulated to exclude this provision from Art. 7 of the Federal Law.

Keywords and phrases: investigator, Investigative Committee, procedural powers, criminal procedure, subject of legal regulation, necessary defense.

Российское общество долгие годы формировалось на лозунге «Моя милиция меня бережет». Здесь берут свое начало нормы, в соответствии с которыми сотрудники милиции, полиции, других правоохранительных органов должны принимать меры к пресечению преступлений вне зависимости от того, что они находятся на территории не своего обслуживания, выявленное правонарушение не входит в предмет их компетенции и т. д.

Так, действовавший ранее Устав патрульно-постовой службы 1974 г. предусматривал, что сотрудники принимают меры к пресечению преступлений и других правонарушений как во время несения службы, так и находясь вне службы [1, с. 3]. Такие

нормы несут в себе большой гуманистический заряд. Однако обстановка в российском обществе в целом и в правоохранительной сфере в частности делает подобные нормы не вполне уместными. Действуя подобным образом, в настоящее время есть вероятность быть обвиненным в превышении власти или полномочий. Вместе с тем потребность в подобного рода нормах в условиях менталитета российского общества объективно необходима и рано или поздно, в тех или иных формах будет пробивать себе дорогу.

Своеобразную попытку реализации подобной потребности гражданского общества в наполнении деятельности правоохранительных органов гуманистическим содержа-

нием можно усмотреть в Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О Следственном комитете Российской Федерации» [2], в котором содержатся нормы о пресечении сотрудником Следственного комитета преступлений и преследовании подозреваемых: «сотрудник Следственного комитета при осуществлении процессуальных полномочий, возложенных на него уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, вправе <...> может входить в жилые и иные принадлежащие гражданам помещения, на принадлежащие им земельные участки при пресечении совершения преступления, преследовании лиц, подозреваемых в совершении преступления, либо наличии достаточных данных полагать, что там совершено или совершается преступление» (п. 2 ч. 1 ст. 7).

Разделяя и поддерживая гуманистическое направление данной нормы, заметим, что в представленном в законе виде она не безупречна с точки зрения системных связей. Преследование и задержание подозреваемых – это удел силовых подразделений, для которых такое право специально предусмотрено применительно к сфере их оперативно-разыскной и административно-служебной деятельности [3, с. 72], в частности, для сотрудников полиции (Федеральный закон «О полиции» [4]), военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии (Федеральный закон «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [5]), а также соответствующим законодательством для сотрудников ФСБ России, судебных приставов, сотрудников других силовых подразделений.

Между тем сотрудники Следственного комитета закон наделяет силовыми полномочиями, которые они реализуют при осуществлении процессуальных полномочий. Обратим внимание, что ч. 1 ст. 7 прямо указывает на соответствующие действия сотрудника Следственного комитета, во-первых, при осуществлении процессуальных полномочий; во-вторых, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. На это обстоятельство обоснованно обращалось внимание в юридической литературе [6, с. 326–327].

В этой ситуации возникает вопрос о правовых основаниях действия сотрудни-

ков Следственного комитета Российской Федерации при преследовании подозреваемых, совершивших или совершающих преступление. Первое, что можно предположить, это то, что сотрудник Следственного комитета действует в подобной ситуации в обычном уголовно-процессуальном режиме, допускающем проникновение в жилище или на участки граждан, например, для производства таких действий, как обыск, выемка, наложение ареста на имущество. И этот режим просто детализирован в Законе применительно к конкретной силовой ситуации. Однако такое предположение не находит подтверждения. Как аргументированно отмечалось в литературе, Закон не дает оснований для такого предположения. В ст. 7 предусмотрены совершенно иные ситуации, не связанные с реализацией процессуальных полномочий при обыске или выемке: 1) пресечение преступления; 2) преследование лиц, подозреваемых в совершении преступления [7, с. 47].

Очевидно, Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации», исходя из гуманистического направления, взялся регулировать универсальные полномочия сотрудника в криминальной ситуации, наделив его специальным правом принимать меры к пресечению преступления, преследованию подозреваемого и задержанию его в помещении либо на принадлежащем гражданину участке, куда могло привести преследование.

Однако такой подход не вписывается в систему уголовно-процессуальной деятельности, в которой реализует свои полномочия сотрудник Следственного комитета Российской Федерации. Его действия в ситуации преследования и задержания подозреваемого по своей правовой природе сходны с действиями представителей силовых подразделений (полицейских, военнослужащих). Однако, не принадлежа ни к одному из таких подразделений, он обладает не свойственным для них своим исключительным качеством – является носителем процессуальных полномочий. Но в ситуации преследования и задержания он выходит за рамки процессуального статуса [6, с. 328].

Какую же правовую природу приобретает деятельность сотрудника Следственного комитета в ситуации преследования и задер-

жания подозреваемого? Предпринятый анализ убеждает в том, что такая деятельность идентична действиям обычного гражданина, действующего в состоянии необходимой обороны. Оценивать ее необходимо в соответствии с положениями Уголовного кодекса о необходимой обороне (ст. 37 УК РФ), о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление (с. 38 УК РФ). Нормы, предусмотренные в п. 2 ч. 1 ст. 7 анализируемого Федерального закона, не вписываются в механизм уголовно-процессуальной деятельности [8, с. 45–47].

Сказанное приводит к выводу о том, что в предусмотренной в ст. 7 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» ситуации сотрудник Следственного комитета не вправе реализовать какие-то свои процессуальные полномочия и вынужден действовать на основании указанных норм уголовного права, в связи с чем подлежит отводу от производства по

уголовному делу, а фиксация обстоятельств пресекаемого преступления должна осуществляться в обычном порядке – путем производства следственных действий следователем (дознавателем), принявшим к своему производству уголовное дело: осмотр места происшествия, обыск, освидетельствование, допрос, в том числе и вошедших при преследовании лиц, подозреваемых в совершении преступления, в жилые и иные принадлежащие гражданам помещения, на принадлежащие им земельные участки сотрудников Следственного Комитета Российской Федерации.

В связи со сказанным представляется обоснованным предложение исключить из ст. 7 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» нормы о наделении сотрудников Следственного комитета уголовно-процессуальными полномочиями при осуществлении непроцессуальной деятельности [3, с. 75–76].

ЛИТЕРАТУРА

1. Устав патрульно-постовой службы советской милиции от 20 июля 1974 г. М.: Воениздат, 1974.
2. О Следственном комитете Российской Федерации: федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 15.
3. Григорьев В. Н. О новых полномочиях сотрудников Следственного комитета Российской Федерации // Проблемы укрепления российской государственности: сборник статей. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2011.
4. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 01.04.2019) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
5. О войсках национальной гвардии Российской Федерации: федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ (ред. от 11.10.2018) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (Часть I). Ст. 4159.
6. Григорьев В. Н., Победкин А. В. Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации» в системе уголовно-процессуального законодательства // Вопросы правоведения. 2011. № 2 (10).
7. Григорьев В. Н. Вариант нормативной модели наделения следователя оперативными полномочиями // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7.

© Савенков А. В.

УДК 343.102-043.5(470)

А. А. ТАРАСОВ, профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России; заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Уфа)

A. A. TARASOV, head of the Chair of Criminal Law and Procedure at the Law Institute of the Bashkir State University; professor of the Chair of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Interior Ministry of Russia, Doctor of Law, professor (Ufa)

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ И ОРГАНОВ,
ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: РАЗМЫШЛЕНИЯ ТЕОРЕТИКА**

**INTERACTION OF INVESTIGATORS AND BODIES IMPLEMENTING
OPERATIVE-INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN MODERN CONDITIONS:
REFLECTIONS OF A THEORETIST**

Аннотация. Теоретические основы взаимодействия следователей как единоличных органов предварительного следствия и органов дознания, уполномоченных осуществлять оперативно-разыскную деятельность, сформировались преимущественно за годы действия советского УПК РСФСР 1960 года. Среди основных правил такого взаимодействия в теории уголовного процесса всегда назывались недопустимость смешения процессуальных и непроцессуальных средств и методов работы, руководство взаимодействием со стороны следователя и осуществление вневедомственной координации взаимодействия со стороны прокурора. В современных условиях все названные правила сохранили свою значимость для эффективности взаимодействия, однако на их фактическую реализацию существенное влияние оказывают изменения, произошедшие в российской системе предварительного следствия в период действия УПК РФ 2001 года.

Ключевые слова и словосочетания: следователь, прокурор, руководитель следственного органа, орган дознания, оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскные мероприятия, поручения следователя.

Annotation. The theoretical basis for the interaction of investigators as the sole investigative bodies and the bodies of inquiry authorized to carry out operative-investigative activities was formed mainly during the years of the 1960 Soviet Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Among the basic rules of such interaction in the theory of the criminal process, the inadmissibility of mixing procedural and non-procedural means and methods of work, directing interaction on the part of the investigator and non-departmental coordination of interaction on the part of the prosecutor have always been called. In modern conditions, all of these rules have retained their significance for the effectiveness of interaction, but their actual implementation is significantly affected by changes in the Russian system of preliminary investigation during the period of the 2001 Code of Criminal Procedure.

Keywords and phrases: investigator, prosecutor, head of the investigative body, body of inquiry, operational search activity, operative-investigative activities, instructions of the investigator.

Теоретические основы взаимодействия государственных должностных лиц, производящих расследование преступлений в форме предварительного следствия, с лицами, осуществляющими оперативно-разыск-

ную деятельность в отношении тех же преступлений, в большинстве своем были заложены в советские годы, преимущественно в период действия последнего советского УПК РСФСР 1960 года. С тех пор и в терминологическом

обозначении отдельных видов уголовно-процессуальной и связанной с нею деятельности, и в ее нормативно-правовой регламентации произошли многие как сугубо формальные, так и сущностные изменения. Фундаментальные теоретические основы взаимодействия между следователями и органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, в целом остались неизменными.

Сейчас уже очень непросто представить, что когда-то оперативно-разыскная деятельность регулировалась только ведомственными приказами и инструкциями с очень ограниченным доступом. Начало нынешней судебно-правовой реформы было отмечено принятием Закона РФ «Об оперативно-разыскной деятельности в Российской Федерации» от 13 марта 1992 года, на смену которому через очень непродолжительное время пришел Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ, действующий до сих пор с некоторыми изменениями и дополнениями. С этого времени и перечень оперативно-разыскных мероприятий, и правила их производства становятся общедоступными, а вопрос об использовании оперативно-разыскной информации в процессуальном доказывании стал предметом открытого и постоянно расширяющегося обсуждения в научной литературе, в том числе – на монографическом уровне [1, с. 25; 2, с. 10, 17]. Однако никогда не было и сейчас нет сомнений в том, что оперативно-разыскные мероприятия – это не следственные, то есть не процессуальные действия, а полученные в их ходе сведения – не уголовно-процессуальные доказательства, как минимум, без каких-то дополнительных правоприменительных действий и решений. Это принципиально, как принципиально и то, что собираются эти два не подменяющих и не вытесняющих друг друга вида информации разными государственными органами и должностными лицами.

В действующем УПК РФ термином «дознание» обозначена сугубо процессуальная деятельность, аналогичная предварительному следствию, которая в УПК РСФСР называлась «дознанием по делам, по которым предварительное следствие не обязательно», то есть формой полноценного предварительного расследования по уголовному делу до принятия по нему итогового процессуального решения. Считаю необходимым подчер-

кнуть, что, говоря в этой статье о взаимодействии следователей с органами дознания, мы этот вид их правоприменительной деятельности вообще не учитываем. Нас интересует та деятельность органа дознания, которая кардинально отличается от следственной, поскольку осуществляется преимущественно непроцессуальными средствами, то есть та, которую сам следователь выполнить не вправе, да и едва ли сможет выполнить профессионально в силу отсутствия специальной подготовки. Заметим, что в УПК РФ необходимость организационного разграничения процессуальной и оперативно-разыскной деятельности однозначно подчеркнута в отношении дознавателя как должностного лица органа дознания, производящего расследование по уголовному делу в полном объеме в форме дознания, то есть осуществляющего такую же процессуальную деятельность, что и следователь. Дознаватель не вправе производить дознание, если по этому же делу он проводил оперативно-разыскные мероприятия (чч. 1 и 2 ст. 41 УПК РФ).

Идея законодателя ясна – в основе процессуальных решений, принимаемых по уголовному делу лицом, в чьем производстве это дело находится, должны быть только сведения, полученные процессуальным путем, то есть только доказательства. В сознании дознавателя, по смыслу этого законоположения, не должно происходить замещения одного вида информации другим, оперативно-разыскная информация не должна оказывать влияния на формирование внутреннего убеждения дознавателя. Из сказанного следует, что человека надо организационно ограждать от информации, могущей помешать ему принять объективно правильное решение по делу. Рассчитывать на его собственную способность отделять то, что надо учитывать при принятии этого решения, и что необходимо игнорировать как не имеющее доказательственной силы, нельзя: слишком большой риск роковой ошибки.

Органом следствия в советские годы традиционно назывался следователь как единолично действующее должностное лицо одного из трех государственных ведомств, обладающих следственным аппаратом (в советские годы это были Прокуратура СССР с республиканскими, региональными подразделениями, Министерство внутрен-

них дел СССР и Комитет государственной безопасности СССР). Следователь обладал процессуальной самостоятельностью, то есть имел право большинство вопросов расследования решать без согласования с кем бы то ни было, за исключением нескольких процессуальных решений, утверждаемых прокурором. В системе МВД и КГБ следователи находились еще и в административном подчинении начальника следственного отдела, который обладал в отношении следователей властно-распорядительными полномочиями и был обозначен в ст. 127.1 УПК РСФСР как самостоятельная процессуальная фигура, осуществляющая ведомственный контроль за деятельностью следователя, обеспечивающая законность и эффективность его работы. При этом начальник следственного отдела не имел права отменять постановления следователей, давать согласие на какие-то процессуальные действия и решения, то есть не имел тех полномочий, которыми обладал только прокурор в отношении любых следователей, независимо от их ведомственной подчиненности. Более того, в соответствии с ч. 5 ст. 127 УПК РСФСР указания прокурора, данные самому начальнику следственного отдела независимо от ведомственной подчиненности, были обязательны для исполнения им, и даже их обжалование вышестоящему прокурору не приостанавливало их исполнения. В литературе отмечалось, что должность начальника следственного отдела не была обязательной, при малом количестве следователей без нее и вовсе обходились, а среди процессуальных документов по уголовному делу не было таких, которые бы в обязательном порядке принимались с участием начальника следственного отдела [3, с. 242–244]. Сказанное позволяет считать эту фигуру в большей степени административной, нежели процессуальной, ведомственный контроль со стороны начальника следственного отдела обеспечивал законность и качество расследования, главным образом за счет организационно-распорядительных мер. Примечательно, что ст. 127.1 появилась в УПК РСФСР в декабре 1965 года, спустя почти 5 лет с момента начала его применения и через 2 года после учреждения следственного аппарата в системе органов внутренних дел

в 1963 году. То есть какое-то время следственные отделы работали и без процессуального обособления их начальников.

В прокуратуре аналогичного должностного лица и вовсе не было, а имеющиеся в ней начальники следственных частей, отделов, управлений по должности были помощниками или заместителями прокуроров. При этом прокурор обладал надведомственными полномочиями, имел право давать поручения и указания любым следователям, независимо от ведомственной подчиненности, и указания эти были обязательны для исполнения. Следователь (непосредственно и тоже независимо от ведомственной подчиненности) мог обжаловать указания прокурора вышестоящему прокурору. В большинстве случаев обжалование указаний прокурора не приостанавливало их исполнения, за исключением вопросов, прямо названных в ч. 2 ст. 127 УПК РСФСР – о квалификации преступления или объеме обвинения, привлечении в качестве обвиняемого, направлении дела в суд или прекращении уголовного дела. На практике такие обжалования встречались крайне редко, но сама потенциальная их возможность свидетельствовала о том, что закон оберегал процессуальную самостоятельность следователя как бесспорно необходимую ценность. И оберегал он ее от вмешательства прокурора – представителя службы государственного обвинения, которой предстоит поддерживать или не поддерживать это обвинение в суде. Начальник следственного отдела также обладал правом давать подчиненным ему следователям указания о производстве предварительного следствия, в том числе и по ключевым его вопросам. Обжаловаться эти указания могли тоже прокурору, именно как надведомственному органу прокурорского надзора и государственного обвинения, что также было логично: прокурор, утверждая или не утверждая обвинительное заключение, решал, будет ли соответствующее обвинение поддерживаться прокуратурой в суде. В контексте нашего изложения важно подчеркнуть, что следователь любого следственного органа выступал во взаимодействии с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, как процессуально самостоятельная фигура, не обязанная согласовывать свои решения о таком взаимодействии с кем бы то ни было.

Состав следственных ведомств за годы действия УПК РСФСР не менялся. По действующему УПК РФ он менялся многократно. Органов внутренних дел России эти изменения кардинально не коснулись, за исключением периодической корректировки подследственности. Федеральная служба безопасности России стала наследницей Комитета государственной безопасности СССР, поэтому ведомственную подчиненность их следственного аппарата можно также считать неизменной. История существования в советские годы неведомых следователей налоговой полиции и органов госнаркоконтроля закончилась слишком быстро, чтобы стать предметом глобальных теоретических обобщений. Самое масштабное преобразование коснулось советских следователей прокуратуры, которые в 2007 году вышли из-под процессуального руководства прокуроров, а в 2011 году и вовсе были объединены в самостоятельном ведомстве – Следственном комитете Российской Федерации.

Реформа предварительного следствия, коснувшаяся так или иначе всех аспектов деятельности следственного аппарата, не могла не отразиться и на взаимодействии следователей с теми органами дознания, которые осуществляют оперативно-разыскную деятельность.

Однако и в условиях глобального реформирования российского досудебного производства по уголовным делам названные ранее принципиальные положения теории взаимодействия следователей с оперативно-разыскными службами не могли подвергнуться кардинальному пересмотру. Среди них не только необходимость строгого разграничения процессуальной и непроцессуальной познавательной деятельности и недопустимость их подмены друг другом, но и ведущая роль следователя в организации взаимодействия и использования его результатов в доказывании юридически значимых обстоятельств уголовного дела и обязательность исполнения поручений следователя органами дознания. Среди этих теоретических основ всегда была и необходимость координации взаимодействия из какого-то единого центра, не связанного ведомственными ограничениями.

Выделение и укрепление с июня 2007 года самостоятельной процессуальной фигуры

руководителя следственного органа (ст. 39.1 УПК РФ) с одновременным ограничением процессуальных полномочий прокурора в ходе предварительного следствия повлекло за собой повышение ведомственной концентрации предварительного следствия. Произошедшее одновременно с этим интенсивное отстранение прокурора от процесса предварительного следствия подчеркнуло ведомственный характер следственной деятельности, поскольку из ее процедур до окончания предварительного следствия исчез специальный орган, обладающий надведомственными полномочиями без дополнительных согласований объединять усилия нескольких правоохранительных органов, перераспределять их, обеспечивать законность и эффективность совместной работы, если это необходимо.

Сказанное коснулось, в первую очередь, самого предварительного следствия. Например, по первоначальной редакции ст. 163 УПК РФ 2001 года до июня 2007 года следственные группы создавались решением прокурора по ходатайству начальника следственного отдела, а если в состав входили только следователи прокуратуры – то и вовсе единоличным решением прокурора. Это было поддержано в литературе, поскольку в законе теперь в отличие от УПК РСФСР 1960 года был точно назван субъект, уполномоченный на создание следственных групп, и при этом назван еще один властвующий субъект, обладающий правом выступить инициатором создания следственной группы из подчиненных ему следователей [4, с. 163]. Прокурор в таких случаях, не вмешиваясь в организацию работы следственных подразделений разных следственных органов, имел надведомственные полномочия по объединению их усилий. В этой схеме, очевидно, межведомственную следственную группу из следователей прокуратуры, МВД и ФСБ создавал своим постановлением прокурор, согласовав с начальниками следственных подразделений этих органов персональный состав групп. Именно в таком направлении развивались теоретические представления о процедуре «поручения предварительного следствия группе следователей» в последние годы существования Советского Союза: в зависимости от ее состава (входят ли в него только следователи конкретного подразделе-

ния или какие-то еще) такое решение должен был принимать начальник следственного подразделения или прокурор [5, с. 209].

Параллель со следственными группами, казалось бы, выглядит не вполне корректной в нашем контексте, поскольку в ее состав входят только следователи одного или разных следственных органов, а во взаимодействии следователей и органов дознания участвуют не только следователи. Однако здесь мы позволили рассмотреть эту параллель в связи с тем, что взаимодействие между следователями и органами дознания имеет во многих случаях межведомственный характер: именно так выглядит, например, взаимодействие следователей территориальных подразделений Следственного комитета Российской Федерации с подразделениями уголовного розыска МВД России. К тому же согласно ч. 2 ст. 163 УПК РФ к работе следственных групп могут на постоянной основе привлекаться сотрудники органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, а это, как правило, требует межведомственного взаимодействия.

Продолжим с учетом этого разговор о межведомственных следственных группах.

По действующему правилу ст. 163 УПК РФ (в ред. ФЗ от 05.06.2007 № 87-ФЗ) «решение о производстве предварительного следствия следственной группой, об изменении ее состава принимает руководитель следственного органа». После этих слов в тексте статьи поставлена красноречивая точка, которая как бы исключает само существование межведомственных следственных групп. Понятно, что при необходимости этот барьер мог преодолеваться организационными мерами – например, согласованием решений двух и более руководителей следственных органов о включении в создаваемую следственную группу подчиненных им следователей. Однако, во-первых, процессуальные отношения здесь выводятся из сферы применения процессуального закона; во-вторых, согласования такого рода без единого вневедомственного координационного начала рискуют превратиться в излишнюю бюрократию, связанную порой с разрешением разногласий, на которую в процессе расследования, как правило, нет времени. В более поздних комментариях к УПК РФ вопрос о межведомственных следственных груп-

пах и вовсе не обсуждается [6, с. 355], как будто надобность в их формировании отпала сама собой, и расследуемые групповые и многоэпизодные преступления теперь стали совершаться в строгом соответствии с подследственностью конкретных следственных органов.

Усиление ведомственной направленности предварительного следствия неизбежно вносит свои коррективы и в считавшиеся незыблемыми теоретические основы взаимодействия следователей с оперативными сотрудниками подразделений уголовного розыска и других служб полиции, для которых оперативно-разыскная деятельность является основной. На этом фоне более рельефно, на наш взгляд, выглядят недостатки использованных законодателем терминов в нормативно-правовой регламентации взаимодействия органов следствия и дознания.

Процессуально-правовая основа этого взаимодействия образована правом следователя давать поручения органам дознания об оказании ему содействия в расследовании преступлений с использованием имеющихся у органов дознания возможностей, которые, по логике, не совпадают с возможностями самого следователя. Имеет смысл сравнить нормы УПК РСФСР и УПК РФ о содержании таких поручений. Согласно ч. 4 ст. 127 УПК РСФСР «следователь по расследуемым им делам вправе давать органу дознания поручения и указания о производстве розыскных и следственных действий и требовать от органов дознания содействия при производстве отдельных следственных действий. Такие поручения и указания следователя даются в письменном виде и являются для органов дознания обязательными». Сейчас аналогичное положение Закона выглядит так: «Следователь уполномочен давать органу дознания в случаях и в порядке, установленных настоящим Кодексом, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-разыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении» (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Процессуальная регламентация, как видим, стала несколько более детальной. Оценим эту детализацию.

Указание «в случаях и порядке, установленных настоящим Кодексом», пришедшее на смену выражению «по расследуемым им делам», выглядит загадочным, потому что конкретных случаев дачи таких поручений в УПК РФ прямо не предусмотрено, да и порядок этот ни в какой другой статье УПК РФ, кроме процитированной нормы, не установлен. Можно лишь предположить, что помимо принятых к своему производству уголовных дел следователь может давать такие поручения органам дознания как участник следственной группы (ст. 163 УПК РФ) либо выполняя поручения другого следователя в порядке ч. 1 ст. 152 УПК РФ. Но указания Закона в названных статьях не настолько конкретны, чтобы считать их «случаями, установленными настоящим Кодексом».

Отдельные авторы склонны считать полномочие следователя давать органу дознания поручения о производстве оперативно-разыскных мероприятий шагом вперед в сравнении с правом поручать лишь следственные и розыскные действия по УПК РСФСР [6, с. 97]. Осмелимся выразить сомнение в такой оценке. Перечень конкретных оперативно-разыскных мероприятий в ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по определению выходит за пределы профессиональной компетенции следователя, имеющего специальность «юриспруденция». Следователь, на наш взгляд, не должен и не может профессионально диктовать органу дознания, какими именно оперативно-разыскными мероприятиями те должны решать поставленную им в поручении розыскную задачу: обнаружить скрывшегося преступника, похищенное и спрятанное имущество, выявить неизвестных следствию потерпевших и свидетелей и т. д. Если он в силу недостатка знаний и опыта назовет в своем обязательном для исполнения письменном поручении не те мероприятия, которые действительно необходимы, органы дознания не должны ограничивать собственные возможности в установлении значимых для расследования преступления сведений. Однако по буквальному смыслу процитированной нормы ст. 38 УПК РФ органы дознания должны в точности исполнить те мероприятия, которые им поручены. Аналогичная формулировка содержится в ч. 1 ст. 144 УПК РФ,

посвященной проверке сообщения о преступлении на стадии возбуждения уголовного дела, а вот в ч. 1 ст. 152 УПК РФ, предусматривающей дачу поручений следователям и органам дознания вне места производства предварительного следствия, сохранено указание УПК РСФСР только на «следственные и розыскные действия». Оно представляется более правильным с точки зрения теоретических основ взаимодействия органов следствия и дознания по делам, подведомственным следователям.

Процедура дачи поручений такого рода тоже заслуживает анализ в межведомственном контексте и с точки зрения теоретических основ взаимодействия следователей и органов дознания. Процессуальная схема взаимодействия была и остается такой: следователь, в производстве которого находится уголовное дело, обращается с поручением к руководителю органа дознания, а тот назначает исполнителя этого поручения из числа подчиненных ему оперативных сотрудников. На практике схема взаимодействия нередко упрощалась до непосредственного контакта следователя с оперативными работниками с надлежащим документальным оформлением (поручением, обращенным к начальнику), что в значительной степени зависело от личностных качеств конкретных участников взаимодействия и их личных взаимоотношений.

С советских времен известно, что самая главная проблема организации исполнения поручений следователя – это фактическое игнорирование таких поручений с направлением следователю формального извещения о том, что интересующие следствие сведения «принятыми мерами установить не удалось». Причины у такого результата взаимодействия разные – неконкретность, заведомая неисполнимость самих поручений, недобросовестность исполнителей, формальное отношение самого следователя к собственному поручению, когда появление в деле двух встречных бумаг воспринимается обеими сторонами как самоцель, и многое другое. Проблема эта известна давно, как минимум с советских времен. Однако осмелимся предположить, что ведомственная концентрация предварительного следствия и здесь сыграла собственную негативную роль. Поручений следователей и дознавате-

лей органов внутренних дел, направляемых начальнику органа дознания, который также является офицером органов внутренних дел, это коснулось в наименьшей степени: единая ведомственная подчиненность даже в условиях формальной процессуальной и организационной изоляции способна обеспечить максимально возможный уровень обязательности таких поручений для исполнения. Поручения следователей территориальных подразделений Следственного комитета РФ, адресованные начальнику территориального подразделения органов внутренних дел как руководителю органа дознания – совсем иное дело.

Если раньше – до июня 2007 года – с аналогичным поручением к руководству органа дознания обращался следователь прокуратуры как сотрудник органа прокурорского надзора, непосредственно подчиненный прокурору, наделенному правом направлять в суд все уголовные дела и обладающему надведомственными надзорными полномочиями в отношении всех следователей и дознавателей всех ведомств, то сейчас поручение исходит от сотрудника органа, не имеющего в отношении органа дознания никаких властных полномочий. Конечно, руководство органов следственного комитета вправе решать вопросы, связанные с уголовным преследованием сотрудников органов внутренних дел, и

теоретически можно было бы предположить потенциальные опасения руководства органов внутренних дел проигнорировать поручения следователей Следственного комитета. Однако практика далека от подобных предположений – нормальная повседневная совместная работа на опасениях не строится, она строится на постоянной и взаимной потребности обеспечивать эффективную деятельность друг друга.

Подведем некоторые итоги.

1. Взаимодействие следователей и органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность по-прежнему остается важным условием эффективности предварительного следствия по уголовным делам.

2. Эффективность взаимодействия прямо зависит от правовых и организационных механизмов преодоления межведомственных барьеров между его участниками, которая оптимальным образом могла бы обеспечиваться прокуратурой как органом прокурорского надзора и государственного обвинения.

3. Существующая система организации предварительного следствия нуждается в совершенствовании, нацеленном на обеспечение эффективной межведомственной координации взаимодействия следователей с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-разыскной деятельности: монография / под науч. ред. проф. В. Т. Томина. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001.
2. Закотянский А. С. Проблемы использования непроцессуальной информации в доказывании по уголовным делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2015.
3. Михайленко А. Р. Расследование преступлений: законность и обеспечение прав граждан: научно-практическое издание. Киев: Юринком-Интер, 1999.
4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. В. Мозякова. М.: Изд-во «Экзамен XXI», 2002.
5. Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и союзных республик. Теоретическая модель / под ред. проф. В. М. Савицкого. М.: ИГП АН СССР, 1990.
6. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева; науч. ред. В. П. Божьев. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2014.

© Тарасов А. А.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.121:343.133(470)

В. И. СОЛОДКАЯ, адъюнкт кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России (г. Краснодар)

V. I. SOLODKAYA, adjunct of the Chair of Criminal Procedure Krasnodar University of the Interior Ministry of Russia (Krasnodar)

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА ОБВИНЯЕМОГО БЫТЬ ПОДРОБНО
УВЕДОМЛЕННЫМ О ХАРАКТЕРЕ И ОСНОВАНИИ ПРЕДЪЯВЛЯЕМОГО
ЕМУ УГОЛОВНОГО ОБВИНЕНИЯ**

**ENSURING THE RIGHT OF THE ACCUSED TO BE INFORMED IN DETAIL ABOUT
THE NATURE AND CAUSE OF THE CRIMINAL CHARGE AGAINST HIM**

***Аннотация.** В статье автор на основе анализа действующего уголовно-процессуального закона, материалов судебной-следственной практики анализирует вопросы, связанные с обеспечением права обвиняемого быть подробно уведомленным о характере и основании предъявляемого ему уголовного обвинения при производстве дознания и предварительного следствия. При этом особое внимание уделяется такой форме предварительного расследования, как дознание. Так, именно при его производстве указанное право реализуется в «усеченном» виде, что не позволяет в полном объеме реализовать право обвиняемого на защиту.*

***Ключевые слова и словосочетания:** дознаватель, дознание, доказательства, досудебное производство, обвинительный акт, обвинительное постановление, обвиняемый, предварительное расследование, предварительное следствие, следственные действия, следователь, уголовный процесс.*

***Annotation.** In the article, the author, on the basis of an analysis of the existing criminal procedure law and the materials of judicial-investigative practice, analyzes the questions related to ensuring the right of the accused to be informed in detail about the nature and basis of the criminal charge against him during the inquiry and the preliminary investigation. At the same time, a special attention is paid to such a form of the preliminary investigation as an inquiry. So it is during the inquiry that the specified law is exercised in a «truncated» form, which does not allow the accused to exercise his right to full protection.*

***Keywords and phrases:** interrogator, inquiry, evidence, pre-trial proceedings, indictment, indictment ruling, accused, preliminary investigation, preliminary enquiry, investigative actions, investigator, criminal procedure.*

Стремление современных демократических государств к созданию идеального механизма обеспечения прав и свобод имеет большую актуальность и в Российской Федерации. В настоящее время, когда характер и уровень преступности свидетельствуют о криминализации большинства сфер жизнедеятельности общества, система правоохранительных органов нашей страны испытывает кризис недоверия со стороны общества. Как результат участились случаи нарушения прав и свобод человека и граж-

данина, причиной которых является ненадлежащее их обеспечение уполномоченными на то государственными органами, а также отсутствие желания законодателя устранять имеющиеся правовые пробелы из регламентации.

Прирожденный характер основных прав и свобод человека в России, имеющий отражение в соответствующем конституционном принципе (ч. 2 ст. 17 Конституции РФ), свидетельствует не только о том, что они являются естественными и неотъемлемыми для

каждого человека, но и обязательными для всех остальных членов общества и, конечно, для органов государственной власти. Так, Конституция РФ прямо указывает, что обязанностью российского государства является признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина.

Сфера уголовно-процессуальных отношений, где деятельность органов предварительного расследования в ходе досудебного производства по уголовному делу характеризуется широкими возможностями в части применения мер государственного принуждения, вторжения в сферу частной жизни, а личность, в отношении которой осуществляется уголовное преследование, испытывает серьезные ограничения и запреты, требует от носителей государственной власти принятия своевременных, законных и обоснованных процессуальных действий и решений.

В этой связи справедливым представляется высказывание М. В. Духовского о том, что «одно из коренных требований, предъявляемых правильно построенному уголовному процессу, заключается в такой организации всех сторон его, при которой возможно полнее ограждалась бы каждая личность, так или иначе попадающая на суд ...» [1, с. 89]. Однако, очевидно, что провозглашения факта неотчуждаемости прав и свобод недостаточно для их реального обеспечения.

В ст. 6 УПК РФ законодатель определил две цели, к реализации которых должны стремиться государственные органы, осуществляющие уголовное преследование:

1. Защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

2. Защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

В нашем случае интерес представляет вторая цель, подчеркивающая правозащитный и гуманистический характер правоохранительной деятельности и указывающая на недопустимость необоснованного ограничения прав и свобод обвиняемого, в том числе конституционных.

Говоря об обеспечении права обвиняемого быть подробно уведомленным о характере и основании предъявляемого ему уголовного обвинения, следует обратить

внимание на его законодательную регламентацию. Так, ряд международных стандартов прямо указывает на обязанность органов предварительного расследования разъяснить обвиняемому сущность предъявляемого обвинения. Например, в п. «а» ч. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 (ETS № 5) [2] и п. «а» ч. 3 ст. 14 Международного Пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966 [3] сказано, что обвиняемый должен быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения.

Конституция РФ закрепляет обязанность органов государственной власти и их должностных лиц обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом (ч. 2 ст. 24). В свою очередь уголовно-процессуальный закон гарантирует обвиняемому право знать, в чем он обвиняется (п. 1 ч. 4 ст. 47), на следователя возлагается обязанность разъяснить обвиняемому существо предъявленного обвинения (ч. 5 ст. 172). В целом разъяснение участникам уголовного процесса их процессуальных прав и обеспечение возможности осуществления этих прав является элементом уголовно-процессуального принципа «охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве» (ч. 1 ст. 11 УПК РФ).

Разве можно ставить вопрос об обеспечении прав обвиняемого, если он в установленном порядке не уведомлен о принадлежащих ему правах и последние ему не разъяснены? Конечно, нет! Не зная своих прав, субъект не может ими распоряжаться. Неслучайно правовые нормы, регламентирующие своевременное информирование лица, вовлекаемого в уголовный процесс в любом качестве, о принадлежащих ему правах и обязанностях, и последующее их разъяснение рассматривались в качестве гарантий обеспечения прав личности как в Советском, так и Российском уголовно-процессуальном праве [4, с. 131; 5, с. 61; 6, с. 40].

Несмотря на вышесказанное, далеко не все проблемы, связанные с обеспечением права обвиняемого быть подробно уведомленным о характере и основании предъ-

являемого ему уголовного обвинения, в настоящий момент разрешены. Давайте разбираться.

Начнем с того, что в современных условиях применение норм права, регламентирующих процессуальный статус обвиняемого, представляет собой сложный процесс. Следователю недостаточно простого (буквального) толкования той или иной нормы УПК РФ. Для того чтобы гарантированно обеспечить реализацию прав обвиняемого, органам предварительного расследования, прокурору и суду необходимо иметь исчерпывающее представление о механизме их реализации, знать УПК РФ, учитывать правовые позиции Верховного Суда РФ, высказанные им в различного рода решениях, обращаться к Конституции РФ, международным договорам России, общепризнанным нормам и принципам в области прав человека. Только при соблюдении указанных условий будет возможно избежать судебных-следственных ошибок и их неблагоприятных последствий.

Как известно, предварительное расследование осуществляется в формах предварительного следствия и дознания. Последнее может быть произведено в общем порядке либо в сокращенной форме.

Если говорить о предварительном следствии, то очевидных проблем с реализацией рассматриваемого нами права нет. Так как при производстве по уголовному делу в форме следствия в полном объеме действуют правовые нормы, которые в совокупности представляют собой сложившийся и проверенный в ходе многолетней судебно-следственной практики институт привлечения в качестве обвиняемого. Вопросы возникают при производстве дознания к правовой регламентации реализации права обвиняемого быть подробно уведомленным о характере и основании предъявляемого ему уголовного обвинения.

Итак, безусловно, дознание применяется в большинстве случаев. Согласно статистическим данным, представленным на официальном сайте МВД России в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в январе – сентябре 2018 года раскрыто 833,5 тыс. преступлений, из которых 363,5 тыс. составляют преступления, по которым производство предварительного след-

ствия обязательно, и 470 тыс. преступлений, расследование по которым может быть проведено в форме дознания [7].

Комплекс процессуальных действий, связанный с привлечением в качестве обвиняемого, не является обязательным при производстве дознания. При производстве расследования в указанной форме обвинение формулируется в обвинительном акте (общий порядок) либо в обвинительном постановлении (сокращенная форма). И в том, и в другом случае это завершающий этап расследования, когда все следственные действия окончены.

Реализация права обвиняемого быть подробно уведомленным о характере и основании предъявляемого ему уголовного обвинения не повлечет за собой активных действий со стороны последнего, так как дознание завершено. И как результат – нарушение права на защиту.

Если рассматривать ситуацию с общим порядком производства дознания, то, казалось бы, выходом из сложившейся ситуации может стать ст. 223.1 УПК РФ, предусматривающая обязанность дознавателя в случае получения в ходе дознания достаточных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, составить письменное уведомление о подозрении в совершении преступления. Но это не так.

Пункт 4 ч. 2 ст. 223.1 УПК РФ предписывает дознавателю указать в уведомлении о подозрении в совершении преступления описание преступления с указанием места, времени его совершения, а также других обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с пп. 1 и 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Избрав форму уведомления, законодатель однозначно подчеркивает вероятностный характер самих сведений, содержащихся в указанном процессуальном документе. По нашему мнению, указанное процессуальное решение не требует конкретных оснований, а носит только информационный характер.

В юридической литературе справедливо отмечается, что по своей структуре постановление о привлечении в качестве обвиняемого и уведомление о подозрении имеют много общего. Даже неспециалисту понятно, что первое основывается на содержании второго.

Единственное отличие в том, что субъект доказывания обязан сформулировать решение о привлечении лица в качестве обвиняемого в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого. Тогда как в уведомлении решение о привлечении в качестве подозреваемого не предусмотрено. Дознаватель информирует подозреваемого о своих выводах по поводу причастности последнего к совершению преступления, основываясь при этом не на собранных доказательствах (ч. 1 ст. 171 УПК РФ), а на достаточных данных (ч. 1 ст. 223 УПК РФ) [8, с. 52].

Говоря о сокращенной форме дознания, следует отметить, что основанием для производства предварительного расследования в такой форме является наличие ходатайства подозреваемого и соблюдение обязательных условий, одним из которых является признание вины, характера и размера причиненного преступлением вреда, а также согласие с правовой оценкой деяния, приведенной в постановлении о возбуждении уголовного дела (п. 2 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ).

А право дознавателя с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, и ограничиться производством только тех процессуальных действий, которые позволяют решить задачу предотвращения утраты следов преступления, сводит на нет реализацию принципа свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ), согласно которому следователь обязан оценить все доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

Основываясь на вышесказанном, можно сделать однозначный вывод о том, что с законодательной регламентацией обеспечения права обвиняемого быть подробно уведомленным о характере и основании предъявляемого ему уголовного обвинения в ходе производства дознания имеется проблема, требующая разрешения. При производстве дознания статус обвиняемого приобретает по завершению всех основных следственных

действий. Составление обвинительного акта или обвинительного постановления ставит последнего перед фактом, давая реальную возможность защищать свои интересы только в суде. Как следствие, не имея исчерпывающих сведений о характере и основаниях инкриминируемых деяний, обвиняемый не имеет возможности в полном объеме реализовать свое право на защиту.

Таким образом, при производстве дознания возможность разъяснения права обвиняемого быть подробно уведомленным о характере и основании предъявляемого ему уголовного обвинения как одна из гарантий прав личности, безусловно, имеет место. А вот возможность реализации указанного права как элемент его обеспечения отсутствует.

Самым простым способом решения обозначенной проблемы, по-нашему мнению, является внесение изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство в части введения института привлечения в качестве обвиняемого при производстве дознания. А обеспечение рассматриваемого нами права в ходе предварительного расследования в целом напрямую зависит от выполнения следующих взаимосвязанных элементов:

- контроль компетентных органов государства за соблюдением права;
- предупреждение возможного его ограничения либо нарушения;
- готовность незамедлительно отреагировать на установленное нарушение либо ограничение права.

В заключении можно отметить, что обеспечение права обвиняемого быть подробно уведомленным о характере и основании предъявляемого ему уголовного обвинения должно представлять собой сбалансированный механизм, в котором, с одной стороны, выступает обвиняемый, имеющий законное право осуществлять и защищать свои права и обязанности, а с другой – уполномоченные органы государственной власти, призванные выступить гарантом соблюдения прав и свобод личности в уголовном процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хрестоматия по уголовному процессу России: учебное пособие / сост. Э. Ф. Куцова. М., 1999.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 (ETS № 5) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16.12.1966 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Куцова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М., 1972.
5. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986.
6. Уголовный процесс: учебник для вузов / под общ. ред. П. А. Лупинской. М., 2004.
7. Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/14696015/> (дата обращения: 08.11.2018).
8. Комментарий последних изменений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (постатейный) / В. Т. Томин [и др.]. М.: Юрайт, 2007 // СПС «КонсультантПлюс».

© Солодкая В. И.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 338.246.025.3:330.47(470)

Н. Р. ШЕВКО, начальник кафедры экономики, финансового права и информационных технологий в деятельности органов внутренних дел Казанского юридического института МВД России, кандидат экономических наук, доцент (г. Казань)

N. R. SHEVKO, head of the Chair of Economics, Financial Law and Information Technologies in the Activities of Internal Affairs Bodies of the Kazan Law Institute of the Interior Ministry of Russia, Candidate of Economic sciences, associate professor (Kazan)

Г. Н. ХАДИУЛЛИНА, профессор кафедры экономики, финансового права и информационных технологий в деятельности органов внутренних дел Казанского юридического института МВД России, доктор экономических наук, профессор (г. Казань)

G. N. KHADIULLINA, professor of the Chair of Economics, Financial Law and Information Technologies in the Activities of Internal Affairs Bodies of the Kazan Law Institute of the Interior Ministry of Russia, Doctor of Economic sciences, professor (Kazan)

**ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ
РАСТУЩЕЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ**

**FORMATION OF THE SYSTEM OF INDICATORS OF INFORMATION SECURITY
OF THE RUSSIAN REGIONS IN THE CONDITIONS OF GROWING
UNCERTAINTY OF THE EXTERNAL ENVIRONMENT**

Аннотация. В статье представлен анализ понятийных конструкций «экономическая безопасность», «информационная безопасность» и «безопасность информации», а также обоснован тезис о многоуровневом характере системы национальной безопасности и безопасности региона. Раскрыта необходимость выделения и исследования информационной безопасности региона как фактора разработки и реализации стратегии инновационно ориентированного развития субъекта Российской Федерации. Доказано, что адаптация инструментов управления информационной безопасностью к региональному уровню предполагает необходимость разработки методики оценки показателей угроз безопасности в информационной сфере. Предложена авторская методика экспертной оценки систем информационной безопасности регионов.

Ключевые слова и словосочетания: информатизация экономического пространства, риски и угрозы, информационная безопасность, информационная безопасность региона, расчет показателей, управление информационной безопасностью, экспертная оценка.

Annotation. The article presents the analysis of the conceptual structures «economic security», «information security» and «information security»; and also the thesis about the multi-level nature of the system of national security and security of the region is substantiated. The necessity of identifying and researching information security in the region as a factor in the development and implementation of an innovation-oriented development strategy of a constituent entity of the Russian Federation is

revealed. It is proved that the adaptation of information security management tools to the regional level implies the need to develop a methodology for assessing indicators of security threats in the information sphere. The author's method of expert assessment of information security systems of the regions is proposed.

Keywords and phrases: *informatization of the economic space, risks and threats, information security, information security of the region, calculation of indicators, information security management, expert assessment.*

Становление информационной экономики, проявляющейся в изменении содержания традиционных факторов производства и характера их взаимодействия, превращении информации в самостоятельный ресурс, сопровождается усилением уровня неопределенности внешней среды и угроз для устойчивого функционирования национальной экономической системы. При этом реализация процессов регионализации экономического пространства сопровождается формированием качественно нового объекта управления безопасностью, который представлен системой безопасности региональной экономики.

Иерархический характер системы безопасности национального государственного образования проявляется в выделении в ее составе ряда подсистем, а именно: подсистем экономической, информационной, военной, продовольственной, энергетической, финансовой безопасности, каждая из которых может трактоваться как относительно самостоятельная многоуровневая открытая фрактальная динамическая система. В соответствии с признаком фрактальности (самоподобия) системы национальной безопасности ее региональная составляющая также в своем составе имеет ряд подсистем, одной из которых выступает мезоуровневая система информационной безопасности.

Понятийная конструкция «экономическая безопасность» трактуется как состояние защищенности национальной экономики от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее устойчивый рост экономики, оптимальное удовлетворение общественных потребностей, защиту экономических интересов на региональном, национальном и международном уровнях, несмотря на наличие неблагоприятных внешних и внутренних факторов. Для выявления угроз и анализа информации о состоянии национальной экономики в целом и системы ее безопасности используются

количественная и качественная оценки, результаты которых представлены в виде индикаторов экономической безопасности и их пороговых значений.

Анализ эволюции представлений о содержании понятийной конструкции «информационная безопасность» позволяет сделать вывод, что в настоящее время не существует единого подхода к ее трактовке. В рамках данной статьи информационная безопасность рассматривается в соответствии с положениями Доктрины информационной безопасности Российской Федерации как «состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства» [1]. При этом следует различать «безопасность информации» и «информационную безопасность», поскольку согласно ст. 2 Федерального закона РФ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» под безопасностью информации имеется в виду «безопасность объекта или сведений (сообщений, данных) независимо от формы их представления» [2].

Помимо отсутствия единого подхода к трактовке информационной безопасности и информационной безопасности региона современная экономическая наука не сформулировала системы индикаторов, мониторинг которых мог бы стать исходной точкой для разработки и реализации мероприятий, направленных на предупреждение (преодоление) угроз для устойчивого развития системы. Особое значение данная проблема приобретает в условиях разработки инновационно ориентированных стратегий развития отдельных региональных образований, существенно различающихся по содержанию и уровню эффективности использования ресурсного потенциала.

Реализация инновационного цикла, эффективность диффузии инноваций, воз-

возможности реализации модели открытых инноваций и модели «тройной спирали» [3] с участием государства, бизнеса и образовательных организаций в значительной степени определяются интенсивностью информационного обмена. В этой связи рискообразующие факторы в информационной сфере могут стать существенным препятствием для формирования инновационного цикла сетевого или информационного типа.

Многополюсность российского экономического пространства и наличие существенных различий между субъектами Российской Федерации по уровню информатизации экономических отношений, уровню адаптивности резидентов региональных образований к изменению факторов внешней среды предполагают необходимость разработки методического подхода к оценке угроз и рисков с учетом возможности его применения на мезоуровне. Все это определяет теоретическую и практическую значимость данного исследования.

Традиционно в качестве показателей состояния системы безопасности вне зависимости от ее уровня рассматривают пороговые значения ее индикаторов. При этом при анализе системы национальной безопасности в ее составе выделяются подсистемы, каждая из которых характеризуется совокупностью показателей, что позволяет разрабатывать меры, направленные на предупреждение (преодоление) отдельных видов рисков, а также учитывать состояние подсистем при разработке интегральной оценки системы безопасности в целом. Следует признать, что несколько отдельно взятых индикаторов могут значительно отклоняться от своих пороговых значений, однако в совокупности, дополнив друг друга, они могут достигнуть положительной динамики, обеспечив тем самым безопасность системы.

Широкую известность получил теоретико-методический подход к формированию системы показателей экономической безопасности С. Ю. Глазьева [4, с. 5–6], который нашел применение в программных документах российского государства. Следует согласиться с критериями экономической безопасности системы, которые заключаются в их выполнимости, устойчивости и справедливости, что позволило осуществить выбор

показателей. Следует учитывать, что «критерий экономической безопасности – оценка экономического состояния в аспекте приоритетных процессов, отражающих сущность экономической безопасности» [5].

Научная гипотеза проведенного исследования заключается в предположении о том, что расчет уровня информационной безопасности региона выступает составной частью расчета интегральных показателей инновационного развития. Предложенная в работе комплексная оценка системы информационной безопасности региональной экономики предполагает разработку и анализ системы показателей информационной безопасности экономических агентов, затем расчет интегральных показателей информационной безопасности.

Комплексная оценка результатов развития информационной безопасности региональной экономики проведена с использованием адаптированной к условиям российских регионов методики суммарного инновационного индекса, дополненная показателями развития процессов информатизации территориального образования. Применение предложенного инструментария позволит дать объективную оценку эффективности системы регионального управления информационной безопасностью и динамики инновационного развития, а также может стать основой для сопоставления состояния систем информационной безопасности в различных регионах.

Уровень развития системы информационной безопасности региона отражается в 4 группах показателей, характеризующих состояние ее факторов и результатов, а именно: показатели состояния системы информационной безопасности индивидуума; показатели состояния системы информационной безопасности предприятий – резидентов данного субъекта РФ; показатели состояния системы информационной безопасности государства; показатели качества исполнения функций управления системой безопасности региона.

Рассчитанный для конкретного объекта показатель относится в определенный диапазон и к соответствующему классу, исходя из которого начисляются баллы:

1 класс – 5 баллов (высокий уровень безопасности);

2 класс – 4 балла (уровень выше среднего);

3 класс – 3 балла (средний уровень);

4 класс – 2 балла (уровень ниже среднего);

5 класс – 1 балл (неудовлетворительный уровень).

Полученная сумма баллов показывает, к какому классу может быть отнесена система безопасности данного объекта:

I класс – объекты с надежной системой информационной безопасности, в рамках которой сбалансированы и эффективно реализуются все функции управления ею;

II класс – регионы с отлаженной системой безопасности, в которой наблюдается незначительный дисбаланс в отношении качества исполнения отдельных функций управления;

III класс – регионы, обладающие дееспособной, но нуждающейся в значительном улучшении системой управления информационной безопасностью;

IV класс – регионы, обладающие разбалансированной и часто недееспособной к функционированию системой управления безопасностью;

V класс – регионы, обладающие недееспособной к предупреждению угроз информационной безопасности (преодоление последствий реализации рисков информационной безопасности; развитие региона осуществляется за счет внешней ресурсной поддержки) (см. табл. 1).

Безопасное функционирование экономики необходимо надежно обеспечивать. Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации под обеспечением экономической безопасности соответствующего объекта безопасности понимается «целенаправленная деятельность по выявлению, предупреждению и нейтрализации (ликвидации) угроз жизненно важным экономическим интересам этого объекта, осуществляемая им непосредственно или с помощью имеющих в его распоряжении (привлеченных

им) специалистов, созданных им специализированных органов, привлеченных специализированных организаций» [6]. При этом обеспечение экономической безопасности может осуществляться на нескольких уровнях – отдельно взятой личности, организации (предприятия), региона, государства и всего человечества в целом.

Таким образом, качественная и количественная оценки безопасности национального государства и входящие в его состав региональные образования имеют весомую практическую ценность для принятия эффективных управленческих решений, позволяют обобщать, систематизировать и анализировать информацию о состоянии и направлениях развития на основе учета рискообразующих факторов, создавать основу для тактического и стратегического планирования с учетом кратко- и долгосрочных целевых ориентиров и задач.

Следует отметить, что разработка подобных методик позволит улучшить результативность применения инструментов регионального управления и входящих в их состав инструментов управления информационной безопасностью.

Управление информационной безопасностью отдельных регионов представляет собой целенаправленную деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, субъектов предпринимательства и некоммерческих организаций, а также граждан по выявлению, предупреждению и нейтрализации (ликвидации) угроз жизненно важным экономическим интересам личности, общества и государства, возникающих в информационной сфере. При этом состав инструментов управления и порядок их применения определяется принадлежностью региона к одному из выявленных типов, различающихся по составу угроз и уровню их проявления, которые могут быть определены с использованием предложенной методики.

Таблица 1

Рейтинговая методика оценки системы управления
информационной безопасностью региональной экономики

№	Показатель	1 класс	2 класс	3 класс	4 класс	5 класс
1	2	3	4	5	6	7
1. Основные показатели состояния системы информационной безопасности индивидуума						
1.	Защищенность персональных данных	Очень высокая	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая
2.	Защищенность информации: – о счетах	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая	Очень низкая
3.	– о контактах	Очень высокая	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая
4.	– о сфере деятельности	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая	Очень низкая
5.	– о служебных конфликтах	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая	Очень низкая
6.	– о личных конфликтах	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая	Очень низкая
2. Основные показатели состояния системы информационной безопасности предприятия						
Инсайдерская информация						
7.	О готовящейся смене руководства	Очень высокая	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая
8.	О новой стратегии	Очень высокая	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая
9.	О подготовке к выпуску нового продукта	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая	Очень низкая
10.	О внедрении новой технологии	Очень высокая	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая
11.	Об успешных переговорах слияния компаний	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая	Очень низкая
12.	Об идущей скупке контрольного пакета акций	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая	Очень низкая
13.	О материалах финансовой отчетности	Очень высокая	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая
14.	О прогнозах, свидетельствах о трудностях компании	Очень высокая	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая
15.	О тендерном предложении (на торгах) до его раскрытия публике	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая	Очень низкая
16.	О списке аффилированных лиц	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая	Очень низкая
17.	О принятых решениях итогов торгов (тендеров)	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая	Очень низкая
18.	Полученная в ходе проводимых проверок	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая	Очень низкая
19.	О результатах проверок	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая	Очень низкая

1	2	3	4	5	6	7
20.	О выдаче, приостановлении действия или об аннулировании (отзыве) лицензий (разрешений, аккредитаций) на осуществление определенных видов деятельности и иных разрешений	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая	Очень низкая
21.	О принятых решениях о привлечении к ответственности лиц, а также о применении к указанным лицам иных санкций	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая	Очень низкая
22.	О продукте (товаре, услуге)	Очень	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая
Информация о контактах						
23.	Поставщики сырья	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая	Очень низкая
24.	Поставщики услуг	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая	Очень низкая
25.	Поставщиков продукции	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая	Очень низкая
26.	Информаторы	Очень высокая	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая
27.	Покупатели	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая	Очень низкая
28.	Личные контакты руководства	Очень высокая	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая
29.	Возможности оперативного решения вопросов	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая	Очень низкая
30.	– о технологии; – о сырье; – о счетах; – об обналичивании (выводе средств)	Очень высокая	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая
3. Основные показатели состояния системы информационной безопасности региона						
31.	Уровень защищенности государственной тайны	Очень высокая	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая
32.	О предстоящей внешнеэкономической ситуации (санкции, холодная война)	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая	Очень низкая
33.	О перспективах развития	Очень высокая	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая
34.	О перспективах сотрудничества с другими странами	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая	Очень низкая
35.	О шпионаже	Очень высокая	Высокая	Средняя	Допустимая	Низкая

1	2	3	4	5	6	7
36.	Дезинформация	Средняя	Высокая	Допустимая	Низкая	Незащищенность
4. Уровень обеспечения информационной безопасности региона						
37.	Количество посягательств на ИБ по отношению к общему количеству угроз	0–10 %	10–20 %	20–30 %	30–50 %	Более 50 %
38.	Доля поражения вредоносными программами целостности системы от общего числа опасных угроз	До 5 %	5–10%	10–20 %	20–30 %	От 40 %
39.	Число аппаратных и программных сбоев	0	1 раз в 5–10 лет	1\3–5	1 раз в 2 год	1–2 раза в год
40.	Доля затрат на исследования и обеспечение ИБ	3,5 % и выше	1–3,5 %	1 %	Ниже 1 %	0 %
41.	Финансовые потери, вызванные различными типами угроз ИБ (в процентном выражении, по отношению к годовой прибыли)	До 3 %	3–10 %	10–20 %	20–30 %	30 % и более

ЛИТЕРАТУРА

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ от 9 сентября 2000 г. № Пр-1895) // СПС «Гарант».
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (с изм. и доп.) // СПС «Гарант».
3. Ицковиц Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии / под ред. А. Ф. Уварова. Томск: Изд-во Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, 2010.
4. Глазьев С. Ю. Основа обеспечения экономической безопасности страны: альтернативный реформационный курс // Российский экономический журнал. 1997. № 1.
5. Новикова И. В., Красников Н. И. Индикаторы экономической безопасности региона // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 330.
6. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. (утв. Указом Президента РФ 12 мая 2009 г. № 537) // СПС «Гарант».

© Шевко Н. Р.
© Хадиуллина Г. Н.

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 340.692:[343.985.7:343.61]:614.256(470)

А. В. ВАСИЛЬЧЕНКО, доцент кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, кандидат медицинских наук, доцент (г. Уфа)

A. V. VASILCHENKO, associate professor of the Chair Criminalistics of Ufa Law Institute of the Interior Ministry of Russia, Candidate of Medical sciences, associate professor (Ufa)

**ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХ
ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

**FEATURES OF APPOINTMENT AND CARRYING OUT FORENSIC EXAMINATIONS
IN THE INVESTIGATION OF IATROGENIC CRIMES**

***Аннотация.** В работе рассматриваются вопросы назначения и проведения судебно-медицинских экспертиз по уголовным делам, связанным с ненадлежащим выполнением медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей. Рассмотрены основные причины роста числа судебно-медицинских экспертиз по делам подобного рода. Представлены особенности назначения, проблемы проведения и вопросы совершенствования данного вида экспертиз. Отражена необходимость мероприятий по совершенствованию методологической и правовой базы судебно-медицинской экспертизы по делам данной категории.*

***Ключевые слова и словосочетания:** медицинский работник, судебно-медицинская экспертиза, профессиональные обязанности, ятрогенные преступления.*

***Annotation.** The paper deals with the appointment and conduct of the appointment and conduct of forensic examinations in criminal cases related to the improper performance of medical workers of their professional duties. The main reasons for the increase in the number of forensic examinations in cases of this kind are considered. The peculiarities of the destination, the problems and questions of perfection of this kind of expertise. The necessity of measures to improve the methodological and legal basis of forensic medical examination in cases of this category is reflected.*

***Keywords and phrases:** medical worker, forensic medical examination, professional duties, iatrogenic crimes.*

Проблема уголовной ответственности медицинских работников за ненадлежащее выполнение профессиональных обязанностей остается одной из наименее изученных и наиболее актуальных. В последние годы отмечается неуклонный рост числа заявлений граждан на ненадлежащее оказание медицинских услуг и возбужденных уголовных дел в отношении медицинских работников по «ятрогенным преступлениям» [1, с. 68; 2, с. 74].

Предвзятое освещение в средствах массовой информации и сети «Интернет» деятельности медицинских работников и медицинских учреждений, увеличение числа

юристов и независимых экспертов, специализирующихся на делах подобного рода, тенденция судебных решений, направленная на признание вины медицинского работника при разбирательстве случаев неблагоприятного исхода (тяжкий вред здоровью, смерть) при оказании медицинской помощи, способствовали значительному росту жалоб населения на ненадлежащее оказание медицинских услуг и увеличению числа «ятрогенных» уголовных дел. Все это происходит на фоне активного поиска дефектов оказания медицинской помощи страховыми организациями и стремления руководителей учреж-

дений здравоохранения переложить ответственность на конкретного медицинского работника.

Термин «ятрогения», имеющий под собой древнегреческие основы (*iatros* – врач и *γενναο* – создавать), довольно широкое понятие и включает в себя множество разных трактовок и определений. Согласно официальному определению Международной классификации болезней десятого пересмотра под ятрогенией понимают любые нежелательные или неблагоприятные последствия профилактических, диагностических и лечебных вмешательств либо процедур, которые приводят к нарушениям функций организма, ограничению привычной деятельности, инвалидности или даже смерти; осложнения медицинских мероприятий, развивающиеся в результате как ошибочных, так и правильных действий врача [3].

В свою очередь в законодательстве Российской Федерации термин ятрогения не используется, однако в юридической терминологии в более узком понятии подразумевает под собой «патологию диагностики и лечения как случаи вреда, наносимого пациенту в результате любых диагностических и лечебных процедур» [4, с. 4].

В качестве основных критериев уголовной ответственности медицинских работников за «профессиональные преступления» выделяют неумышленное причинение тяжкого вреда здоровью или смерти (по неосторожности), где субъект преступления – медицинский работник при исполнении своих профессиональных обязанностей, объект преступления – жизнь и здоровье человека [5, с. 74].

К наиболее распространенным ятрогенным преступлениям, совершаемым в сфере оказания медицинских услуг, относятся:

– причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 109 УК РФ);

– неоказание помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным ее оказывать в соответствии с законом или со специальным правилом, если оно повлекло по неосторожности смерть больного либо причинение тяжкого вреда его здоровью (ч. 2 ст. 124 УК РФ);

– оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни потребителей,

повлекших по неосторожности смерть человека (п. «в» чч. 2 и 3 ст. 238 УК РФ);

– халатность, повлекшая по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека (чч. 2 и 3 ст. 293 УК РФ) [4, с. 8].

Следует отметить, что сотрудники правоохранительных органов, не обладая специальными познаниями в области медицины, как при проведении доследственной проверки, так и при расследовании уголовных дел подобного рода, вынуждены обращаться за помощью к специалистам. При расследовании преступлений ятрогенного характера наиболее частым способом использования специальных знаний является судебно-медицинская экспертиза.

Вопросы судебно-медицинской оценки случаев причинения тяжкого вреда здоровью или смерти при выполнении медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей относятся к разряду наиболее сложных видов экспертной деятельности. В качестве объектов судебно-медицинской экспертизы могут выступать живые лица, трупы, медицинская документация, иные вещественные доказательства (контейнеры для переливания крови и ее компонентов, лекарственные препараты и пр.).

Целью назначения судебно-медицинской экспертизы является определение механизма случая причинения вреда здоровью или смерти пациента при оказании медицинской помощи, изучение временной последовательности и действий (бездействий) медицинских работников при выполнении ими профессиональных обязанностей, определение их соответствия требованиям медицинских протоколов и правил; выявление на каком этапе, кем и каким образом был допущен дефект оказания медицинской помощи, какие меры были приняты по его устранению, каковы их результаты, какие факторы способствовали неблагоприятному исходу травмы или болезни, наличие причинно-следственной связи между дефектом оказания медицинской помощи и неблагоприятным исходом.

Отличительной особенностью экспертиз по уголовным делам ятрогенного характера является их комплексность. К проведению экспертиз на платной основе привлекаются опытные специалисты по различным специ-

альностям, не входящие в состав экспертных учреждений. В последнее время для повышения степени объективности судебно-медицинских экспертиз имеется тенденция их назначения в государственные экспертные учреждения здравоохранения других регионов либо привлечения к проведению экспертиз специалистов судебно-экспертных учреждений Министерства обороны Российской Федерации.

На протяжении многих лет главенствующую роль в объективном установлении истины по каждому конкретному случаю играла судебно-медицинская экспертиза. Однако в последние годы отмечаются попытки подмены заключения эксперта по результатам судебно-медицинской экспертизы заключениями экспертов от страховых организаций, фактически являющихся заинтересованной стороной в рассмотрении дела [6, с. 78]. Стандартизация является одним из признанных методов повышения качества медицинской помощи [2, с. 99]. Однако стандарты экспертной оценки качества оказания медицинской помощи отсутствуют. Это зачастую ведет к двоякой трактовке действий медицинских работников. Не секрет, что выявление страховой организацией недостатков в лечении больного является поводом для удержания страховых выплат денежных средств от страховой организации медицинской организации. Кроме того, отмечаются часто встречающиеся грубые ошибки в методике проведения экспертиз экспертами страховых организаций. Обращение за помощью к экспертам негосударственных экспертных организаций также ведет к необъективному характеру заключений, уклону формирования выводов эксперта в сторону лица ходатайствующего о назначении экспертизы. Это обуславливает необходимость обязательного назначения судебно-медицинских экспертиз по уголовным делам в государственных судебно-экспертных учреждениях, применения четких утвержденных Министерством здравоохранения Российской Федерации стандартов экспертной оценки оказания медицинской помощи по различным нозологиям.

Проблемы расследования преступлений ятрогенного характера обусловлены также отсутствием в законодательстве термина «преступление, совершенное медицинскими работниками», четких формулировок признаков

элементов состава преступления, отдельной статьи, регламентирующей уголовную ответственность медицинских работников за «профессиональные преступления».

Ситуацию усугубляет размытость критериев судебно-медицинской оценки и отсутствие единой трактовки при квалификации нарушений профессиональной деятельности медицинских работников [7, с. 69].

Разработанные в 2015 году ФГБУ «Российский центр судебно-медицинской экспертизы» методические рекомендации «Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи» [8] излагают лишь общие принципы методики проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей между дефектом оказания помощи и неблагоприятным исходом заболевания или травмы. В рекомендациях по делам данной категории предлагается ориентироваться на стандарты медицинской помощи и клинические протоколы лечения. При этом Национальные протоколы диагностики и лечения большинства заболеваний, а также протоколы ведения пациентов с несколькими сопутствующими заболеваниями и протоколы по уходу за пожилыми пациентами до сих пор не разработаны. Сложившаяся ситуация усугубляет рост коморбидной патологии и демографическое старение населения.

Кроме того, имеет место несовершенство критериев оценки действий медицинских работников при расследовании совершенных ими профессиональных правонарушений. В частности, при оказании медицинской помощи в учреждении здравоохранения, как правило, причинение вреда носит системный характер, т. е. медицинские услуги в учреждении здравоохранения оказываются несколькими работниками из разных служб (отделений) данного учреждения. При этом зачастую наблюдаются дефекты в организации взаимодействия данных служб, этапности оказания услуг, превышении временного лимита ожидания медицинской услуги и пр., которые могут явиться ведущим фактором причинения вреда (смерти) пациенту. На практике в качестве основной причинно-следственной связи неблагоприятного исхода болезни рассматриваются конкрет-

ные действия того или иного медицинского специалиста без учета нарушений в организации оказания медицинской помощи.

Отсутствие в ряде случаев четкой регламентации в организации деятельности и взаимодействия различных служб в лечебных учреждениях, отсутствие утвержденных протоколов по диагностике и лечению ряда патологий не способствуют выполнению медицинским работником своих профессиональных обязанностей надлежащим образом. Это ведет к росту напряженности при выполнении медицинскими работниками своих обязанностей, боязни совершения ошибок, минимизации проведения лечебно-диагностических мероприятий, текучести кадров, а также затрудняет судебно-медицинскую оценку качества оказания медицинской помощи пациенту, дает возможность неоднозначной и субъективной трактовки действий медицинского работника.

Вышеуказанные факты свидетельствуют о необходимости пересмотра критериев оценки оказания медицинской помощи пациентам, изменения подхода к установлению причинно-следственных связей ятрогенных повреждений, дефектов оказания медицинской помощи.

При экспертном исследовании ситуации причинения вреда (или смерти) пациенту необходимо учитывать как общие, так и частные характеристики заболевания (травмы). Особое внимание следует уделять уровню организации лечебно-диагностического процесса в учреждении здравоохранения, технической оснащенности отделения (специалиста), выполнению требований нормативных правовых актов Министерства здравоохранения Российской Федерации. Выводы эксперта должны включать не только установление причинно-следственной связи между неблагоприятным исходом и действиями конкретного специалиста, но и иные обстоятельства, повлиявшие на исход лечения.

Исходя из вышеизложенного, достоверность и допустимость заключения эксперта в качестве доказательства обуславливает необходимость комплексного подхода к исследованию, включающего в себя: составление экспертом версий причин неблагоприятного исхода болезни или травмы, всесторонний анализ самого заболевания или травмы, анализ организации и материально-технического обеспечения оказания медицинских услуг в учреждении здравоохранения, анализ своевременности и адекватности лечебно-диагностических мероприятий болезни или травмы, анализ результатов лечебно-диагностических мероприятий, установление причинно-следственных связей между ними и исходом патологического процесса. Помимо основной причины неблагоприятного исхода патологического процесса указываются и иные причины, которые способствовали причинению вреда или смерти пациента.

Таким образом, заключение комиссионной судебно-медицинской экспертизы должно являться основным источником доказательств по уголовным делам, связанным с ненадлежащим выполнением медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей данной категории, и иметь решающее значение при оценке качества оказания медицинской помощи, установления причинно-следственных связей между дефектами в оказании медицинской помощи и вредом здоровью или смертью пациента, а также иных обстоятельств случившегося. Отсутствие стандартов оказания медицинской помощи и экспертной оценки по большинству нозологий, размытость критериев юридической квалификации действий медицинских работников в случае выявления дефектов в оказании медицинской помощи обуславливают необходимость совершенствования методологической и правовой базы судебно-медицинской экспертизы по материалам уголовных дел данной категории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Идрисов Н. Т. К вопросу об уголовной ответственности за ненадлежащее оказание медицинских услуг в России: история, реальность, перспективы // Медицинское право: теория и практика. 2018. № 1.

2. Калинин Р. Э., Баринов Е. Х. Судебно-медицинская оценка безопасности медицинской помощи: новые требования и новые вызовы // Медицинское право: теория и практика. 2018. № 1.
3. Кирова Т. А., Куранов В. Г. К вопросу о конкретизации мер уголовной ответственности медицинских работников // Медицинское право: теория и практика. 2018. № 2.
4. Ковалев А. В. Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи: методические рекомендации (утв. Минздравом России 21.06.2017). М.: ФГБУ «Российский центр судебно-медицинской экспертизы» Минздрава России, 2017.
5. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем. Десятый пересмотр (МКБ-10, 1СЭ-10) // СПС «Гарант».
6. Налётова Д. М., Борисов А. В. О применении «Стандарта экспертной диагностики» в рутинной судебно-медицинской практике // Медицинское право: теория и практика. 2018. № 1.
7. Пиндюрин К. Е. Необходимость уголовной ответственности медицинских работников: сравнительный анализ ситуации в России и Великобритании // Медицинское право: теория и практика. 2018. № 2.
8. Расследование преступлений, совершенных медицинскими работниками по неосторожности (ятрогенных преступлений): учебно-методическое пособие / под ред. А. М. Багмета. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018.

© Васильченко А. В.

**ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ.
ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

УДК [316.77+37.01]:351.74.078(470)

С. Р. АСЯНОВА, преподаватель кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат педагогических наук (г. Уфа)

S. R. ASYANOVA, teacher of the Chair of Pedagogic and Psychology in the Activity of Employees of the Internal Affairs bodies of Ufa Law Institute of the Interior Ministry of Russia, Candidate of Pedagogical sciences (Ufa)

**ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ
В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**FUNDAMENTALS OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL TECHNIQUES
IN LAW ENFORCEMENT ACTIVITY**

Аннотация. На современном этапе развития правоохранительной деятельности изучение коммуникативной составляющей служебных будней сотрудников органов внутренних дел – это уже далеко не эмпирический продукт. Огромный вклад в поддержку развития коммуникативных компетенций вносят такие науки, как педагогика и психология. Автор рассматривает психологическую и педагогическую технику в качестве основных методов формирования навыков вербального и невербального общения сотрудников полиции при решении оперативно-служебных задач. Приведенные в статье виды техник могут использоваться также при обучении курсантов образовательных организаций системы МВД России.

Ключевые слова и словосочетания: психология, педагогика, коммуникация, речь, общение сотрудников, профессиограмма, выразительность речи.

Annotation. *At the present stage of law enforcement development, the study of the communicative component of everyday life of employees of internal Affairs bodies is not an empirical product. Such Sciences as pedagogy and psychology make a huge contribution to the development of communicative competences. The author considers psychological and pedagogical techniques as the main methods of forming skills of verbal and non-verbal communication of police officers in solving operational tasks. The types of techniques given in the article can also be used in teaching cadets of educational organizations of the Ministry of internal Affairs of Russia.*

Keywords and phrases: *psychology, pedagogy, communication, speech, communication of employees, job analysis, expressive ntss of speech.*

Слово «техника» в своем звучании имеет древнегреческое «*techné*» – искусственный, искусство, мастерство. Совокупность операций, частота и приемов выполнения определенных действий, образующих его внешнюю и внутреннюю стороны, называется техникой выполнения. Грамотно выстроенная, эффективная и действенная техника – неперемное условие результативности любого вида деятельности [1, с. 52].

Психологическая и педагогическая техника в деятельности сотрудников органов внутренних дел (как и в других видах деятельности) предусматривает в своей основе владение тем, что присуще каждому человеку – коммуникативными навыками, голосом, мимикой, жестами, походкой, позой, осанкой, формой одежды, привычками, поведением и т. д. Когда эти качества проявляются в психологических и педагогических целях, то они выступают в роли основных психологических и педагогических средств. При выполнении психологических и педагогических действий, к примеру, в рамках правоохранительной деятельности, они играют значительную роль, так как направлены на решение определенных задач и достижение конкретных целей. Результат в решении служебных задач может быть достигнут в случаях, когда сотрудник правоохранительных органов ясно понимает, грамотно и целенаправленно использует в своей коммуникации основные психологические и педагогические действия (см. рис. 1). Если сами действия отвечают на вопрос «Что делать?», то техника их выполнения – на вопрос «Как?». Соответственно, техника выполнения этих действий отличается, так как изначально преследует свои уникальные цели, т. е. у каждой из них должен быть психологический либо педаго-

гический результат. Вместе с тем допускается комплексирование психологических и педагогических действий, что выражается в психолого-педагогическом сопровождении, анализе, наблюдении, поддержке и т. д.

Важно отметить, что в правоохранительной деятельности указанные психологические и педагогические техники проявляются в подавляющем своем большинстве исключительно через коммуникативные компетенции сотрудников и играют основную роль, обеспечивая достижение высоких результатов при решении оперативно-служебных задач [2, с. 5]. При этом техника рассматриваемых действий, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, должна выполняться с соблюдением правил, регламентирующих правоохранительную деятельность. Таким образом, психологическая и педагогическая техника в правоохранительной деятельности – это совокупность психологических и педагогических действий, средств, приемов и правил, используемых сотрудниками органов внутренних дел в интересах решения оперативно-служебных задач [3, с. 16]. Исследователи на основе практики совершенствуют апробированные психологией и педагогикой эффективные методы, позволяющие отличить профессионального сотрудника правоохранительных органов от дилетанта и формалиста.

Итак, психологическая и педагогическая техника в решении коммуникативных задач начинается с элементарных навыков и умений сотрудника органов внутренних дел пользоваться словом и речью [4, с. 79]. В профессии юриста слово обладает решающей силой. Именно поэтому сотруднику очень важно знать цену слова, уметь подбирать соответствующий тон при произношении речи.

Рис. 1. Психологические и педагогические действия, используемые сотрудниками ОВД при решении оперативно-служебных задач

Коммуникативные возможности, помимо владения юридическими терминами, связаны с богатством словарного запаса, точным словоупотреблением, т. е. использованием слова или словосочетаний в соответствии с прямым их значением. Это предоставляет возможность демонстрировать речь в самом ярком, точном и доказательном ее проявлении. Для

этого и необходимо проявлять любознательность, интересоваться неологизмами, понимать семантику и запоминать фонетику незнакомых слов и словосочетаний.

Возможности коммуникативных компетенций сотрудников полиции связаны с культурой словесной подачи мыслеобразов и оборотов речи. Коммуникативная компетен-

ция сотрудника оценивается высоко в случаях умелого использования образов исторических событий и литературных героев. Особую окраску речи придают отрывки стихотворных произведений, крылатые выражения, афоризмы, народные пословицы, поговорки, притчи, поучительные истории и т. д. Удачно выбранный эпитет или простое слово могут украсить речь настолько, что все сказанное ранее потеряет смысл. Культура речи и коммуникативные компетенции проявляются также в умении излагать мысли логично, ясно и точно.

Отсутствие слов-паразитов («значит», «получается», «короче», «ну», «как говорится», «так сказать» и др.) и неуместных посторонних звуков («э-э-э», «ага», «угу», «м-м-м» и др.) – одно из обязательных условий, демонстрирующих чистоту речи и, как следствие, коммуникативные компетенции. Многословие и непонятность речи сотрудников полиции, их жадность на пояснение трудно воспринимаемых слов, произношение ими специализированных терминов, их нежелание пояснить значение узкопрофессиональных выражений – все это порождает негатив граждан по отношению к правоохранительной системе. Сотрудник органов внутренних дел может идеально знать нормативные акты, помнить статьи законов и умело цитировать специальную литературу и пр. Но этот талант, демонстрирующий хорошую память сотрудника полиции, при условии, что его речь скудна, бесцветна и изобилует затасканными малозначащими выражениями, сводит на нет его профессиональными знания, умения и навыки.

Психологическая и педагогическая техника при формировании коммуникативных компетенций должны опираться на умения сотрудника полиции пользоваться выразительными возможностями речи.

Педагогически совершенная речь сотрудника полиции должна отличаться ясностью проговариваемой мысли, выразительностью каждого слова и словосочетания, демонстрацией интонации, четкостью произношения, уместной громкостью, включением в речь различных словесных оборотов, ярких выражений, уменьшительных и ласкательных слов, дидактических повторений и подытоживаний.

Как показывает практика, речь сотрудника органов внутренних дел имеет боль-

шую эффективность в случаях, если сопровождается комплексом неречевых средств, такими как мимика, жесты, стойка, поза, осанка и походка говорящего. В проявлениях этих средств порой больше искренности, доброжелательности, сомнений, красноречия, лживости или равнодушия. Иногда эти средства вносят более весомый вклад в действенность речи сотрудника полиции, чем его слова. Соответственно, гражданами такая монологическая речь может восприниматься совершенно иначе. Учитывая, что мимика, пантомимика, осанка, походка, стойка, поза влияют на восприятие речи, сотрудник полиции может усиливать свои коммуникативные компетенции, придавая им особый смысл при помощи неречевых средств.

Профессия сотрудника полиции относится к числу видов деятельности, где неприемлемы раздвоения между смысловой частью (содержанием) речи и неречевыми средствами. Иначе слова сотрудника могут приобрести противоположный смысл, а собеседник (очень часто по роду деятельности ими выступают криминальные элементы – подозреваемые, обвиняемые и т. д.) может «считать» неуверенность, сомнения, страх сотрудника полиции. В этой связи психологическая и педагогическая техника призваны сработать на формирование положительного имиджа сотрудника органов внутренних дел. В данном контексте важно учитывать, что впечатление создается на основе продуманного и умелого использования сотрудником всех речевых и неречевых средств формирования коммуникативных компетенций [5, с. 34].

Психология и педагогика юридической профессии исследуют психологическую и педагогическую закономерность в органах внутренних дел и изучают особенности службы сотрудников с позиции профессиограммы. Каждая из сторон профессиограммы юридических профессий отражает: во-первых, определенный цикл профессиональной деятельности; во-вторых, в ней реализуются личностные качества, навыки, умения, а также знания, которые обеспечивают профессиональный успех на этом уровне деятельности [6, с. 46; 7, с. 277]. Профессиограмма сотрудника полиции представляет собой многоуровневую иерархическую структуру, которая, охватывая все стороны служебной деятельности, не оставляет без внимания

личностные качества. Профессиональные навыки и умения сотрудника в данной профессиограмме предстают в тесной взаимосвязи и зависимости. При этом ни одна из подструктур не может быть представлена без сопровождения коммуникативных компетенций сотрудника полиции (см. рис. 2).

Подробнее разберем коммуникативную составляющую профессиограммы сотрудника полиции, охватывающую все виды деятельности органов внутренних дел.

Основа профессиограммы представлена поисковой стороной деятельности, которая призвана к раскрытию преступления (право-

Рис. 2. Структура профессиограммы сотрудника ОВД

нарушения) и заключается в собирании исходного материала и всевозможной информации для достижения конечного результата. Связь данной деятельности с коммуникативными компетенциями сотрудников органов внутренних дел очевидна: своевременно собранный материал позволяет с достоверностью реконструировать хронику событий на месте преступления (происшествия), строго следуя требованиям закона. Наряду с профессиональными навыками и юридическими знаниями, важное место занимают личностные факторы сотрудника (навыки речи, письма, грамотности и т. д.). Эффективность работы по сбору доказательств в большей степени зависит от качества коммуникативного взаимодействия, которое сотруднику приходится проявлять с первого дня службы. Специальные научные знания в разных областях (криминалистика, юриспруденция, логика и др.) блекнут на фоне неумело организованного общения сотрудника с собеседниками. Победить в словесной атаке ему могут помочь только специальные научные знания в области психологии и педагогики и постоянная коммуникативная практика [8, с. 287]. Такие действия, как умение вести допрос, в ходе общения организовать свое психическое состояние, грамотно управлять волевой сферой, контролировать эмоции (в рамках закона и эмоции оппонента), являются одними из самых важных в становлении его как профессионала.

Вся информация, добытая в ходе коммуникационного взаимодействия в рамках достоверительной деятельности, находит отражение в специальных формах, предусмотренных законом (постановления, протоколы, акты, другие бланки и формы). Для грамотного завершения данного этапа сотруднику необходимо владеть письменной речью и иметь навыки оперативного перевода устной речи в кодированную письменную.

Коммуникативные компетенции сопровождают сотрудника полиции и в рамках организационной деятельности. Организовать расследование, принимать ответственные решения, достигать реализации исполнителями обозначенных установок и поручений – это повседневная деятельность любого сотрудника полиции, с утра до позднего вечера сопровождаемая общением различных форм [9, с. 123].

Следующий уровень – реконструктивная деятельность. Ни одна из задач этого блока не решается без речевой коммуникации: переработать имеющуюся информацию, принять решение по существу рассматриваемого дела – эти и многие другие действия по восстановлению хроники событий на месте происшествия невозможны без вербальных и невербальных средств общения. На данном уровне профессиограммы коммуникативные компетенции сотрудника органов внутренних дел проявляются во всем своем многообразии, т. к. реконструктивная подструктура предусматривает переработку исходной информации, составление плана расследования (либо проводимого мероприятия), выдвижение гипотез и версий.

Завершающим блоком профессиограммы является социальная деятельность сотрудника полиции, которая, как и все предыдущие, немыслима без коммуникативных компетенций. На данном уровне сотрудник полиции выступает как организатор, наблюдатель, анализатор и т. д. При этом основным условием является быть избирательным в собранной информации и из имеющегося материала отобрать необходимое и важное для расследования.

Таким образом, коммуникативная компетентность как вид делового общения характеризуется регламентированностью, наличием содержательности и различных средств общения и выдвигает на первый план социальную роль, которую играет представитель той или иной службы [10, с. 133].

Деятельность сотрудников органов внутренних дел основана на творческом подходе, одна из характерных ее особенностей – коммуникации с гражданами. Важнейшее направление правоохранительной деятельности – коммуникативное – в своей основе предполагает сбор, обработку и анализ разнообразной информации. Данная работа не может организовываться без психологической и педагогической техники, так как задача сотрудников правоохранительных органов изначально предусматривает работу с информацией, получаемой от граждан и для граждан. Любой такой контакт с людьми подразумевает речевое общение и должен выстраиваться на основе научных знаний, которые предлагают психологические и педагогические науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаязов А. С. Образование и образованность гражданина в современном мире. М., 2003.
2. Пенионжек Е. В. Педагогические основы воспитательной работы в органах внутренних дел: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России. 2016.
3. Асянова С. Р. Педагогические аспекты повышения эффективности коммуникаций участников дорожного движения: монография. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2018.
4. Кораблев С. Е. Тренинг развития коммуникативной компетенции сотрудников правоохранительных органов: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЦОКР МВД России, 2009.
5. Браженская Н. Е. Педагогические основы воспитательной работы в органах внутренних дел: учебное пособие. Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России, 2017.
6. Мансурова З. Р. Особенности профессиограммы сотрудников правоохранительных органов как государственных служащих // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2018. № 10-4.
7. Васильев В. Л. Юридическая психология. СПб.: Питер, 2001.
8. Гареева Э. В., Асянова С. Р. Особенности планирования расследования дорожно-транспортных преступлений, совершенных водителями в состоянии опьянения // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 3А.
9. Асянова С. Р. Содержание принципов планирования расследования преступлений // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы II Международной научной конференции (г. Пермь, январь 2014 г.). Пермь: Меркурий, 2014.
10. Мерманн Э. Коммуникация и коммуникабельность. Практические рекомендации для открытой коммуникации. 2-е изд., испр. Х.: Гуманитарный Центр, 2015.

© Асянова С. Р.

УДК 378.6.351.74.015.3(470)

Л. Г. БИКЧИНТАЕВА, доцент кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России, кандидат психологических наук, доцент (г. Уфа)

L. G. BIKCHINTAYEVA, associate professor of the Chair of Pedagogic and Psychology in the Activity of Employers of the Internal Affairs bodies of Ufa Law Institute of the Interior Ministry of Russia, Candidate of Psychology, associate professor (Ufa)

**АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ
ОБУЧАЮЩИХСЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ**

**PRIORITY TASKS OF FORMING PROFESSIONAL AND PSYCHOLOGICAL
PREPAREDNESS OF CADETS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS
OF THE INTERIOR MINISTRY OF RUSSIA**

Аннотация. Целью настоящей статьи является анализ актуальных задач формирования профессионально-психологической подготовленности обучающихся образовательных организаций системы МВД России при реализации компетентностного подхода. В статье описывается соотношение понятий специально-юридической обученности и профессионально-психологи-

ческой подготовленности с понятиями компетенции, способности, знания, умения и навыки. Также рассматриваются тематические планы и требования к знаниям, умениям и владению по психологическим дисциплинам с точки зрения обеспечения формирования определенных компетенций.

Ключевые слова и словосочетания: профессионально-психологическая подготовленность, специально-юридическая обученность, профессионально-психологические знания, профессионально-психологические умения, общекультурные компетенции, профессиональные компетенции.

Annotation. The aim of the article is to analyze the priority tasks of forming professional and psychological preparedness of cadets of educational organizations of the Interior Ministry of Internal Affairs of Russia in the implementation of the competence approach. The article describes the relationship between the concepts of specifically-legal training and professional and psychological preparedness with the concepts of competence, ability, knowledge, skills and experience. It also considers thematic plans and requirements for knowledge, skills and knowledge of psychological disciplines in terms of ensuring the formation of certain competencies.

Keywords and phrases: professional psychological preparedness, special legal training, professional psychological knowledge, professional psychological skills, general cultural competence, professional competence.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности (уровень специалитета), утвержденный Министерством образования и науки Российской Федерации 19 декабря 2016 г., основанный на компетентностном принципе, определяет основные требования к результатам освоения программы специалитета, в процессе освоения которой у обучающихся должны быть сформированы следующие базовые компетенции: общекультурные, общепрофессиональные, профессиональные и профессионально-специализированные. Каждая из них, обладая относительной самостоятельностью, в государственном стандарте представлена как совокупность компетенций [1, с. 144].

В юриспруденции компетенция определяется в качестве совокупности юридически установленных полномочий, прав и обязанностей должностных лиц или конкретных органов. Умение использовать знания на практике, а также владение практическими технологиями являются признаками проявления компетенции [2, с. 101]. Часто компетенция определяется через понятие готовности к использованию приобретаемых знаний, умений и навыков для достижения профессиональных результатов [3, с. 169].

Структурные компоненты компетенций в виде знаний, умений, навыков, способно-

стей имеют следующее соотношение. Господствуя в деятельности, умения служат механизмами способностей, а навыки как автоматизированные умения составляют техническую основу деятельности. Способности проявляются в виде успешности и качественного своеобразия при освоении и реализации психических функций. Основой формируемых умений в качестве конкретных действий являются взаимообусловленные и органически связанные с ними знания как абстрактные (идеальные) действия, зафиксированные в языковых и логических формах [4, с. 51–53].

Выпускник образовательной организации системы МВД России, освоивший программу специалитета по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности, должен обладать 12 общекультурными и 24 профессиональными компетенциями. Если общекультурные компетенции обеспечивают основу выполнения сотрудниками своих обязанностей, то профессиональные компетенции позволяют выполнять профессиональную деятельность на высоком уровне продуктивности [5, с. 159].

Для успешного формирования и развития компетенций, обеспечивающих профессионально-психологическую подготовленность сотрудника полиции, решения задачи отбора содержания учебных дисциплин и оценки образовательных результатов не-

обходимо рассмотреть основные понятия, связанные с процессом подготовки обучающихся образовательных организаций системы МВД России при реализации компетентностного подхода.

Понятие профессиональной компетенции, формирующейся у обучающихся при изучении юридических учебных дисциплин, на наш взгляд, имеет прямое соотношение с понятием специально-юридической обученности, характеризующейся как совокупность соответствующих профессиональных знаний, навыков и умений. Профессиональные знания в виде фундаментальных и специализированных профессиональных знаний представляют собой профессионально важную информацию. Профессиональные навыки как автоматизированные компоненты сознательной деятельности служат автоматизированным способом выполнения действия, обеспечивающим эффективность последнего; профессиональные умения понимаются как освоенный сотрудником комплексный способ успешных профессиональных действий при решении профессиональных задач [6, с. 409].

В перечень планируемых результатов освоения образовательной программы по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности включены компетенции, на формирование которых направлено изучение психологических учебных дисциплин: способность работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, культурные, конфессиональные и иные различия, предупреждать и конструктивно разрешать конфликтные ситуации в процессе профессиональной деятельности (ОК-5); способность проявлять психологическую устойчивость в сложных и экстремальных условиях, применять методы эмоциональной и когнитивной регуляции для оптимизации собственной деятельности и психологического состояния (ОК-6); способность применять при решении профессиональных задач психологические методы, средства и приемы (ПК-15). Перечисленные компетенции являются планируемым результатом учебного плана по всем дисциплинам психологического цикла, соотношенным с результатами освоения образовательных программ: «Психология», «Юридическая психология», «Психология конфликта», «Эт-

нопсихология», «Практикум по психологии общения».

Таким образом, на развитие общекультурных компетенций ОК-5 и ОК-6 и профессиональной компетенции ПК-15 должны работать различные учебные дисциплины психологического цикла для поэтапного их освоения при осуществлении учебного процесса с целью формирования психологической компетенции специалиста как его личностного внутреннего инструментария, обеспечивающего повышение эффективности выполнения профессиональных задач [7, с. 85].

Процесс реализации компетентностного подхода характеризуется выделением рядом исследователей психологической составляющей профессиональных компетенций обучающихся, определяемых в виде: профессионально-психологического потенциала психических качеств личности [8], психологической готовности выпускников к профессиональной деятельности [9–11], общей и специальной психологической компетентности [12], психологической компетенции специалиста [7], компетенции психологической подготовленности в виде наличия у специалиста необходимых и определенных психологических компетенций [13].

Необходимо отдельно остановиться на понимании психологической готовности выпускников к профессиональной деятельности в контексте изучения проблемы профессионально-психологической подготовленности обучающихся образовательных организаций системы МВД России. Так, А. В. Субботин, включив в понятие «компетенция» две неразрывно связанные компетенции: дидактическую (в качестве усвоения обучающимися необходимых знаний, умений и навыков) и психологическую (в качестве формируемых у будущего профессионала необходимых личных качеств, позволяющих применить полученные знания, умения и навыки в профессиональной деятельности), психологическую готовность выпускников к профессиональной деятельности видит в развитии личностных и профессионально важных качеств специалиста [11, с. 64–65].

Давая оценку знаниям, умениям и навыкам как базовым компетенциям, надстраиваемым над процессом деятельности, окружающим ее или составляющим саму

деятельность, П. А. Корчемный утверждает, что перевод знаний, умений и навыков в область практической деятельности – это и есть не что иное, как формирование психологической готовности к предстоящей профессиональной деятельности [14, с. 87].

В целом авторский подход к проявлению и формированию компетенций профессора П. А. Корчемного, предложившего возможный вариант компетентностной модели профессиональной деятельности, состоит в том, что базовые компетенции как особый результат образования в форме знаний, умений, навыков выражаются в качестве готовности мобилизовать внутренние и внешние ресурсы в неопределенных ситуациях в интересах профессиональной деятельности. Компетенция описывается как переход на очередную ступень сложных умений, стадию профессионального мастерства, на котором проявляются творчество, находчивость, оперативное и адекватное реагирование на изменяющуюся обстановку деятельности. Необходимость ее для специалиста продиктована наличием в деятельности проблемных ситуаций, когда отработанных алгоритмов стереотипных действий недостаточно, и на уровне сложных умений развиваются ключевые профессиональные компетенции, отличие которых заключено в многофункциональности, междисциплинарности, межпредметности и метапредметности [14, с. 97].

В итоге концепция П. А. Кочемного определяет сущностное содержание понятия компетенции как интегративной способности мобилизовать психические образования в виде знаний и умений на эффективное решение возникающих в изменяющихся условиях деятельности проблем в конкретных трудных (экстремальных) профессиональных ситуациях.

Психологическая готовность к предстоящей профессиональной деятельности в настоящее время рассматривается фактором, способствующим быстрому и легкому вхождению в профессию, и этот вид целостного динамического состояния личности как внутренней настроенности и мобилизации всех сил на целесообразные действия назван ситуационной (временной) готовностью [10, с. 54]. Наряду с ситуационной готовностью, исследователи выделяют общую (длительную) готовность, характеризующуюся по-

ложительным отношением к своей специальности и профессии, опытом, мотивацией, способностями, важными профессиональными качествами, эмоциональными и волевыми процессами.

Таким образом, анализ литературы не дает однозначного представления о психологической составляющей профессиональных компетенций, ее структуре, особенностях развития и формирования в образовательной системе.

Характеризуя деятельность сотрудника полиции, А. М. Столяренко, наряду с понятием специально-юридической обученности, вводит понятие профессионально-психологической подготовленности [15, с. 371]. Профессионально-психологическая подготовленность, структуру которой составляют профессионально-психологические знания, профессионально-психологические умения (аналитико-психологические, тактико-психологические, технико-психологические), профессионально развитые психологические качества и профессионально-психологическая устойчивость, органически дополняет специально-юридическую обученность сотрудника и способствует приобретению профессионального мастерства. Следовательно, на наш взгляд, понятие профессионально-психологической подготовленности сотрудника обобщает компетенции, формирующиеся в процессе изучения психологических дисциплин, и конкретизирует их структуру. Мы предполагаем, что структурные компоненты профессионально-психологической подготовленности сотрудника могут служить показателями сформированности общекультурных компетенций ОК-5 и ОК-6 и профессиональной компетенции ПК-15.

Для учебных дисциплин психологического профиля следует определять точный перечень знаний, навыков и умений, которые должны быть приобретены и усовершенствованы при изучении каждой дисциплины. Очевидно, что компетенции, опирающиеся на знание психологии, должны иметь прикладной характер для специалистов юридического профиля, быть направлены на практическое обучение применению психологических знаний, развитие профессиональных и личностных качеств. Так, Н. А. Гончаровой постоянным энергетическим источником,

формирующим профессиональную компетентность сотрудников полиции, назван профессионально-психологический потенциал психических качеств личности сотрудника [8, с. 315]. В структуре компетентности выпускника вуза М. Д. Ильязовой, наряду с общей профессиональной и специальной профессиональной компетентностью, выделены: общая социально-психологическая компетентность и специальная социально-психологическая компетентность. Первая – сопровождает взаимодействие с окружающими, понимание себя и социальной среды, вторая – обеспечивает продуктивность непосредственной профессиональной деятельности [12, с. 170–171].

Мы считаем, что при реализации межпредметных требований к формированию профессионально-психологических компетенций необходимо разработать единую систему знаний, которыми должен обладать обучающийся по каждой учебной дисциплине, так как каждая из них вносит свой вклад в «фонотеку исполнителя». К инструментариям оперативной оценки уровня сформированности необходимой компетенции добавляются конкретные показатели качеств [9, с. 10].

Сравнительный содержательный контент-анализ профессионально-психологических знаний, составляющих основу формирования общекультурных компетенций ОК-5 и ОК-6 и профессиональной компетенции ПК-15, исходя из учебно-тематических планов и требований к знаниям, умениям и владению по дисциплинам, обеспечивающих данные компетенции («Психология», «Юридическая психология», «Психология конфликта», «Этнопсихология», «Практикум по психологии общения»), позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, содержание ряда тем учебных дисциплин является слишком теоретизированным, нацеленным больше на изучение обучающимися психологических факультетов образовательных учреждений. В частности, названия тем и содержание знаний учебной дисциплины «Этнопсихология»

малоприложимы к актуальным умениям и навыкам, формирующимся у обучающихся. Во-вторых, наряду с изучением дисциплины «Психология конфликта», направленной на всестороннее изучение конфликтологии, темы по психологии конфликта необоснованно дублируются при изучении дисциплин «Юридическая психология» и «Практикум по психологии общения». В-третьих, не все темы изучаемых дисциплин обеспечивают планируемые результаты освоения образовательной программы в виде умений и владений обучающихся. В-четвертых, учебные занятия в большей степени сконцентрированы и направлены на формирование знаний, то есть сконцентрированы больше на когнитивной составляющей формируемых компетенций.

Таким образом, можно сформулировать ключевую для всех учебных дисциплин психологического цикла цель, соотносимую с требованиями компетентностного подхода: сформировать у обучающихся образовательных организаций системы МВД России профессионально-психологическую подготовленность для успешного решения профессиональных задач, перечисленных в Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования. К актуальным дидактическим задачам формирования профессионально-психологической подготовленности следует отнести следующие задачи: глубоко продуманный содержательный отбор прикладных психологических знаний, необходимых в решении профессиональных задач, в рабочих программах учебных дисциплин; конкретизация по каждой учебной дисциплине формируемых профессионально-психологических навыков и аналитико-психологических, технико-психологических и тактико-психологических умений; определение форм и методов обеспечения практического обучения применению профессиональных знаний, четкой ориентации на развитие определенных профессионально-психологических способностей и психологической устойчивости личности обучающихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайлова Т. Н. Педагогические условия формирования общекультурной компетентности сотрудников органов внутренних дел // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 4.
2. Демьяненко Е. В. Проблемы механизма формирования профессиональных компетенций при подготовке юристов // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2017. № 2 (27).
3. Митрофанов А. Н., Никитина С. Я., Митрофанова И. В. Методологические принципы формирования компетенций в образовательных программах высшего профессионального образования с учетом социально-психологического контента // Вестник Самарского муниципального института управления. 2013. № 1 (24).
4. Дзида Г. А. О соотношении понятий компетенции, способности личности и понятий знания, умения и навыки // Ямальский вестник. 2016. № 2 (7).
5. Трофимова Н. Б., Рогов М. В., Гончаренко Е. С. Психолого-ориентированный подход в формировании профессиональных компетенций у студентов педвуза // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2015. № 6.
6. Столяренко А. М. Юридическая педагогика: курс лекций. М.: Ассоциация авторов и издателей «Тандем», изд-во «ЭКМОС», 2000.
7. Мурзаев М. С. Проблемы формирования психологических компетенций у будущих педагогов на компетентностной основе // Известия Кыргызской академии образования. 2016. № 1 (37).
8. Гончарова Н. А. Взаимосвязь профессионально-психологического потенциала личности сотрудников полиции и профессиональных компетенций // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 54-5.
9. Корчемный П. А. Психологические механизмы формирования и проявления компетенций // Человеческий капитал. 2017. № 6 (102).
10. Попов Л. М., Пучкова И. М. Теоретико-экспериментальное обоснование модели психологической готовности студентов к профессиональной деятельности // Образование и саморазвитие. 2015. № 1 (43).
11. Психологическая составляющая в формировании профессиональных компетенций курсантов / Субботин А. В. [и др.] // Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны. 2017. № 1 (1).
12. Ильязова М. Д. Инвариантная структура компетентности субъекта деятельности // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2009. № 1 (48).
13. Андреев В. Е., Кучер А. А., Сеницына Т. Ю. Особенности формирования компетенций психологической подготовленности спасателей аварийно-спасательных формирований госкорпорации «Росатом» // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 2 (61).
14. Корчемный П. А. Состояние и проблемы внедрения компетентностного подхода в российское образование // Известия Тульского государственного университета. 2016. № 4.
15. Прикладная юридическая психология: учебное пособие для вузов / под ред. проф. А. М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001.

© Бикчинтаева Л. Г.

**ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ. ЯЗЫК И ПРАВО.
ЮРИСЛИНГВИСТИКА**

УДК 808.51:34:164.03

З. В. БАИШЕВА, профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, доктор филологических наук, доцент (г. Уфа)

Z. V. BAISHEVA, professor of the Chair of Theory of State and Law of the Law Institute of the Bashkir State University, Doctor of Philology, associate professor (Ufa)

АРГУМЕНТАЦИЯ В РЕЧИ ЮРИСТА**THE ARGUMENTATION IN THE SPEECH OF A LAWYER**

Аннотация. В статье рассматривается аргументация как важнейшая составляющая коммуникации и профессиональной подготовки юриста, характеризуется аргументационная деятельность юриста в судебном заседании, а также формы интерактивного обучения, способствующие развитию и совершенствованию аргументационной деятельности студентов.

Ключевые слова и словосочетания: аргументация, аргументационная деятельность, прямое и косвенное доказательство, дедуктивная и индуктивная схемы, умозаключения по аналогии, формы интерактивного обучения.

Annotation. The article considers argumentation as the most important component of communication and professional training of a lawyer, characterizes argumentative activity of a lawyer in the court session, as well as forms of interactive learning that contribute to the development and improvement of argumentative activity of students.

Keywords and phrases: argumentation, argumentation activity, direct and indirect evidence, deductive and inductive schemes, reasoning by analogy, forms of interactive learning.

Аргументация как неотъемлемый элемент коммуникативной деятельности человека являлась и является объектом исследований многих ученых от античности [1] до наших дней [2; 3]. В последние десятилетия интерес к исследованию аргументационной деятельности усиливается глобализацией, которая остро поставила проблему взаимопонимания людей с различными экономическими, политическими, идеологическими, культурными ценностями, а также информатизацией общества, которая привела к изменениям в коммуникативной деятельности. Именно этим вызван «возрастающий интерес к аргументации как форме человеческой рациональности, критического мышления, способного к самостоятельному и свободному рассуждению, способа обоснования собственных взглядов, точек зрения и умения убедить в них других» [4, с. 4]. Именно этим

обусловлена актуальность нашего исследования.

Аргументация является предметом многих научных дисциплин – логики, риторики, психологии, лингвистики, социологии. В юриспруденции аргументация изучается в рамках юридической логики и судебного красноречия.

Профессия юриста относится к лингвоинтенсивным. Это означает, что большую часть профессионального времени юрист общается с гражданами либо с целью получения информации, либо с целью разъяснить какое-либо правовое положение, либо убедить слушателей в истинности своей позиции. Поэтому для юриста профессионально важно уметь «логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь» [5]. Не случайно в Федеральном государственном стандарте высшего образо-

вания это умение указано как одно из обязательных общепрофессиональных компетенций выпускника, освоившего программу бакалавриата по направлению подготовки «Юриспруденция».

Студентов следует обучать аргументации на протяжении всего учебного процесса, в ходе изучения различных дисциплин. Специально различные виды аргументационной деятельности должны изучаться в рамках таких дисциплин, как «Деловое общение юриста», «Юридическая риторика» и т. п. Аргументация – это, во-первых, процедура приведения аргументов в пользу какого-либо положения; во-вторых, совокупность таких аргументов; в-третьих, обоснование истинности некоторого суждения [4]. В данной статье мы рассматриваем аргументацию как обоснование истинности суждения и умение аргументированно выражать свои мысли.

Цель аргументации всегда – убеждение адресата в истинности позиции говорящего. Рассмотрим характерную для юриста ситуацию аргументационной деятельности – судебное заседание. В ходе судебных прений обвинитель и защитник стремятся убедить участников судебного заседания в истинности позиции обвинения и защиты.

Один из логических законов, обязательных для судебного оратора, – закон достаточного основания. Он гласит, что любая мысль должна быть обоснована другими мыслями, истинность которых доказана [6]. Конечно, не следует обосновывать общеизвестные истины, которые никто не подвергает сомнению. Здесь имеется в виду любая мысль, касающаяся конкретного судебного разбирательства. Например, судебный оратор говорит, характеризуя потерпевшего: «Н. был очень мягким по характеру человеком». Эта мысль требует обоснования, поэтому в судебной речи она обязательно будет сопровождаться указанием на источник информации («из показаний свидетелей мы знаем, что ...») либо будет проведено доказательство данной мысли на основе аргументов, взятых из материалов дела.

Вся судебная речь, по сути, представляет собой доказательство истинности позиции оратора. В судебном выступлении используются два способа доказательства – прямое и косвенное. Прямое доказательство – это обоснование истинности тезиса непосредствен-

но с помощью прямой ссылки на аргументы, подтверждающие что-либо. Судебный оратор обычно применяет три логические схемы прямого доказательства: дедуктивную, индуктивную и по аналогии.

Достоверные знания дает только дедуктивный метод доказательства, поэтому в судебной речи он применяется всегда для обоснования главного тезиса. В основе этого метода – какое-либо общее положение, не требующее обоснования, принимаемое всеми. Для ситуации судебного разбирательства, например, в уголовном суде, таким общим положением чаще всего выступает статья Уголовного кодекса.

Рассмотрим пример. Обвинитель доказывает, что подсудимый совершил кражу. Начинается доказательство с приведения текста ст. 158 УК РФ: «Кража – это тайное хищение чужого имущества. Под хищением в статьях Уголовного кодекса понимается совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества». В статье УК РФ указываются разные варианты совершения противоправного деяния. Это может быть «кража, совершенная: а) группой лиц по предварительному сговору; б) с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище; в) с причинением значительного ущерба гражданину; г) из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем» либо «а) с незаконным проникновением в жилище; б) из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода; в) в крупном размере; г) с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств», либо «а) организованной группой; б) в особо крупном размере» [7]. Оратор выбирает нужный вариант.

Мы видим, что в статье УК РФ указываются все признаки состава преступления, называемого кражей. Задача оратора – доказать, что в деянии подсудимого присутствуют все названные признаки состава преступления. Для доказательства используются аргументы из материалов дела.

Множество примеров четко выстроенной дедуктивной схемы доказательства находим в обвинительных речах А. Ф. Кони. Так, в речи «По делу об игорном доме штабс-рот-

мистра Колемина» обвинитель обосновывает положение о том, что г-н Колемин превратил свой дом в игорное заведение. Вначале, ссылаясь на соответствующее законодательство, оратор перечисляет основные условия игорного дома: «Условия игорного дома довольно ясно определены в приложении к 444 статье XIV тома. В источниках, на которых она основана, указано прямо, что «запрещается играть в запрещенные игры», «открывать свой дом игрокам для запрещенной игры днем или ночью», «запрещается иметь счетчика, продавать своим гостям или иным образом давать и передавать золото, серебро и иные денежные ценности», наконец, «запрещается иметь постоянную прибыль от этой игры». Это последнее условие ясно выражено в указе императрицы Екатерины, вошедшем в Полное собрание законов за № 13677. В нем прямо говорится, что в случае «раскрытия» игорного дома, «будет происходить прибыль запрещенный, то, о том исследовав, учинить по законам».

Итак, вот главные условия игорного дома: он должен быть открыт днем и ночью, в определенные часы, для желающих играть в запрещенную игру; в нем должна происходить запрещенная игра; в нем могут быть лица, которые занимаются счетом в помощь хозяину; в нем может происходить размен золота, и, наконец, все это должно вести к общей, главной цели учреждения подобного дома – неправильной прибыли, запрещенному прибутку» [8, с. 368].

Затем А. Ф. Кони устанавливает существование каждого из названных условий в доме Колемина: «Применяя эти общие начала к настоящему делу, я полагаю, что мы найдем, что все условия, указанные законодателем, существуют в деянии Колемина» [8, с. 369]. По сути, вся обвинительная речь представляет собой обоснование наличия перечисленных условий игорного заведения в доме Колемина. В заключении доказательства оратор делает вывод: «В деянии господина Колемина были все признаки содержания игорного дома» [8, с. 376].

Если дедуктивная схема доказательства представляет собой движение мысли от общего к частному, то индуктивная – есть движение от частного к более общему. Важно отметить, что индуктивный метод не приводит нас к какому-либо общему положению,

например, к статье УК РФ. Здесь имеется в виду более общее по сравнению с частными положениями.

Например, в ходе доказательства совершения подсудимым кражи одним из промежуточных тезисов, который обязательно нужно рассмотреть обвинителю, является положение о мотиве совершения преступления. Вполне вероятен следующий мотив: «Подсудимый совершил кражу, так как нуждался в деньгах». Аргументы для доказательства этого положения обвинитель находит в материалах дела. Это могут быть самые различные факты или документы, подтверждающие острую нужду подсудимого в деньгах: долговые расписки, документы о неуплаченном кредите, банковские счета и т. п. Эти аргументы являются частными положениями, на основе рассмотрения, анализа, оценки которых оратор делает вывод: «Да, действительно подсудимый нуждался в деньгах». Этот вывод и является более общим положением по сравнению с частными аргументами.

Следует иметь в виду, что существует индукция полная и неполная. Полная индукция предполагает формулирование вывода на основе учета всех существующих аргументов и поэтому дает достоверные знания. Соответственно, при неполной индукции вывод делается на основе ряда аргументов, но не всех, поэтому и знания будут только вероятными.

При различных жизненных обстоятельствах, в ситуации судебного разбирательства можно говорить только о неполной индукции, так как всегда сохраняется вероятность того, что существует какой-то аргумент, не учтенный в ходе предварительного следствия и не попавший в материалы дела, но могущий перечеркнуть всю схему доказательства. Однако все судебное разбирательство осуществляется на основе материалов дела, и судебный оратор черпает сведения из материалов дела. Поэтому обвинитель и защитник всегда используют индуктивную схему доказательства для обоснования промежуточных положений в ходе аргументирования главного тезиса.

Умозаключения по аналогии строятся на сопоставлении конкретных объектов, обладающих сходными признаками. На основе выявленного сходства делается вывод о существовании других сходных признаков.

В логике такие умозаключения обычно демонстрируются через следующую схему:

Объект X обладает признаками А, В, С, D.

Объект Y обладает признаками А, В, С. Вероятно, объект Y обладает и признаком D.

Понятно, что такой вывод является только вероятным, так как сходство объектов может закончиться на признаках А, В, С.

Несмотря на недостоверность получаемых выводов, умозаключения по аналогии часто применяются в судебной речи, так как нередко они бывают незаменимы для разъяснения каких-либо моментов в речи. «Такие умозаключения употребляются как доводы:

1) для пересказа событий, восстановить которые полностью не представляется возможным; 2) для предположительного изложения мотивов совершения каких-то действий; 3) чтобы показать неясный смысл или нечеткость каких-то предположений и т. п.» [9, с. 311].

Так, адвокат И. Д. Брауде, доказывая невиновность подзащитного Маркова, сопоставляет его поведение с поведением «потрясенного ужасом, не повинного в убийстве человека»: «Марков вел себя именно так, как ведет себя потрясенный ужасом, не повинный в убийстве человек. Увидев, что Аня упала, он, выхватив нож, на котором были следы крови и хлеба, бросается к ней, поднимает платье, ищет рану, а затем, выбежав в коридор, кричит: «Где телефон, там зарезались, я во всем виноват!». Это крик не убийцы, а человека, который на минуту почувствовал всю свою моральную ответственность за то, что произошло, всю пустоту и неприглядность своей жизни, своих поступков» [10]. В данном случае аналогия использована для объяснения действий подзащитного в момент трагедии как доказывающих его непричастность к преступлению.

Еще одно преимущество умозаключений по аналогии в том, что они с благодарностью принимаются слушателями, так как делают выступление более убедительным, наглядным, а мысль – более доступной для восприятия (ведь человек познает мир через аналогии).

Косвенное доказательство ведется путем выдвижения антитезиса (допущения) и установления его ложности. Далее применяется закон исключенного третьего, который гласит: «Из двух противоречащих

высказываний одно истинно, другое ложно, а третьего не дано» [11, с. 164]. На его основе делается вывод: тезис и антитезис исключают друг друга, следовательно, ложность антитезиса означает истинность тезиса. Например, оратору необходимо доказать, что убийство совершено именно в данной квартире. Косвенное доказательство начинается с формулирования антитезиса: «Допустим, что убийство совершено вне этой квартиры». Далее оратор обосновывает ложность этого антитезиса, что и будет означать истинность тезиса.

Косвенное доказательство широко применяется как в обвинительных, так и защитительных речах. Обвинителю этот способ доказательства помогает обезоружить своего процессуального противника, предупредить возможные возражения оппонента. Классическим примером использования косвенного способа доказательства в обвинительной речи является проведенное А. Ф. Кони доказательство невозможности самоубийства Лукерьи в речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» [12]. Об эффективности примененного А. Ф. Кони косвенного доказательства в этой речи писал его современник К. К. Арсеньев [13].

Применение этого способа доказательства позволяет защите возразить обвинителю, опровергнуть его позицию, доказать истинность своей позиции. Так, В. Д. Спасович неоднократно мастерски использует косвенное доказательство для опровержения утверждений обвинения в речи в защиту Кронеберга. Каждый раз такое доказательство начинается с допущения («Допустим, что ...»): «Но допустим, что господа эксперты, предрешая уголовный вопрос, пришли к выводу, что г-н К. во зло употребил отеческую власть. В таком случае судите его за злоупотребление властью. Но он судится за нечто совершенно иное – он судится за истязания и мучения, причиненные дитяти» [14].

Нередко в современных защитительных речах косвенное доказательство начинается словами «Если бы ...»: «Если бы он решил убить, зачем он стал бы делать это в той же населенной квартире, среди бела дня и также под угрозой немедленного ареста? Разве инстинкт самосохранения и элементарное чувство осторожности отсутствуют у убийц-

одинок? Не было ли бы и в данном случае такое убийство крайне «глупым»?» [10].

Все рассмотренные выше способы и схемы доказательства могут применяться как в судебных и других публичных выступлениях, так и в иных ситуациях профессионального общения юриста (консультирование, переговоры, совещание, допрос, опрос и др.).

Обучение аргументации, в частности в судебной речи, осуществляется в ходе анализа выступлений известных судебных ораторов. Практическое же умение аргументированно выражать свои мысли, доказывать истинность своей точки зрения обучающиеся могут получить на интерактивных занятиях. Интерактивы дают возможность проигрывать различные ситуации общения юристов. Так, ролевая игра «Судебные прения», в которой разыгрывается ситуация судебного заседания с выступлениями обвинителя и защитника, помогает реализовать теоретические знания о способах и схемах доказательства, применяемых в судебной речи; ролевая игра «В юридической консультации» позволяет освоить приемы аргументации в диалогической речи юриста.

Целесообразно применение такого вида интерактива, как дискуссия, который дает широкие возможности для активной аргументационной деятельности каждого студента в процессе обсуждения проблемы. Для дискуссии характерно сочетание взаимодополняющего диалога и обсуждения-спора, столкновение различных точек зрения, позиций. Дискуссия дает возможность формировать определенные модели поведения, развивать навыки коммуникативного взаимодействия. Здесь создаются условия для каждого открыто выразить свои мысли, отстаивать свою позицию, а также считаться с чужим мнением [15].

Дискуссия с целью развития аргументационных умений может быть построена следующим образом: группа обучающихся делится на две команды; командам предлагается четко сформулированный тезис; одна команда будет отстаивать этот тезис, а другая – опровергать. Каждая команда при помощи аргументов доказывает свою позицию, а затем проводит логическую операцию опровержения позиции команды-оппонента.

Эффективным является также такое построение дискуссии, когда каждый студент включается в активное обсуждение с разными оппонентами, обосновывает свою точку зрения либо опровергает позицию другого.

Так, при изучении темы «Основы речевого воздействия» в рамках дисциплины «Деловое общение юриста» целесообразно проведение дискуссии «Убеждение и воздействие как функции судебной речи». Предварительно студенты получают задание прочитать рассказ А. П. Чехова «Случай из судебной практики» и выделить перемежающиеся в рассказе: 1) текст речи адвоката; 2) описание реакции слушателей на речь. При подготовке к занятию студенты также изучают вопросы темы практического занятия: приемы воздействия на собеседника; убеждение и манипуляция в процессе речевого воздействия.

На первом этапе дискуссии преподаватель последовательно задает вопросы:

Что можно использовать в судебной речи, чтобы она воздействовала на слушающих?

Что более оказывает воздействие на слушателей: анализ фактов или психологический анализ?

Какие средства интеллектуального воздействия (воздействие на ум) и эмоционального (воздействие на чувства) Вам известны?

Может ли оказывать воздействие на слушателей техника речи оратора?

Какая функция имеет в судебной речи первостепенное значение: убеждения или воздействия? Почему?

Выслушиваются все ответы студентов и концентрированно записываются на доске. Затем все ответы обсуждаются и выбираются наиболее перспективные.

Второй этап дискуссии: студенты получают текст рассказа А. П. Чехова «Случай из судебной практики» с выделенными фрагментами, в которых находят ответы на заданные ранее вопросы. Коллективно анализируются фрагменты произведения А. П. Чехова с целью выявить особенности: техники речи адвоката из рассказа, расположения смысловых частей в его речи, употребления средств выразительности и др. Студенты также дают ответ на вопрос: «Какая функция произнесенной адвокатом речи наиболее очевидна: убеждения или воздействия? Соответствует ли это особенностям защи-

тительной речи?». В заключении дискуссии одним из студентов формулируются выводы.

Такой интерактив позволяет актуализировать и обобщить имеющиеся у студентов знания по теме, способствует развитию устойчивого интереса к изучаемой теме, усвоению новых знаний, осмыслению и обобщению полученной информации, формированию у студентов собственного отношения к изучаемому материалу. И главное, что дает такой вид интерактивного занятия, – студенты учатся открыто высказывать свои мысли, отстаивать свою точку зрения и вместе с тем считаться с чужим мнением.

В рамках преподавания дисциплин «Юридическая риторика» и «Судебное красноречие» очень эффективным в плане обучения аргументационной деятельности является проведение дискуссий по следующим

темам: «Соотношение долга и совести в профессиональной деятельности адвоката (по речи В. Д. Спасовича в защиту Кронеберга)»; «Судебное красноречие в XXI веке»; «Суд присяжных заседателей в России». Названные темы вызывают большой интерес у студентов, что обеспечивает их активное участие в дискуссиях.

Таким образом, обучение аргументационной деятельности – необходимый и крайне важный элемент профессиональной подготовки юриста. Умения и навыки аргументационной деятельности должны прививаться и отрабатываться на протяжении всего процесса обучения студента. Особое место в отработке аргументационных навыков принадлежит интерактивным занятиям (дискуссия, ролевая игра).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Аналитики. Первая и вторая. Л.: Государственное издательство политической литературы, 1952.
2. Волков А. А. Теория риторической аргументации: монография. М.: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2009.
3. Ивин А. А. Теория аргументации. М.: Высшая школа, 2007.
4. Демина Л. А. Теория аргументации: учебное пособие. М.: МГОУ, 2009.
5. Федеральный государственный стандарт высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата) (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 01.12.2016 № 1511) // СПС «Гарант».
6. Иванов Е. А. Логика: учебник для студентов юридических вузов и факультетов. URL: <https://fil.wikireading.ru/18410> (дата обращения: 04.03.2019).
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Кони А. Ф. По делу об игорном доме штабс-ротмистра Колемина // Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. М.: Изд-во «Юридическая литература», 1967.
9. Петров О. В. Риторика: учебник. М.: ТК Велби, изд-во «Проспект», 2004.
10. Речь адвоката по уголовным делам И. Д. Брауде в защиту обвиняемого в убийстве А. И. Маркова. URL: <https://www.advokat-nikitinsky.com/poleznoe/rech-advokata-v-zashhitu-obvinjaемого-v-ubijstve> (дата обращения: 04.03.2019).
11. Гетманова А. Д. Логика для юристов: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности Юриспруденция. М.: Омега-Л, 2008.
12. Кони А. Ф. По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем // Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. М.: Изд-во «Юридическая литература», 1967.
13. Арсеньев К. К. Русское судебное красноречие // Вестник Европы. 1888. № 4.
14. Речь присяжного поверенного В. Д. Спасовича в защиту Кронеберга. URL: <https://lawbook.online/ugolovnoe-sudoproizvodstvo-diss/rech-prisyajnego-poverennogo-spasovicha-26367.html> (дата обращения: 05.03.2019).
15. Трифанова О. И. Дискуссия как форма интерактивного обучения. URL: <https://infourok.ru/diskussiya-kak-forma-interaktivnogo-obucheniya-679014.html> (дата обращения: 05.03.2019).

УДК 811.161.1'276.6:351.74

Е. И. БЕГЛОВА, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России, доктор филологических наук, доцент (г. Нижний Новгород)

E. I. BEGLOVA, professor of the Chair of foreign language and culture of speech of Nizhny Novgorod Academy of the Interior Ministry of Russia, Doctor of Philology, associate professor (Nizhny Novgorod)

О. Г. КРАСИКОВА, доцент кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России, кандидат педагогических наук, доцент (г. Нижний Новгород)

O. G. KRASIKOVA, associate professor of the Chair of foreign language and culture of speech of Nizhny Novgorod Academy of the Interior Ministry of Russia, Candidate of Pedagogical sciences, associate professor (Nizhny Novgorod)

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

PARTICULAR FEATURES OF PROFESSIONAL SPEECH OF LAW-ENFORCEMENT OFFICERS

Аннотация. В статье описаны функции и лексико-тематические группы жаргонной лексики, которая употребляется в речи сотрудников органов внутренних дел в 2018–2019 гг. Особое внимание уделено нормативному и коммуникативному аспектам использования профессиональной жаргонной лексики, что связано с культурой речи сотрудников правоохранительных органов. Представлены функции жаргонизмов в речи сотрудников правоохранительных органов и нарушителей закона.

Ключевые слова: культура речи, профессиональная речь, жаргонная лексика, лексико-тематическая группа, устная речь, языковая норма.

Annotation. The author considers thematic groups of jargon vocabulary which is used in the speech of law-enforcement officers in 2018-2019 years. Particular attention is paid to normative and communicative aspects of using professional jargon vocabulary that is connected with the culture of speech of law-enforcement officers. The functions of jargonisms in the speech of both, law-enforcement officers and law-breakers, are singled out.

Keywords and phrases: culture of speech, professional speech, jargonisms, thematic group, oral speech, language norm, communicative aspect.

Профессиональная речь – это речь, позволяющая достигать коммуникативный результат в разных ситуациях общения и ориентированная на конкретного коммуниканта, то есть с учетом его характеристики. Профессиональная речь представителей разных профессий включает специальную терминологию и нейтральные языковые средства

как часть нормированного русского языка, а также профессиональные жаргонизмы как языковые средства, находящиеся за границей нормы русского литературного языка, но в рамках русского национального языка. Специфику профессиональной речи сотрудников ОВД, связанную с культурой речи, освещал в своей статье О. М. Хабарин [1], справедли-

во замечая, что понятие профессиональной речевой культуры включает в себя не только речевую культуру, но и нравственную, эмоциональную, этическую, коммуникативную и деятельностную. В. А. Липина изучала влияние уголовного жаргона на речь сотрудников полиции первого года службы, обращая внимание на активность использования сотрудниками полиции уголовного арго в устной речи [2]. М. М. Зиганшин, исследуя жаргон сотрудников ОВД, выявил причины его устойчивости в устной речи, а также причины его распространения в речи людей, не связанных с профессией сотрудника правоохранительных органов [3]. Эти исследования показывают важность изучения ненормированных средств, используемых в речи сотрудников правоохранительных органов.

Следует обратить внимание на то, что, общаясь с контингентом граждан, не связанных с профессиональной деятельностью, сотрудники ОВД должны следовать речевому этикету, профессиональной этике, а также владеть нормами русского литературного языка как государственного языка Российской Федерации, публично выступать [4].

Предметом нашей статьи является лексика в речи сотрудников ОВД с точки зрения нормативного и коммуникативного аспектов речи. Цель заключается в следующем: произвести коммуникативно-прагматический анализ употребления жаргонной лексики в речи сотрудников ОВД.

Считаем необходимым напомнить о том, что жаргонная лексика – это лексика в речи людей, объединенных профессиональной деятельностью, хобби, родом занятий и др., понятная им и используемая прежде всего для создания экспрессии речи. Жаргонная лексика речи сотрудников ОВД 2010–2011 гг. изучалась в работах С. В. Вендиктова с точки зрения значения и выполняемых функций [5]. Нас интересует эволюция употребления жаргонной лексики в речи сотрудников ОВД как со стороны значения, функций в речи, так и со стороны коммуникативной потребности, а также культуры речи.

Безусловно, жаргонная лексика свойственна устной форме речи сотрудников ОВД в бытовом и профессиональном общении. Однако она часто используется и в публичных выступлениях, на официальных собраниях, что недопустимо с позиций куль-

туры речи и нормативного аспекта общения. Необходимо различать ситуации общения, в которых допускается употребление профессиональных жаргонизмов, а в каких – не допускается согласно языковой, коммуникативной и этической норме.

Для этого следует уяснить, какие функции в речи выполняет профессиональная жаргонная лексика. Прежде всего, это экспрессивная функция, которая демонстрирует непринужденность общения представителей разных профессий, в том числе сотрудников ОВД. Еще одна функция, общая для общения представителей разных профессий – функция замещения термина, когда жаргонизм включает в себе больший объем информации и способствует быстрой ее передаче коллегам. Выполнение жаргонизмами в речи названных функций характерно для неофициальной ситуации общения, среди своих коллег в непринужденном общении.

Профессиональные жаргонизмы сотрудников ОВД имеют особенности употребления в речи и выполняют специфические функции, на что обращал внимание в своей статье С. В. Вендиктов, проанализировав 200 лексических единиц [5] и выделив конспиративную функцию, которая проявляется в особых условиях общения сотрудников ОВД, требующих сокрытия сообщаемых друг другу сведений, например, в присутствии посторонних.

Заметим, что основная функция жаргонизмов в профессиональной речи – номинативная, то есть название явлений, действий, субъектов и пр. Часто такие жаргонные именованья выполняют функцию предтермина, то есть когда еще не утверждён официальный термин для названия явления, действия и пр. В своем значении такого рода названия запечатлевают наблюдения над конкретными явлениями сотрудников ОВД, которые повторяются, то есть являются стереотипными в сфере профессиональной деятельности. В этом случае можно говорить о познавательной функции, которую выполняют жаргонизмы-названия.

Обратимся к лексикону сотрудников ОВД 2018–2019 гг., практикующих в разных областях профессиональной деятельности. Профессиональная лексика была собрана методами аудирования и анкетирования. Специализация внутри профессии сотрудни-

ков ОВД обуславливает тематическое разнообразие профессионального жаргона. Согласно идеографическому принципу можно выделить несколько лексико-тематических групп профессиональных жаргонизмов, употребляющихся в речи сотрудников ОВД:

1. Названия лиц, связанных с принадлежностью к определенной службе, отражающей специальность сотрудников ОВД: гиббон – сотрудник ГИБДД; пэпсы – сотрудники патрульно-постовой службы; Машка, маманя – судья; продольный – полицейский, постовой; хищники – оперуполномоченные уголовного розыска по борьбе с преступлениями против собственности; козырьки – сотрудники правоохранительных органов в форме; мультики – сотрудники муниципальной полиции; цветной – сотрудник патрульно-постовой службы; пасечник, топтун – сотрудник службы наружного наблюдения; помазок – эксперт-криминалист и др.

2. Названия лиц, совершающих преступления разного рода, или задерживаемых сотрудниками правоохранительных органов по подозрению: бык – человек из преступной группировки, выполняющий функции карателя; суточки – люди, которые проводят в изоляторе временного содержания от 1 до 3 суток за административные нарушения; синяк – человек, находящийся в состоянии сильного алкогольного опьянения; калдырь – лицо, распивающее спиртные напитки на улице; кукловод – преступник по ст. 135 УК РФ и др.

3. Названия лиц, сотрудничающих с правоохранительными органами: большое ухо – человек, которого подсаживают в камеру к преступникам, чтобы узнать необходимую информацию; красный – лицо, которое сотрудничает с полицией, донося информацию о сокамерниках; человек – тайный осведомитель, сотрудничающий с правоохранительными органами.

4. Названия лиц, связанных с правонарушениями и имеющих дело с сотрудниками полиции: парашютист – человек, упавший с высоты, часто это самоубийца; отмороженный – человек, лишенный чувства самоконтроля, самосохранения.

5. Названия потерпевших: терпила – потерпевший; потеряшка – человек, пропавший без вести.

6. Названия атрибутов правоохранительных органов разной специализации: лимузин – конвойный автомобиль; батон, буханка, козел – УАЗ-фургон; ганарейка – автомобиль быстрой группы реагирования; медвежонок – собака изолятора временного содержания; люстра – маячки на автомобиле полиции.

7. Названия действий полиции в отношении правонарушителей и преступников: канань – взятие отпечатков пальцев путем прокатывания рулоновым валиком с тонким слоем типографской краски; выбить чистуху – добиться чистосердечного признания; вести по шапке – следовать в оперативном автомобиле на расстоянии видимости от объекта наблюдения; поднять висяк – раскрыть ранее совершенное преступление; зарядить – дать специальную (прослушивающую) технику для прослушивания разговора и др.

8. Названия мест встречи представителей правоохранительных органов с преступниками или мест передачи нарушителей закона правоохранительным органам: вокзал – место сдачи и получения спецконтингента.

9. Названия подразделений, отделов, учреждений системы правоохранительных органов: ГНР (аббревиатура) – группа незамедлительного реагирования; ГБР (аббревиатура) – группа быстрого реагирования; гестапо – служба собственной безопасности.

10. Названия помещений, в которых содержатся задержанные и преступники: вонючка – помещение для задержанных детей-беспризорников; отделенка – одиночная камера для нарушителей порядка; кандей – помещение в спецавтомобиле для задержанных.

11. Названия преступлений и их видов: палка – раскрытое преступление; висяк, глухарь – нераскрытое преступление.

12. Названия мер наказания и статей законов: два гуся и снеговик – статья 228 УК РФ.

13. Названия бытовых предметов: бандаж – кулечек с чем-либо; весло – ложка; заваруха – большая ложка чая; тапок – мобильный телефон.

14. Названия противоправных действий и явлений, зашифрованных от правоохранительных органов: дачка, кабанчик – передача еды в камеру; дорога, конь – сообщение между камерами с помощью протянутых веревок с привязанными носками; встретиться с Игнатом – покурить наркотическое вещество.

15. Именования психического и физического состояния человека: борьба с рубеном – состояние, когда хочется спать, но это запрещено; депресняк – состояние недовольства собой, жизнью; мандражировать – пребывать в нервном состоянии.

С. В. Венидиктов выделил 7 тематических групп жаргонной лексики, употреблявшейся в речи сотрудников ОВД в 2010–2011 гг.:

- 1) профессиональная специализация;
- 2) названия учреждений, подразделений и служебных помещений;
- 3) характеристики служебных, следственных действий и мероприятий;
- 4) правовые и иные документы;
- 5) специальная техника, устройства, атрибуты служебной деятельности;
- 6) названия лиц, проходивших по уголовным и административным делам и «асоциальных элементов»;
- 7) названия возбужденных дел.

Следует отметить, что описанные им в статье группы жаргонной лексики наблюдаются в речи сотрудников правоохранительных органов и в настоящее время. Анализируя собранный лексический материал, мы выделили еще несколько лексико-тематических групп, дополнив перечень лексико-тематических групп, описанных С. В. Венидиктовым.

Необходимо особо отметить, что жаргонная лексика динамична, она обновляется и пополняется новыми словами и устойчивыми выражениями, отражая специфику преступлений, характеристику преступников, правонарушений, действий полиции и нарушителей закона. В ее создании участвуют не только правонарушители и преступники разного рода, но и сотрудники правоохранительных органов. Поэтому наблюдается взаимообмен жаргонизмами, созданными преступниками и сотрудниками правоохранительных органов разной специальности. Но если в речи сотрудников правоохранительных органов жаргонизмы выполняют прежде всего экспрессивную функцию, то в речи правонарушителей преобладает конспиративная функция в использовании жаргонизмов. При этом слова, называющие сотрудников правоохранительных органов и

их действия, в речи преступников и правонарушителей имеют отрицательную оценку, грубую, что эксплицирует неизбежный конфликт между блюстителями закона и нарушителями закона.

Таким образом, в целом жаргонная лексика представителей разных профессий, в том числе и сотрудников ОВД, характеризуется признаком динамичности, нестабильности, а также спонтанностью или, наоборот, осознанностью в порождении. Ее фиксация и изучение важно для понимания мировоззрения, с одной стороны, сотрудников правоохранительных органов, с другой – нарушителей закона, «асоциальных элементов», преступников разного рода.

С научной точки зрения, профессиональные жаргонизмы представляют интерес для лингвистов, психологов, юристов. В профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов жаргонная лексика важна в неофициальном общении для быстроты передачи информации, сокрытия передаваемой информации от посторонних, экспрессии общения, обособления от представителей других профессий.

Часть профессиональных жаргонизмов сотрудников правоохранительных органов составляют слова и выражения, ставшие общеизвестными благодаря СМИ, телесериалам, демонстрирующим деятельность сотрудников правоохранительных органов, в которых они используются мотивированно, часто являясь средством речевой характеристики героев. С позиций нормативного аспекта культуры речи профессиональные жаргонизмы являются ненормированными средствами русского литературного языка, поэтому их использование ограничено непринужденным профессиональным общением, устной речью.

С учетом коммуникативно-прагматических характеристик речи профессиональные жаргонизмы допустимы в профессиональной речи как предтермины, выразительные средства речи, а также как «сигналы» специфики профессиональной деятельности, лексические средства профессиональной обособленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хабарин М. О. Профессиональная речевая культура сотрудника органов внутренних дел // Вестник экономической безопасности. 2018. № 3 (212-6).
2. Липина В. А. Влияние уголовного жаргона на профессиональную компетентность сотрудников полиции // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 13.
3. Зиганшин М. М. Жаргон и культура речи в деятельности сотрудников органов внутренних дел // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 1 (4).
4. Культура устной и письменной речи и ее проявление в поведении и деятельности сотрудника органов внутренних дел. URL: <https://cyberpedia.su/17x5a63.html> (дата обращения: 09.11.2018).

© Беглова Е. И.

© Красикова О. Г.

ПАМЯТКА
АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»

• Редколлегия принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, по своему содержанию отражающие современные проблемы права и государства, их исторический аспект, актуальные вопросы юриспруденции, правоохранительной деятельности, развития и совершенствования высшего юридического образования, методики обучения и воспитания в ведомственных вузах системы МВД России, о связи юридической науки и практики, а также обзоры и комментарии законодательства, очерки и материалы по филологическим и педагогическим наукам.

• Рукописи представляются в 2-х экземплярах с приложением электронного варианта.

• Структура статьи:

название на русском и английском языках (печатается заглавными буквами с соблюдением симметрии, шрифт – № 14);

сведения об авторе на русском и английском языках (над заглавием справа должны быть указаны инициалы, фамилия автора (авторов) – печатаются заглавными буквами, размер шрифта – 14; занимаемая должность, полное название места работы, ученая степень и ученое звание – строчными буквами, размер шрифта – 12, курсивом; номер телефона (служебный или домашний), факс, адрес электронной почты (не для печати);

аннотация (100–150 слов) и **ключевые слова** (6–10 слов или словосочетаний, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3) на русском и английском языках – печатаются курсивом, размер шрифта – 12;

рукопись статьи должна представлять собой распечатку текста на одной стороне листа формата А 4 (210 x 297 мм) в текстовом редакторе MICROSOFT WORD с использованием шрифта Times New Roman, размером 14 пунктов через одинарный интервал. Страницы рукописи должны иметь строго выдержанные поля: по 2,5 см каждое. По объему текст не должен превышать 27000 знаков с пробелами машинописного текста через одинарный интервал. С учетом данных об авторе, используемого библиографического списка ссылок на использованные источники, аннотации и ключевых слов объем текста должен быть в пределах от 7 до 10 страниц, т. е. от 17000 знаков на 7 страницах до 27000 знаков на 10 страницах с учетом пробелов, библиографических ссылок, включая таблицы, графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы, которые группируются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi;

оригинальность статьи должна составлять не менее 60 %;

пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.100-2018 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления», размещается конце текста, размер шрифта – 12, Times New Roman. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница;

индекс Универсальной десятичной классификации (УДК), который располагается слева перед сведениями об авторе (авторах) отдельной строкой.

• При использовании в тексте различных аббревиатур необходимо приводить их расшифровку, а в скобках – аббревиатуру с последующим использованием ее без расшифровки. Например, уголовно-исполнительная система (далее – УИС).

• Статья должна быть подписана автором (авторами) на последней странице второго экземпляра следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Сведений, составляющих государственную и служебную тайну, не имеется».

• К направляемым в редакцию научным статьям прилагаются рецензии (подписи рецензентов заверяются гербовой печатью), выписка из протокола заседания кафедры с рекомендацией статьи к опубликованию, справка о проверке текста статьи на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения, заверенная автором.

• Публикуемые статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Авторы несут ответственность за недостоверные сведения, содержащиеся в их материалах.

- К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях.
- Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).
- К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка по следующей форме:

<p>Заявка на опубликование научной статьи (рецензии/обзора) в научно-практическом журнале «Вестник Уфимского юридического института МВД России»</p> <p>Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи</p> <hr/> <p style="text-align: center;">(название статьи)</p> <p>в рубрике _____</p> <p>Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте института в сети «Интернет».</p> <p>Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке материалов к публикации не использовались литературные источники и документы, имеющие гриф дсп, «секретно», а также служебные материалы других организаций.</p> <p>Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ.</p> <p>Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией.</p> <p>О себе сообщаю следующую информацию:</p> <p>ФИО (полностью): _____</p> <p>Должность: _____</p> <p>Место работы: _____</p> <p>Ученая степень: _____</p> <p>Ученое звание: _____</p> <p>Адрес: _____</p> <p>Телефон для связи: _____</p> <p>e-mail: _____</p> <p>Электронный вариант статьи на ___ страницах прилагается.</p> <p>Дата, подпись, расшифровка подписи.</p>

**РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК
УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»**